

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 44 ОКТЯБРЬ 1982

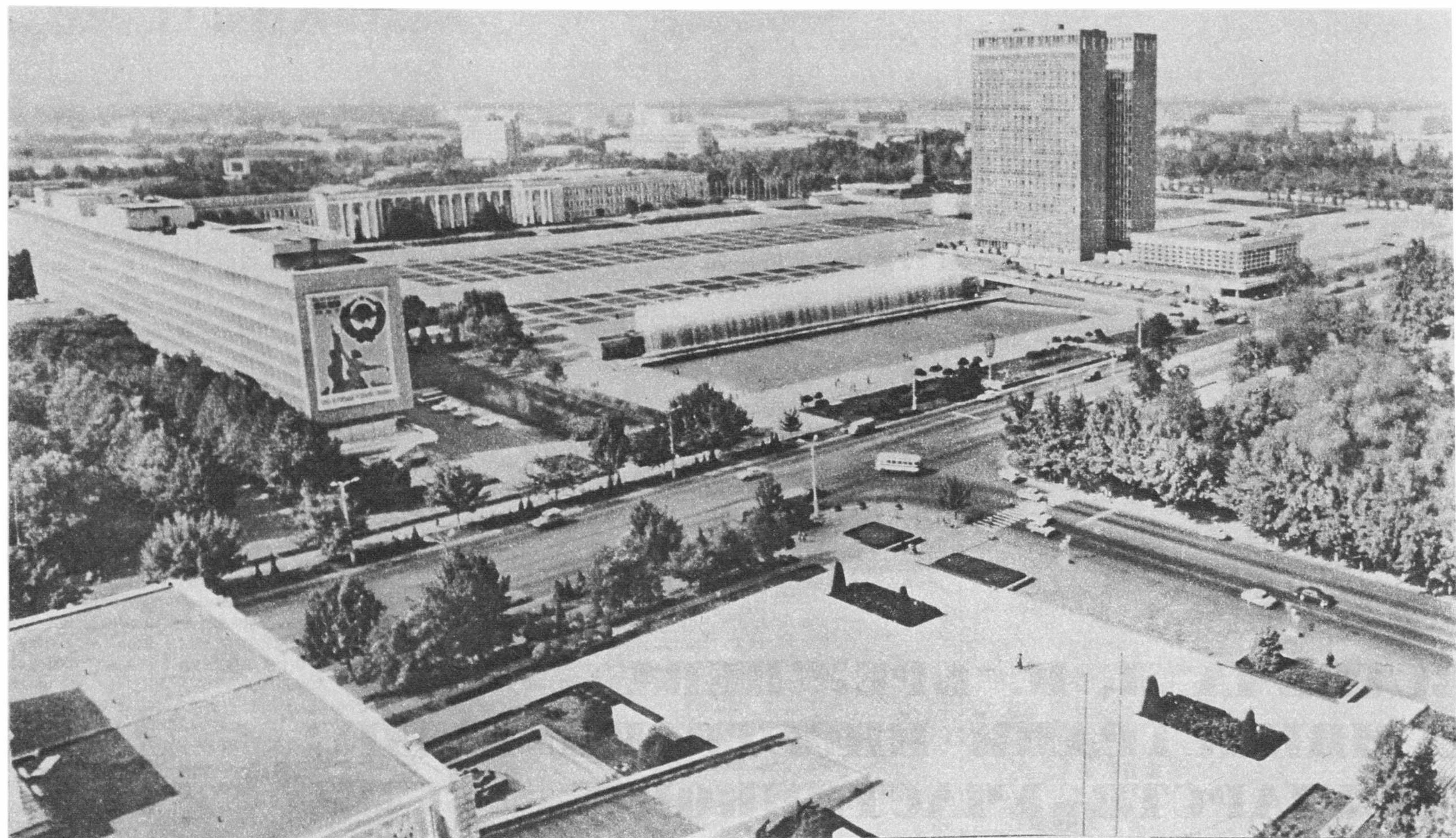

Узбекская ССР

ГОДЫ И СВЕРШЕНИЯ

ПЛОЩАДЬ — 447,4 тысячи квадратных километров.
НАСЕЛЕНИЕ — 16 миллионов 591 тысяча человек.
НАСЕЛЕНИЕ ТАШКЕНТА — 1 миллион 908 тысяч человек.
В РЕСПУБЛИКЕ ПРОЖИВАЮТ граждане 122 национальностей и народностей.
ПРОИЗВОДСТВО ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ за 1940—1981 годы увеличилось в 17 раз.
ПРОИЗВОДСТВО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ — в 4,6 раза.
ПРОИЗВОДСТВО ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ — в 74 раза.

СВЕТ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 44 (2885)

30 ОКТЯБРЯ 1982

Сарвар **АЗИМОВ**, писатель

Захватывающей дух горной вершиной представляется мне большой наш праздник — шестидесятилетие многонационального Советского государства. Это славный этап на пути каждого нашего народа-побратима к лучезарному коммунистическому Завтра. Народы СССР во главе с великим русским народом, устремившись к светлому будущему, добились огромных практических успехов в социальном переустройстве страны.

Как жил наш трудолюбивый, талантливый, но почти сплошь отстраненный от грамоты народ вплоть до переломной, кумачовознаменной грани Великого Октября, можно судить хотя бы по официальному заявлению кушбеги — премьер-министра эмирской Бухары, когда там в условиях ужасной антисанитарии вспыхнула эпидемия тифа и холеры: «Умирать от болезней должны все те, коим предназначено умереть, а выздоравливать все те, коим по воле аллаха суждено поправиться. Знать об этой воле заранее, равно как и помочь этому, никоим способом невозможно». И это в двадцатом веке!

На таком вот историческом фоне особенно наглядна преобразующая роль той силы, которая стала мудростью этого века, его честью и совестью,— партии российских пролетариев, партии великого Ленина, пророчески сказавшей устами своего вождя коммунистам Туркестана:

Продолжение см. на стр. 13.

Во время встречи. Фото А. Пахомова

ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С МИНИСТРАМИ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ—УЧАСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

21 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился в Кремле с министрами иностранных дел — Народной Республики Болгарии П. Младеновым, Венгерской Народной Республики Ф. Пуйя, Германской Демократической Республики О. Фишером, Польской Народной Республики С. Ольшовским, Социалистической Республики Румынии Ш. Андреем, Чехословацкой Социалистической Республики Б. Хнёупеком, участвовавшими в заседании Комитета министров иностранных дел государств — участников Варшавского Договора.

Во встрече принял участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

В ходе встречи было подчеркнуто, что политикой социализма, государств — участников Варшавского Договора была и остается политика мира, предотвращения ядерной катастрофы, надежного обеспечения безопасности для всех народов.

На встрече были рассмотрены наиболее актуальные проблемы европейской и международной безопасности и, в частности, вопрос о мадридской встрече.

Мы знаем, заявил Л. И. Брежнев, что вопреки нажиму США европейские страны в целом сохраняют заинтересованность в разрядке и часто не боятся говорить об этом и открыто. Что касается Советского Союза, то он твердо выступает за то, чтобы общеевропейский процесс, начатый совещанием в Хельсинки, не только был сохранен, но и продолжался, набирал силу. Для этого особенно важно, чтобы мадридская встреча завершилась положительными результатами.

В состоявшейся беседе Л. И. Брежнев подчеркнул, что самый жгучий, самый неотложный вопрос международной безопасности — это устранение угрозы ядерной войны. В этой связи он указал на особое значение обязательства Советского Союза не применять первым ядерного оружия. Ключевые вопросы прекращения гонки вооружений и разоружения обсуждаются, как известно, на советско-американских переговорах в Женеве по ограничению и сокращению стратегических вооружений и по ограничению ядерных вооружений в Европе.

Л. И. Брежнев проинформировал о деятельности КПСС и Советского государства в области коммунистического строительства. Он особо остановился на предстоящем в конце декабря праздновании 60-летия образования Союза Советских Социалистических Республик.

Л. И. Брежнев передал от имени Центрального Комитета КПСС и Политбюро руководителям НРБ, ВНР, ГДР, ПНР, СРР, ЧССР самые теплые приветствия и пожелания успехов в социалистическом развитии этих стран, в борьбе за мир и международную безопасность. Он пожелал участникам заседания Комитета министров плодотворной и успешной работы.

Во встрече участвовали секретарь ЦК КПСС К. В. Русаков и помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов.

ВРУЧЕНИЕ НАГРАД СРВ

Член Политбюро ЦК КПВ, Председатель Государственного совета СРВ Чыонг Тинь 22 октября в Кремле вручил члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Совета Министров СССР Н. А. Тихонову высшую награду Социалистической Республики Вьетнам — орден «Золотая Звезда». Этой награды Н. А. Тихонов удостоен за выдающийся вклад в укрепление и развитие великой дружбы, боевой солидарности и всестороннего сотрудничества между СРВ и СССР.

Н. А. Тихонов выразил глубокую благодарность Центральному Комитету Коммунистической партии Вьетнама, Государственному совету и правительству СРВ.

Высокую награду СРВ — орден Хо Ши Мина Чыонг Тинь вручил также первому заместителю Председателя Совета Министров СССР И. В. Архипову.

При вручении наград.
Фото А. Гостева

ВСТРЕЧА В МАДРИДЕ: ДВА ПОДХОДА

Юрий КОРНИЛОВ

Сложное, бурное время переживает наша планета, интенсивная борьба двух направлений в мировой политике идет на международной арене. С одной стороны — последовательная, принципиальная линия СССР, его друзей и союзников, линия на обуздание гонки вооружений, укрепление мира и разрядки, на защиту суверенных прав и свободы народов. С другой — империалистический курс на подрыв разрядки, взвинчивание гонки вооружений, на вмешательство в чужие дела. Острое противоборство этих двух различных, более того, полярно противоположных политических стратегий отчетливо просматривается и на мадридской встрече 35 государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которая после почти восьмимесячного перерыва 9 ноября возобновит свою работу в столице Испании.

Советский Союз, верный своей политике мира, глубоко убежден в том, что фундамент разрядки, заложенный семь лет назад в Европе, да и не только в Европе, в результате совещания в Хельсинки, можно и должно сохранить и упрочить. Исходя из этого, наша страна, другие страны социалистического содружества решительно выступают за скорейшее завершение мадридского форума принятием содержательного и сбалансированного заключительного документа, который вновь подтверждал бы твердое обязательство государств-участников строго соблюдать и выполнять все принципы и положения хельсинкского Заключительного акта и включал бы договоренности об их дальнейшем претворении в жизнь. Особо важным вкладом в развитие разрядки, в укрепление безопасности на континенте явилось бы принятие мадридской встречей решения о созыве конференции по мерам укрепления доверия и безопасности и разоружению в Европе и согласование ее мандата.

Эта принципиальная позиция находит живой отклик у миролюбивых государств, у всех народов Европы, но на иных расчетах строят свою стратегию и тактику те агрессивные круги США и НАТО, которые озабочены не судьбами мира на континенте, а пекутся лишь о том, как бы обзавестись ядерным мечом подлиннее и поострее, дабы диктовать свою волю другим суверенным странам. Нет нужды доказывать, что стержень, сердцевина разрядки — это прекращение развязанной империализмом форсированной материальной подготовки к войне. СССР и словом и делом демонстрирует свою волю к обузданию гонки вооружений, разоружению. А США? Они приходят к мадридской встрече, провозглашая одну за другой все новые программы наращивания вооружений — и ядерных, и химических, и обычных, добиваясь превращения западноевропейских стран в стартовую площадку для новых американских ракет. Они приходят к этой встрече, объявляя, что за пять лет (1982—1986 гг.) военные расходы США составят поистине астрономическую сумму в 2,25 триллиона долларов. Да и где уж Вашингтону заботиться об упрочении безопасности и развитии сотрудничества в Европе, коль скоро в его глобальных расчетах ей отводится роль «театра военных действий», будущего плацдарма «затяжной», «ограниченной», «предупредительной» и иных ядерных войн!

Один из важных вопросов, который до сих пор не согласован в Мадриде,— это вопрос о параметрах зоны применения мер доверия. Как известно, СССР, проявляя добрую волю, заявил о готовности распространить меры доверия на всю европейскую часть своей территории — разумеется, при условии соответствующего шага и со стороны западных государств. Такое решение вопроса, сохраняя баланс стратегических интересов, отраженный в Заключительном акте, несомненно, содействовало бы прогрессу в деле упрочения разрядки, разоружения. Чем же ответили США? Они не только не откликнулись на советскую инициативу, но и пытаются добиться одностороннего расширения зоны мер доверия за счет территории СССР. Подобный подход отвечает, конечно, глобальной политике Вашингтона, нацеленной на то, чтобы любыми способами добиться односторонних преимуществ. Но что же, спрашивается, общего имеет он с основополагающим принципом равенства и одинаковой безопасности, без строжайшего соблюдения которого вообще нельзя рассчитывать на успех любых двусторонних или многосторонних переговоров, касающихся устранения военной угрозы?

Духу и букве договоренностей в Хельсинки разительно противоречат и попытки определенных кругов США в угоду собственным имперским амбициям грубо вмешиваться в дела суверенных народов. Обращает на себя внимание и тот факт, что ныне, в канун мадридского форума, эта линия проводится руководителями американской внешней политики особенно активно; не проходит, пожалуй, и недели, чтобы из Вашингтона не доносились угрозы в адрес суверенной Польши, когда бы там не предпринимались попытки диктовать ее правительству и сейму «линию поведения». Инициаторы развязанной на Западе антипольской, антисоциалистической кампании явно хотели бы использовать для раздувания этой кампании и мадридскую встречу, хотя подобная провокационная затея прямо противоречит принципам взаимоотношений государств, провозглашенным в Хельсинки, грубо их нарушает. А что сказать о попытках Вашингтона подорвать нормальные и взаимовыгодные торгово-экономические связи между государствами Востока и Запада Европы? Ведь и эти действия свидетельствуют о том, что задачи, стоящие перед мадридским форумом, явно не укладываются в глобальный политический курс США, делающий ставку на «силовые приемы», на диктат и шантаж, на доминирование над другими странами и народами.

Международная общественность надеется и верит, что воля к миру, трезвомыслие, реализм возьмут в Мадриде верх над попытками выхолостить хельсинкский Заключительный акт, списать его в архив. Что касается Советского Союза, то он — и это еще раз со всей определенностью подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в ходе недавней встречи в Москве с министрами иностранных дел государств — участников Варшавского Договора — твердо выступает за то, чтобы общеевропейский процесс, начатый совещанием в Хельсинки, был бы не только сохранен, но и продолжался, набирал силу. «Мир — Европе! Мир — народам!» — говорит наша партия, наша страна, и этот пламенный призыв горячо поддерживают миллионы людей доброй воли во всех уголках земли.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

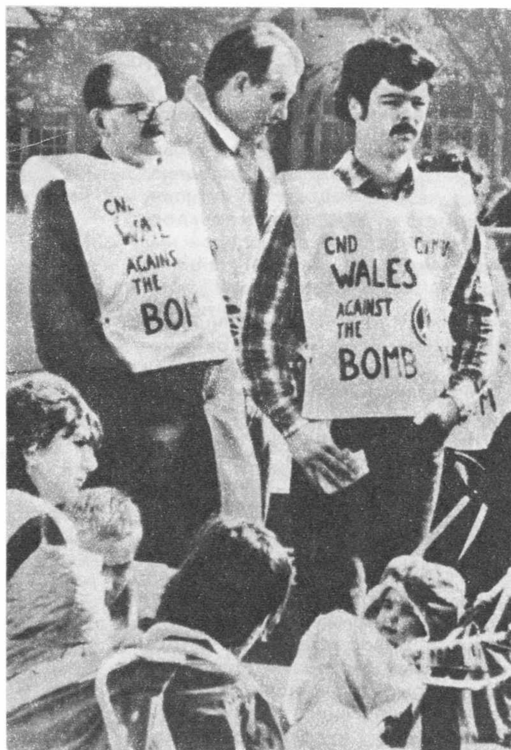

Франция. Париж. В колонне участников марша мира.

НАРОДЫ ХОТЯТ МИРА

Волна мощных демонстраций протеста против безудержной гонки вооружений, навязанной империалистами США и НАТО, прокатилась в этом году по всем странам Западной Европы. Об этом не должны забывать те политические деятели Запада, которые примут участие в возобновляющейся в Мадриде встрече представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Мир и разоружение — вот чего требуют народы континента от своих правительств.

Великобритания. Марш мира в Кардиффе.
Фото ТАСС.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ ПРЕССА

«Из школы — в безработные».

Огромная волна безработицы продолжает захлестывать страны, в которых правит капитал. Число людей, потерявших возможность трудиться, растет из года в год. Об этой проблеме с откровенной тревогой говорят политические деятели и рядовые граждане. Это вынуждены признавать даже сугубо буржуазные газеты и журналы.

Вот лишь некоторые цифры. Они взяты из американского еженедельника «Ньюсуик» от 18 октября 1982 года.

В Соединенных Штатах Америки число безработных достигло рекордного за последние сорок два года уровня — более 11 миллионов человек. Это 10,1 процента от всего трудоспособного населения страны.

3,3 миллиона (14,3 процента) жителей Великобритании не имеют сегодня работы.

Количество безработных во Франции к концу этого года, по предварительным оценкам, достигнет 2,2 миллиона человек (8,3 процента).

В 24 наиболее развитых странах капиталистического мира, которые объединяет организация экономического сотрудничества и развития, безработными являются более 31 миллиона человек; вместе с членами семей, которые находятся у них на иждивении, число людей, лишенных средств к существованию, превышает количество жителей в ФРГ.

Характерный снимок. Половина выпускников одного из классов средней школы сможет получить профессиональную подготовку, а половина — нет (на снимке они слева).

ЛИШНИЕ ЛЮДИ «СВОБОДНОГО МИРА»

Демонстрация протеста против нехватки ученических мест на производстве.

Стать с юных лет никому не нужным, «лишним» человеком—удел миллионов юношей и девушек. Молодые люди в капиталистических странах составляют большую часть безработных, они находятся в наиболее тяжелом положении. Об этом и пишет, в частности, западногерманский журнал «Шпигель».

Проблему безработицы среди молодых сегодня в ФРГ сравнивают с бомбой замедленного действия. Недаром в самом начале большой, занимающей семь журнальных полос статьи ее авторы напоминают читателям о событиях, которые произошли прошлым летом в Англии, в пригородах Лондона, о чудовищной силы взрыве массового протеста анг-

лийских безработных, в результате чего их столкновения с полицией вылились в настоящие уличные бои. «Подобный социальный взрыв,— предупреждает статья,— по мнению многих политиков, занимающихся проблемами молодежи, может в скором времени потрясти и Западную Германию».

Журнал, как видим, признает остроту проблемы. Но, подобно другим буржуазным изданиям, подчас акцентирует внимание на второстепенных факторах, влияющих на рост безработицы (таких, например, как «Baby Boom» — высокая рождаемость в начале 60-х годов), не затрагивая первопричин этого явления, которые кроются в самих основах капиталистической системы.

Одним из следствий безработицы стала и такая проблема, как невозможность для многих выпускников школ получить хоть какую-либо профессиональную подготовку. Предприниматели не заинтересованы в них, тем более если учесть, что более двух миллионов граждан в ФРГ не имеют сегодня работы, а ведь среди них немало высококвалифицированных специалистов. Вот что пишет по поводу профессиональной подготовки западногерманский журнал:

«Спрос на ученические места наталкивается на все меньшее их количество. Число молодежи, пытающейся получить профессиональную подготовку, только в нынешнем году увеличилось на 31 тысячу юношей и девушек. В одном только 1981 году число ученических мест сократилось на 52 тысячи... В этом году это число сократится еще раз — на 65 тысяч. Со временем,— говорится в статье,— протест молодежи может породить «молодежный субпролетариат», пролетариат, которому нечего терять и которому нормальным путем ничего не приобрести...»

Несмотря на призывы ряда правительственных служб и общественных организаций, предприниматели в условиях нынешнего экономического спада не желают раскошеливаться на создание новых ученических мест на производстве; призывы к ним остаются гласом вопиющего в пустыне. Речь идет, таким образом, о сознательном увеличении армии неквалифицированных безработных. В то же время ряд предпринимателей и политических деятелей пускают в ход свой излюбленный пропагандистский козырь в виде утверждений о том, что тот, кто хочет найти работу, может найти работу, достаточно лишь согласиться не на то, что хочешь, а на то, что предлагают. При этом нет недостатка в заявлениях о сочувствии молодым безработным.

«На конгрессе профсоюзных активистов, — сообщает журнал «Шпигель»,— федеральный президент Карл Карстенс признал, что именно эта проблема его особенно «тяготит», а в Бонне в своем выступлении перед промышленниками он подчеркнул, что она «волнует его особенно». Но в то же время он спросил: а не виновата ли молодежь сама чуть-чуть в этом? Не ограничивают ли молодые люди свой выбор места ученика так называемыми модными, престижными профессиями, такими, к примеру, как зубной техник, автослесарь и им подобными?»

Далее федеральный президент заявил, что по его сведениям мясная кооперация ищет 1200 учеников и может предложить 1200 мест.

Мясная кооперация? Прекрасно! Скорее туда! Однако шестнадцатилетнему выпускнику 10-го класса центральной школы в Кёльне — Остхайме Артуру Рикку не стало легче оттого, что глава государства «обнаружил» для него 1200 свободных мест. «Лично мне,— сказал Артур,— хватило бы и одного». На все свои пятнадцать заявлений с просьбой дать ему возможность выучиться на мясника он получил отказ. Вот чего стоят широко разрекламированные заявления о том, что тот, кто хочет найти работу, может найти работу.

Впоследствии Артуру Рикку все же повезло. После долгих мытарств он нашел в одной из фирм место ученика фрезеровщика. А вот 17-летняя Яня Эке ищет работу уже два года. На ее счету 100 отказов! Она, видимо, уже достаточно хорошо усвоила, что девушки обычно получают отказ под тем предлогом, что они, дескать, «вносят сумятицу в производственную атмосферу». В различных газетах можно встретить сегодня объявления, подобные тому, которое поместил один молодой человек в газете «Мангеймер морген»: «Выпускник общеобразовательной школы даст 1000 марок тому, кто поможет ему найти место ученика».

Если кому-то из молодых и удается найти себе пусть даже временную, но работу, то при первом же экономическом спаде они ее первыми и теряют, поскольку законодательство ФРГ не предусматривает для них никакой юридической защиты от увольнения. Материальная помощь, которую может выделить правительство для тех, кто не имеет работы или места ученика, крайне мала. Лишь небольшой процент молодых безработных может воспользоваться ею. Но деньги при этом выделяются в ущерб другим статьям бюджета, в ущерб той же профориентации. Значит, для того, чтобы помочь одному, нужно лишить шансов на получение профессии другого. Поистине заколдованный круг!

Безработные парни и девушки чаще болеют, во все больших количествах употребляют спиртные напитки, гораздо более других подвержены опасности стать рабами наркотиков. Случается, что отчаяние, вызванное безысходностью такого положения, толкает некоторых из них на совершение отвратительных актов насилия и вандализма. Многие молодые безработные оправдывают подобное поведение, считают его реакцией на жестокие по отношению к ним действия со стороны властей, заявляют также, что их «общество в целом является обществом жестокого насилия».

Отсутствие возможности приобрести профессию вызывает чаще всего страх перед будущим, чувство ненужности обществу. Поэтому неудивительно, что многие молодые граждане в Федеративной Республике Германии чувствуют себя в этой жизни по-настоящему лишними.

А. СОКОЛОВ

Давно знакомая картина — и пауки и паутина.

Рис. М. АБРАМОВА
Стихи С. МИХАЛКОВА

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. РАЗГОВОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

СЛУЖБА ХЛЕБА

И БУБЛИКИ И БУЛОЧКИ...

Экономический репортаж К. Барыкина «Служба хлеба» («Огонек» № 31, 1982) ставил проблемы, непосредственно связанные с хлебом (прежде всего с бережным к нему отношением!) — с его выпечкой, с доставкой караваев и батонов в булочные, с торговлей ими... Публикация вызвала заинтересованный и деловой отклик читателей, а также организаций, которым надлежит решать все эти вопросы. Сегодня мы публикуем полученные письма. Но разговор не завершен.

Статья К. Барыкина в «Огоньке» № 31 о службе хлеба показалась мне настолько актуальной, что я решила написать вам. Меня зовут — Ольга Ивановна Конькова. Я работаю директором булочно-кондитерского комбината в Липецке, стаж работы около 30 лет, в названной должности — 16 лет. Прежние публикации «Огонька» о черством отношении к свежему хлебу были восприняты коллективом комбината как приглашение к действию. Поэтому мы в ноябре 1981 года оборудовали своими силами, с большой помощью Липецкого горкома партии фирменный магазин «Сказка» с производственными отделениями выпечки бубликов, булочек и пирожных. Ежедневно у нас в продаже горячие бублики с маком, горячие булочки к кофе и свежайшие пирожные. Все это продается буквально в считанные часы. За горячими бубликами едут с другого конца города, ждут, когда их принесут на прилавок. Аналогичная картина с булочками и с пирожными, хотя в других магазинах они слабо реализуются.

Не залеживается в магазине и другая продукция комбината. Работники службы контроля качества и службы сбыта к продукции для «Сказки» относятся с повышенным вниманием. Из этого следует, что объединение в единый комплекс выработки и продажи по крайней мере хлебобулочных изделий — дело стоящее, для покупателей благоприятное. Служба хлеба — это нужно, это диктуется временем и интересами покупателей. И вот еще что. Хлебопекарная промышленность стала таковой в послевоенные годы, когда от маленьких пекарен, сблокированных с магазинами, перешли к большим механизированным предприятиям. И это было совершенно оправданно, если посмотреть на дело с позиций механизации тяжелых ручных работ. Однако совершенно уверена, что булочные изделия, особенно мелкоштучные и сдобные, следует выпекать непосредственно при магазинах: на прилавке они должны быть горячими.

Коллектив готовится к организации еще одного маленького булочного цеха при магазине (разумеется, с максимальным уровнем механизации технологического процесса). Все это хлопотно. Но когда в трамвае или автобусе слышишь: «Поехали в «Сказку» за горячими бубликами»,— испытываешь удовлетворение — хлопоты не пропали даром.

Приезжайте к нам. Надеюсь, вам понравится.

О. КОНЬКОВА

Липецк.

ПЕКАРНИ БУДУТ

Заместитель министра пищевой промышленности СССР Р. Б. УСМАНОВ:

«Минпищепром СССР, рассмотрев репортаж «Служба хлеба», отмечает, что в нем подняты актуальные вопросы дальнейшего совершенствования производства и улучшения обеспечения населения хлебобулочными изделиями».

Для сокращения транспортных издержек и для оперативной поставки в торговую сеть свежеиспеченных хлебобулочных изделий в Москве будут построены мелкие механизированные пекарни с привязкой их к торговым предприятиям. Гипропищепрому-1 поручено разработать типовой проект таких предприятий, а **Управление хлебопекарной промышленности Мосгорисполкома сейчас «прорабатывает вопрос о выделении средств на строительство четырех таких пекарен уже в 1983 году».**

С удовлетворением отмечая конкретность принятых мер, надо сказать о том, что все письмо тов. Усманова выдержано в деловом и конструктивном духе. Заместитель министра информирует, что в республиках Средней Азии, в Закавказье и Казахстане широко ведется строительство цехов и пекарен по производству национальных хлебобулочных изделий, таких, как лепешки, лаваш, чуреки... Цехи эти размещаются рядом с булочными и магазинами, что позволяет «постоянно торговать свежеиспеченными хлебобулочными изделиями». Тов. Усманов сообщает, что Минпищепром СССР вместе с Минторгом СССР и автотранспортными организациями принимают меры по расширению объемов перевозки хлеба в контейнерах. В Вильнюсе, Ленинграде, Тбилиси, Фрунзе, Донецке и ряде других городов ныне широко используется такой прогрессивный способ транспортировки хлеба. Ведется работа по расширению контейнерной доставки хлеба и в Москве.

«Организация единой фирмы «Служба хлеба»,— завершает свое письмо заместитель министра,— службы, объединяющей хлебопекарную отрасль, транспорт и торговлю, по сути является наиболее совершенной и комплексной формой управления «хлебным конвейером», но его решение требует глубокого и всестороннего изучения. Дело в том, что большинство магазинов, реализующих хлебобулочные изделия, являются универсальными, в них в основном производится продажа продовольственных товаров в широком ассортименте, а удельный вес хлебобулочных изделий незначителен. Поэтому эту работу надо начинать с создания первичных ячеек, объединяющих небольшие пекарни и специализированные булочные, как это и предлагает автор опубликованного в «Огоньке» репортажа».

Еще раз отмечая конструктивность письма из Минпищепрома, согласимся с тем, что начинать можно и с малого. Примагазинные пекарни скоро появятся! Важно, чтобы затем был сделан и второй шаг... Но он зависит не только от пищевой промышленности, но и от торговли, от транспортных организаций.

РАСШИРЯЕТСЯ АССОРТИМЕНТ

Заместитель министра торговли СССР С. Д. АЛЕШИН.

Министерство торговли СССР рассмотрело вопросы, поставленные в статье «Служба хлеба» («Огонек» № 31 — 1982 г.). Одним из наиболее действенных способов сокращения потерь готового продукта — хлеба — является снижение массы единицы изделия. По мнению Минторга, развитие хлебопекарной промышленности должно идти по пути резкого увеличения выработки мелкоштучных хлебобулочных изделий взамен хлеба крупного развеса. И здесь наряду с хлебозаводами, вырабатывающими хлеб из обойных сортов муки (так называемый «черный»), а также изделия из пшеничной сортовой муки — развесом 400—500 граммов, для выработки мелкоштучных булочных и сдобных изделий **очень нужны именно пекарни,** расположенные недалеко от магазинов, чтобы продукция поступала в продажу в свежем виде. МГК КПСС и Мосгорисполком, сообщает тов. Алешин, был рассмотрен вопрос о строительстве мелких механизированных пекарен при крупных универсамах. Главному архитектурно-планировочному управлению Москвы и Управлению хлебопекарной промышленности Мосгорисполкома поручено разработать в 1982—1985 годах техническую документацию на их строительство. Сейчас изыскиваются средства на строительство в 1983 году четырех пекарен при универсамах в новых жилых массивах. Говоря о продаже наряду с хлебом кондитерских товаров, тов. Алешин оправдывает существующую сейчас практику. К сожалению, в письме обходится поставленный в журнальной публикации вопрос об уникальной московской булочной № 1, в которой за последнее время заметно сократился ассортимент хлеба, а вот пирожных и тортов прибавилось. Говоря о фирменных магазинах, заместитель министра отмечает, что их создание поможет не только лучше изучать спрос, но и повысить уровень торгового обслуживания населения. Во многих городах уже работают фирменные магазины по торговле хлебом. В Москве действуют десять фирменных магазинов и до конца года из числа специализированных должны быть преобразованы в фирменные еще шестнадцать. Для этих магазинов утвержден расширенный ассортиментный перечень хлеба и хлебобулочных изделий.

ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ЛИ?

Начальник: Главмосавтотранса И. М. ГОБЕРМАН пишет в редакцию, что вопросы, поднятые в статье «Служба хлеба», актуальны. На заседании коллегии Главмосавтотранса признано, что «имеющие место опоздания автомобилей на хлебозаводы являются одной из причин нарушения графиков доставки хлеба». Коллегия проанализировала недостатки в работе объединения «Мосхлебтранс» и утвердила дополнительные меры по дальнейшему улучшению перевозок хлеба и хлебобулочных изделий в Москве. Коллегия указала первому заместителю начальника Главмосавтотранса В. Т. Куроптеву и заместителю начальника объединения «Мосхлебтранс» В. П. Дубровскому на невнимательное отношение к просьбе журналиста «Огонька», выполнявшего редакционное задание.

К сожалению, тов. Гоберман в отличие от заместителя министра пищевой промышленности СССР возражает против создания единой «Службы хлеба», считает это делом преждевременным.

К НАШИМ ДРУЗЬЯМ-ЧИТАТЕЛЯМ

Мы приглашаем вас познакомиться с нашими планами на предстоящий 1983 год.

В будущем году основную свою задачу журнал видит в углубленном, ярком, разножанровом рассказе о главном в нашей жизни — о претворении задач, намеченных XXVI съездом партии, о борьбе за выполнение Продовольственной программы, о лучших людях города и села. «Образ жизни — советский», «Адреса великих свершений», «Красота человеческая» — вот рубрики, с которыми вы будете регулярно встречаться в наступающем году.

«Огонек» всегда стремился к тому, чтобы на его страницах находили отражение темы быта, торговли, сферы обслуживания, то есть проблемы, связанные с тем, что окружает нас повседневно. По просьбе читателей мы продолжим публикации материалов «Домашние наши помощники», «Как вас обслуживают», «Бережливость: разные аспекты», об уважительном отношении к хлебу, о развитии личных подсобных хозяйств и т. д.

Редакция будет всемерно добиваться повышения действенности выступлений. Мы получаем немало критических сигналов от читателей по многим проблемам нашей жизни, хотелось бы, чтобы вы и впредь писали нам, называя новые конкретные адреса, подсказывая интересные темы.

Журнал постоянно публикует документальные повести и очерки на морально-этические темы, материалы о работе органов внутренних дел, суда и прокуратуры. Публикация подобных материалов будет продолжена и в будущем году.

Как и прежде, «Огонек» будет давать много разнообразной информации «По стране Советской», а также ежемесячную подборку «Москва и москвичи». Привлекательность этих сообщений во многом зависит от наших контактов с вами, дорогие читатели. Ждем от вас свежую информацию обо всем интересном.

В наступающем году мы намерены чаще печатать фотоочерки и фоторепортажи о самом важном, волнующем и значительном в нашей жизни, о людях и событиях, о достижениях советского народа. Были бы признательны, если бы читатели подсказывали нам темы для фотоочерков, присылали бы свои собственные фоторепортажи.

В новом, 1983 году журнал «Огонек» предполагает напечатать четвертую книгу романа Ивана Стаднюка «Война», продолжение романа Анатолия Калинина «Цыган», новый роман Петра Проскурина, повесть Юлиана Семенова, приключенческую повесть Владимира Александрова «Вилла в Лозанне» и роман Владимира Кашина «Чужое оружие», последнюю повесть Джанни Родари, а также зарубежный детектив.

Давняя наша традиция — предоставлять страницы журнала лучшим поэтам нашей многонациональной Родины и других стран. Читатели вновь встретятся с поэтическими произведениями Василия Федорова, Расула Гамзатова, Максима Танка, Михаила Дудина, Фазу Алиевой, Ларисы Васильевой, Людмилы Щипахиной, Евгения Евтушенко, Алексея Маркова, Роберта Рождественского, палестинского поэта Моина Бсису, поэта из Пакистана Фаиза Ахмада Фаиза, египетского поэта аль-Хамиси и многих других.

В 1983 году исполняется 40 лет битвы на Курской дуге и битвы за Днепр. С воспоминаниями в «Огоньке» выступят известные военачальники, генералы, офицеры, солдаты и партизаны. Мы обращаемся к читателям — участникам боев на Курской дуге, форсирования Днепра, освобождения Киева, всем, кто сражался на фронтах Великой Отечественной, присылать нам свои воспоминания.

Наши авторы журналисты-международники, а также зарубежные публицисты расскажут в будущем году о жизни и достижениях в странах социалистического содружества, о борьбе трудящихся капиталистических государств за свои права, о борьбе народов за мир, разрядку и прогресс. Будут публиковаться интервью и беседы с политическими и общественными деятелями зарубежных стран.

Журнал будет периодически рассказывать о достижениях советских ученых, на страницах «Огонька» выступят крупные специалисты, космонавты. Особое внимание отдел уделит очеркам, репортажам и проблемным статьям, связанным с экологическими вопросами, проблемами охраны природы.

В 1983 году «Огонек» отметит юбилеи выдающихся деятелей русской и советской литературы: 100-летие А. Н. Толстого, 200-летие В. А. Жуковского, 90-летие В. В. Маяковского. Будут продолжены рубрики «Страницы минувшего» с публикациями о Пушкине, Лермонтове, Блоке, Ахматовой, Анненском и других известных писателях и поэтах. В разделе «Земля родная» читатель познакомится с местами — жемчужинами русской культуры: Архангельским, Кусковом, Царицыном, музеями в разных городах нашей страны, литературными и историческими памятниками.

В этом году отмечается 225-летний юбилей Академии художеств СССР. Журнал предполагает публикацию большой серии цветных вкладок и очерков о выдающихся русских и советских мастерах живописи, скульптуры, графики. Кроме того, «Огонек» широко отметит 500-летие великого художника Рафаэля, 175-летие Оноре Домье, 100-летие со дня смерти Эдуарда Мане. Мы продолжим публикацию произведений наших молодых мастеров искусств.

Встретятся читатели и со своими любимыми актерами, режиссерами, ведущими деятелями искусств. Расскажет журнал о новых работах в кино, в театре, на телевидении. Хотелось бы узнать о предложениях и пожеланиях читателей в адрес этого раздела журнала.

Очерки о лучших спортсменах страны, спортивных городских и сельских клубах, репортажи о важнейших событиях в спортивной жизни также, безусловно, найдут свое место на страницах журнала в 1983 году.

Писатели-сатирики, юмористы, карикатуристы готовят острые фельетоны, рассказы, басни, стихи, изошутки, карикатуры. И здесь добрую помощь «Огоньку» можете оказать вы, предлагая темы для фельетонов, критических корреспонденций.

Дорогие читатели, наиболее интересные ваши письма найдут свое место на страницах «Огонька».

В «Библиотеке «Огонек» (подписная цена на год 3 руб. 20 коп.) будут опубликованы повести и рассказы С. Михалкова, С. Воронина, В. Сафонова, И. Демьянова, стихи Н. Флерова, Е. Шевелевой, Ю. Мельникова, С. Куняева и других поэтов, очерки и репортажи С. Лосева и Н. Петрусенко, А. Овчаренко, Н. Лейкина, записки экс-чемпиона мира М. Таля, сборники произведений Э. Хемингуэя, Дж. Б. Пристли, антологии афганской и палестинской прозы.

И в завершение хотелось бы знать, какие публикации 1982 года вам особенно запомнились, какие темы, проблемы вас особенно волнуют, что вас не удовлетворяет в наших выступлениях и что бы еще вы хотели видеть на страницах «Огонька» в 1983 году.

Ждем писем!

ВЕЛИКИЙ ГУМАНИСТ И ПРОСВЕТИТЕЛЬ

Поборником дружбы и братства между народами вошел в мировую культуру основоположник азербайджанской реалистической драматургии, философ-материалист и просветитель середины прошлого века Мирза Фатали Ахундов.

Его острые сатирические комедии, повесть «Обманутые звезды», статьи, философские письма проникнуты демократическим духом, зовут на борьбу против социального зла и несправедливости. Страстный патриот, Ахундов верил в лучшее будущее своего народа, всех народов земли. Изображая современную ему азербайджанскую действительность, он достигал художественных обобщений, выходящих за рамки национальной литературы. Идеи Ахундова оказали влияние на развитие общественной мысли в странах Ближнего и Среднего Востока.

Еще одним свидетельством признания духовного вклада замечательного писателя и мыслителя в мировой литературный процесс стали недавние торжества на родине Ахундова, в Азербайджане, по случаю 170-летия со дня его рождения.

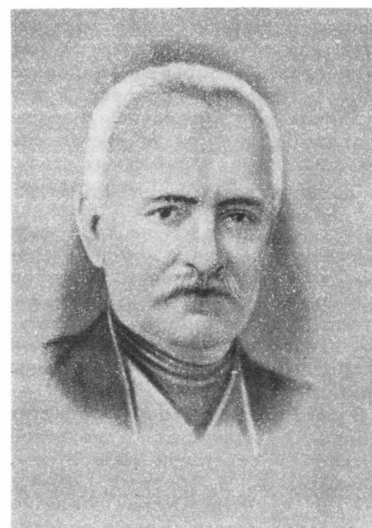
В эти дни в музеях Баку открылись экспозиции, посвященные жизни и творчеству выдающегося художника слова, в Академии наук Азербайджана прошла юбилейная сессия, у памятника писателю состоялся массовый митинг общественности столицы республики.

До отказа был заполнен зал Дворца имени В. И. Ленина. На торжественном вечере в честь знаменательной даты присутствовали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Алиев, председатель правления Союза писателей Азербайджана Герой Социалистического Труда Мирза Ибрагимов, писатели Герои Социалистического Труда Григол Абашидзе, Сулейман Рустам, представители писательских организаций братских союзных республик, зарубежные делегации, деятели науки, литературы и искусства Азербайджана.

Вступительным словом вечер открыл секретарь ЦК Компартии Азербайджана Г. А. Гасанов. С докладом о значении творчества Мирзы Фатали Ахундова выступил секретарь правления Союза писателей Азербайджана Эльчин.

Выступавшие на вечере советские писатели и зарубежные гости говорили об огромной роли великого гуманиста, пламенного патриота и интернационалиста, выдающегося мыслителя и литератора в духовном развитии азербайджанского народа, в становлении национальной реалистической прозы.

— Торжества по случаю юбилея славного сына азербайджанского народа являют яркий пример неразрывной связи между прошлым и настоящим, между людьми, которые, не щадя жизни, закладывали фундамент народного счастья вчера, и теми, кто продолжает неустанно трудиться во имя прогресса, мира и безопасности во

всем мире,— сказал в своей речи заместитель председателя Сирийского комитета афро-азиатской солидарности Ахмед аль-Асаад.

— Мы усматриваем эту связь и в том,— продолжал он,— что приехали сюда из Ташкента, с заседания президиума Организации солидарности народов Азии и Африки, где вновь подтвердилась наша боевая сплоченность, наша нерушимая дружба с советским народом. Оба столь важных для нас события происходят в канун 60-летия образования СССР, в канун очередного праздника первой в мире социалистической революции, благодаря которой многое на планете изменилось в пользу свободы, прогресса, национальной независимости и суверенитета народов.

Об этом мечтал Мирза Фатали Ахундов, и мы счастливы передать его соотечественникам, всем советским людям пламенный привет арабского народа Сирии, противостоящего американскому империализму и его кровавым приспешникам на Ближнем Востоке — израильским сионистам, учинившим чудовищную бойню в Ливане. Мы знаем, что не одиноки в этой трудной борьбе...

— Дорогие друзья! — обратилась к собравшимся член Совета женщин Народной Республики Конго Ботока Эмильон.— Из сердца Африки, с берегов великой африканской реки Конго мы привезли вам наилучшие пожелания нашего многострадального народа, лишь недавно сбросившего цепи рабства и колониальной зависимости.

Мы рады быть в этот день с вами на праздновании юбилея замечательного азербайджанского писателя, учителя, гуманиста, слово и мысль которого проникли далеко за пределы его родины.

Нам близки идеалы Мирзы Фатали Ахундова, возвысившего свой голос в защиту некогда бесправной, угнетенной женщины Востока, призывавшего отстаивать добро и справедливость,— сказала далее Ботока Эмильон.— Ахундов верил, что свет разума рассеет злые чары тьмы. Мы тоже верим в это!

У нас перед глазами неугасимый пример расцвета прежде отсталых национальностей в единой семье народов Советского Союза, пример их равноправного счастливого бытия при социализме. 60-летие образования СССР — тот впечатляющий итог, который опровергает лживые измышления буржуазной пропаганды, силящейся свернуть развивающиеся страны с избранного пути. Однако мы научились хорошо разбираться, кто наши истинные друзья, а кто враги...

— Самое главное в каждой жизни — всегда помнить: чей ты сын, на какой земле вырос, какой дорогой идешь и какие дальние горизонты открываются тебе в пути,— так начал свое выступление от лица писателей России поэт и драматург Анатолий Софронов.— Условия эти чрезвычайно важны для всякого человека, но, конечно, совершенно обязательны они для писателя, философа, общественного деятеля, посвятившего свою жизнь служению народу.

Таким писателем, философом и общественным деятелем был и навсегда останется Мирза Фатали Ахундов, человек утра — сабухи!

Кажется, его произведения написаны сегодня, сейчас... И вновь возвращают к мысли: каким великим провидцем он оказался! Как русский писатель хочу добавить, что именно он, Ахундов, приложил немало стараний к тому, чтобы все прочнее становились мосты между азербайджанским, русским и всеми другими народами.

Он утверждал:

...Пусть Николай царит
от Волги до Китая,
Но покорил весь мир
лишь Пушкин-исполин.

Позволю себе ответить ему тоже поэтическим словом:

...Навстречу Пушкину пошел
крутой дорогой.
«Нет, весь я не умру»,—
ему казалось, слышит.
И вот уже стихи
прощальные он пишет.
...И кажется, что встретились
как будто бы в Баку
Ахундов с Пушкиным
здесь,
на Каспийском берегу;
И в этот час,
сейчас,
они здесь вместе с нами
Стоят на берегу
над синими волнами...

О большой чести принимать участие в юбилейных торжествах по случаю 170-й годовщины со дня рождения классика азербайджанской литературы говорил в своем выступлении директор по внешним связям Политического совета ЦК Фронта национального освобождения Алжира Амар Фуанис.

Он подчеркнул, что в Алжире, как и в других странах мусульманского Востока, знают и любят этого замечательного писателя и мыслителя XIX века, беспощадного обличителя феодализма, оказавшего существенное влияние на рост национального самосознания в данном регионе. Недаром Ахундова еще при жизни называли «азербайджанским Мольером».

— Он положил начало целому направлению в новых восточных литературах,— сказал Амар Фуанис.— Нашлось у него много прогрессивных последователей и у нас в стране. Понятно поэтому, как интересно нам было узнать удивительно щедрую и гостеприимную родину М. Ф. Ахундова.

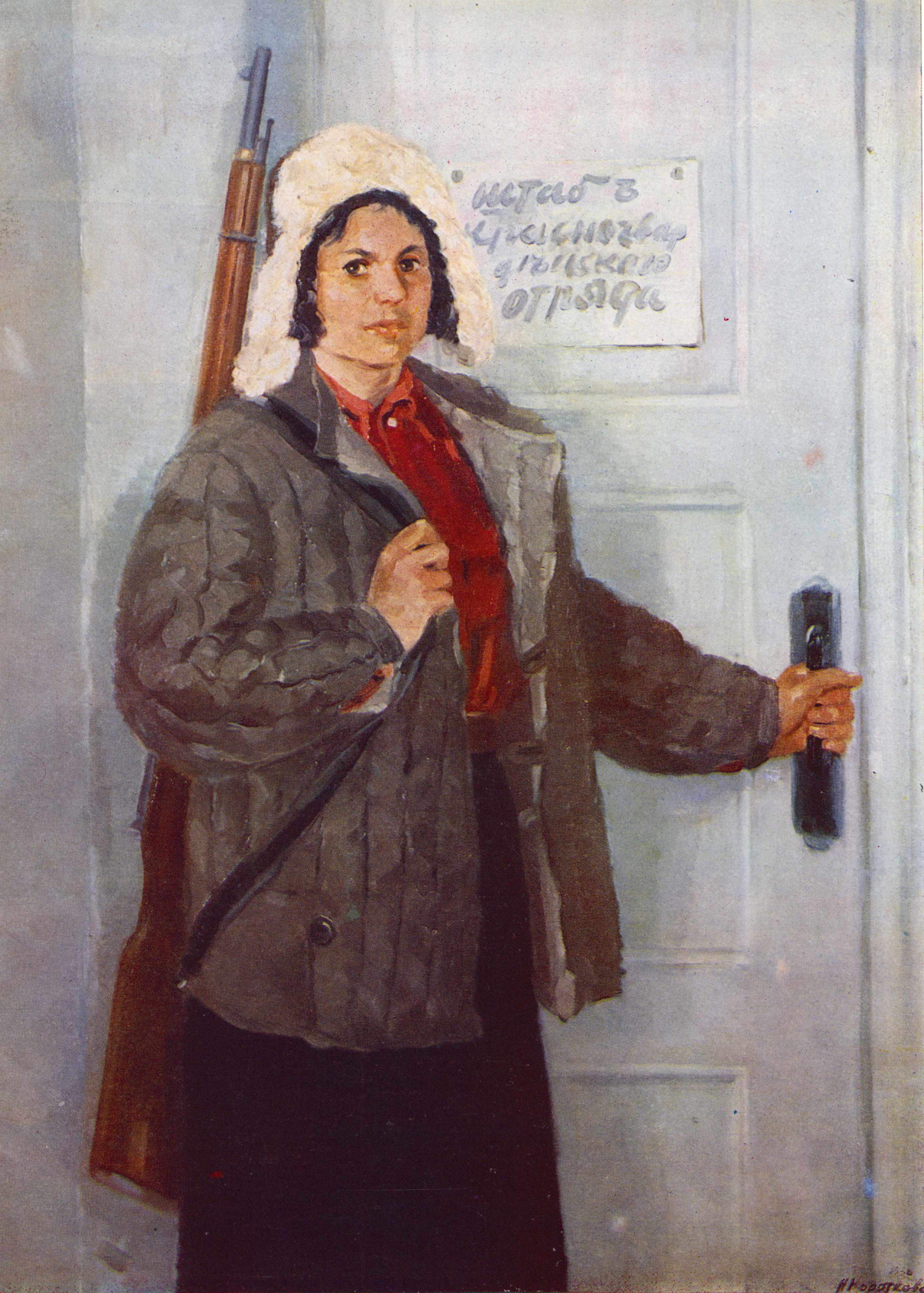
Зарубежные гости, посланцы союзных республик побывали на предприятиях и в учебных заведениях Баку, осмотрели достопримечательности столицы Азербайджана и познакомились с его достижениями.

Ю. ОСИПОВ

Л. Котляров. Род. 1925. ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТОВ

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

Н. Короткова. Род. 1904. КРАСНОГВАРДЕЙКА

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

ФЕОДОСИЯ

ЧУДО-НАБЕРЕЖНАЯ

Набережная — украшение приморского города, его визитная карточка. Если же город не только приморский, а еще и курортный, то без красивой набережной ему просто не обойтись.

Древний город-порт Феодосия гордился своей набережной, пока не проложили в середине минувшего века железную дорогу, которая отрезала набережную от моря. А что за удовольствие любоваться им через каменный забор, поверх вагонных крыш или вдыхать морской бриз с примесью тепловозного выхлопа?

Было решено возвести прогулочную набережную, чтобы она имела не только эстетическое, но и оздоровительное значение. Целителен ионизированный морской воздух, насыщенный парами йода и других микроэлементов. А мерный рокот волн, ритмичный плеск прибоя, неоглядный морской простор успокаивают нервы и снимают усталость.

Набережную прокладывают в центре города-курорта, отвоевав для нее место у моря. Рукотворная береговая полоса протянулась от водосбросной станции, что напротив галереи Айвазовского, до центрального пляжа в восьмистах метрах отсюда. Новая набережная смыкается с остатком старой, прилегающей к порту.

Уже сейчас она зеленеет газонами, шумит листвой молодых деревьев и кустарников. Высажены тысячи кустов роз. Поднялись сквозные, кружевные беседки, установлены скамейки для отдыха. Прогулочная часть выложена краснобелой плиткой. Вечером набережная освещается светильниками мягкого света, стилизованными под старинные фонари.

А строительство набережной ведут трест «Крымспецгидрострой» и... Черное море. Да, проектанты и строители заставили его потрудиться. Далеко в море выступают железобетонные волногасящие буны. Но они к тому же и накопительные. Рассекая волну, буны впиваются в нее мертвой хваткой. Разрушенная, стиснутая меж бунами, волна теряет напор и гаснет. Обессиленно откатываясь в море, она оставляет между клыками-бунами часть своей плоти — песок, ракушки, камешки. Так день за днем намывается и ширится лента пляжа вдоль набережной.

Ю. КОТЛЯР

ЙОШКАР-ОЛА

ГОРОДУ БУДЕТ ЧЕТЫРЕСТА

Кварталы современных домов, утопающих в зелени лип и берез, ряды туи, японской айвы. Весной цветут нарциссы, тюльпаны, позднее — розы, сальвии, бегонии, осенью — флоксы и астры — пунцовые, белые, розовые. Величественный мемориал героям, павшим в годы Великой Отечественной войны, площадь Ленина — центральный архитектурный ансамбль города, здания университета, политехнического и педагогического институтов, музыкального и драматического театров, современные промышленные предприятия,— такова теперь Йошкар-Ола (бывший Царевококшайск). А когда-то М. Е. Салтыков-Щедрин называл его «дикой дырой».

Столица Марийской АССР готовится к своему юбилею. И вот в честь 400-летия, в честь дружбы русского и марийского народов в самом центре города, на бульваре Чавайна, названном именем классика марийской литературы, вырастет пятидесятиметровый монумент.

Между железной дорогой и Ленинским проспектом разобьют парк с пляжами, спортивной зоной, кафе, городком-крепостью, детской железной дорогой. Это место давно облюбовано жителями марийской столицы: здесь проложена зимняя «тропа здоровья», хорошо укатанная, освещенная. С правобережьем парк свяжет вантовый мост.

Многие жители города получают новые квартиры. Ежегодно в городе, который населяет 221 тысяча человек, строители сдают более ста тысяч квадратных метров жилья.

Будет закончена к юбилею и реконструкция привокзальной площади. Ведь гостей в город приедет много, хотя и сейчас их, конечно, бывает немало.

И. МИХЕЕВА

На снимке: проспект Юрия Гагарина.

Фото В. Асноченского

ОРЕНБУРГ

НАРОДНЫЙ, СТУДЕНЧЕСКИЙ...

Здесь «выживают» сильнейшие. Не всякий способен совмещать нелегкую учебу с почти ежедневными вечерними репетициями и двумя-тремя премьерами в год. Однако тот, кто однажды пришел в Студенческий театр эстрадных миниатюр (сокращенно СТЭМ) Оренбургского медицинского института, волей-неволей должен стать сильнейшим. Если будешь плохо учиться, игнорировать товарищей, а также писаные и неписаные законы студенчества, тебя освободят от театра. Непосвященным объясню: это очень страшное наказание для тех, кто хоть раз выходил на сцену и видел восторженные лица зрителей, кто до поздней ночи засиживался в стенах института, обсуждая новую программу или сочиняя художественное оформление; короче, познал радость творческого труда.

Студенческий театр возник в 1966 году (на основе Клуба веселых и находчивых) под руководством кандидата медицинских наук Ефима Давыдовича Цинберга. Сначала ставили небольшие миниатюры, написанные на студенческие темы. Через некоторое время театр обратился к Брехту, Фонвизину, Шукшину... В СТЭМ пришел режиссер — Владимир Николаевич Поздняков, актер местного драматического театра. Он полюбил молодежный коллектив и отдает ему все свое свободное время. За поставленного Поздняковым «Клопа» В. Маяковского студенческий театр удостоен звания народного.

На спектакли СТЭМа трудно достать билеты. Успех сопутствовал спектаклям на БАМе и в Набережных Челнах, в Челябинске и Иванове, куда студенты выезжали на гастроли с шефскими концертами...

Но успех ко многому обязывает. И сейчас самодеятельные артисты задумались над тем, чтобы проблемы спектаклей стали серьезнее, глубже волновали зрителей. Короче — СТЭМ подрос: будущие терапевты, хирурги, анестезиологи хотят лечить и нравственные недуги. Врачевать искусством души человеческие...

Н. МИХАЙЛОВА

Студенты Л. Зубачева и И. Кильдеватов в спектакле «Слуга двух господ».

Фото Г. Стрельникова

•НОВОСТИ •ИНТЕРВЬЮ• РЕПОРТАЖ•

Нил ГИЛЕВИЧ,
секретарь правления Союза писателей СССР,
первый секретарь правления Союза писателей Белоруссии

В 1926 году правительство республики присвоило Якубу Коласу почетное звание народного поэта Белоруссии. Ему было в то время сорок четыре года, двадцать из которых он отдал литературному труду. Впрочем, двадцать — это если считать с момента первого выступления со стихами в печати. На самом же деле из этого творческого стажа жизнью-судьбой были изъяты, во-первых, три года, проведенные им в царском остроге, во-вторых, почти столько же лет, отобранных у него первой мировой. Если же считать совсем точно, то за всю прожитую к тому радостному событию жизнь литературному труду он мог отдавать только те часы и минуты, которые удавалось выкроить из бюджета времени учителя приходской школы, а позже, после Октябрьской революции,— школьного инструктора, преподавателя педтехникума и университета. Тем более поразительно количество сделанного им к середине 20-х годов в поэзии и прозе. Значение и место писателя в духовной жизни народа измеряется, конечно же, не количеством написанного: есть показатели более существенные, бо-

зов в стихах, пьесы, книги стихотворений, поэм и сказок для детей), к 20-летнему юбилею творческого пути Коласа было уже достоянием самых широких трудящихся масс Белоруссии, пользовалось наряду с творчеством его ровесника, друга и побратима Янки Купалы в истинном смысле слова всенародной известностью, популярностью и любовью.

А началась эта известность в ту полную драматических и трагических событий пору, когда еще не утихли громовые раскаты революции 1905 года, когда в городах и селах страны свирепствовали царские опричники — душители свободы, каратели, вешатели, погромщики. Надо было обладать немалым гражданским мужеством, чтобы перед лицом виселиц и экзекуций, полевых судов и расстрелов поднять голос в защиту социальных и национальных прав угнетенного народа. Но именно тогда и зазвучали первые вдохновенно-пламенные, окрыленные предчувствием грядущей победы, набатно-призывные стихи Якуба Коласа.

Встаньте, хлопцы, встаньте, братья!
Встань ты, наша сторона!..
Иль мы сил своих не знаем?
Иль нам руки бог связал?
Иль над бедным нашим краем
Луч свободы не блистал?

(Перевод Е. Мозолькова).

«Встань!..», «Проснись!..», «Выйди!..» — как часто звучит у него это обращение к белорусскому мужику, ко всему трудовому народу Белоруссии. Как часто бросает он в гущу масс призыв не падать

Якуб Колас. Минск. 1948 год.
Фото М. Савина. Публикуется впервые.

ЛЕТОПИСЕЦ НАРОДНОЙ СУ

лее важные. Но если речь идет о писателе такого ранга, о таланте такого масштаба, то это «более существенное», то есть высота идейно-художественного уровня, подразумевается само собой, и тогда количество свидетельствует о мере труда и самоотдачи, о степени интенсивности творческого горения. Нельзя не говорить об объеме, если в этот объем входят такие книги, как сборники поэзии «Песни печали» (1910) и «Отзвук» (1922), сборники прозы «Рассказы» (1912), «Родные образы» (1914), «Шаг за шагом» (1925), «На рубеже» (1925), «В тихой воде» (1925), «Сказки жизни» (1926), повести «В полесской глуши» (1923, первая часть трилогии «На росстанях»), «На просторах жизни» (1926), если в этот объем входят такие замечательные создания национального поэтического гения в крупных стихотворных формах, как поэмы «Новая земля» (1923) и «Сымон-музыкант» (1925). Да, все это, ставшее сразу же по обнародовании национальной художественной классикой, как и многое неназванное мною (сборники расска-

духом, не отчаиваться, не вешать головы, увереннее смотреть в будущее и смелее идти вперед! Таким же мятежным чувством и настроением движимы в своих делах и поступках герои его ярко реалистических, правдивых рассказов, в большинстве случаев молодые, осознавшие свою силу и право крестьяне. Нетрудно представить, какое большое значение для социально-классового воспитания трудящихся имело его творчество, как способствовало оно революционизированию их умов и настроений, особенно если учесть, что говорил-то ведь с ними, мужиками, не человек со стороны, а свой, такой же самый мужик, говорил убедительно, простым и понятным «мужицким» языком, говорил с непритворной скорбью и болью в душе и говорил правду! Всю правду о жизни и положении угнетенного, униженного, бесправного народа! Это очень хорошо понимали судьи поэта — охранители и защитники самодержавия. И когда они приговорили учителя Константина Мицкевича (подлинное имя и фамилия Я. Коласа.— Н. Г.) к трехлетнему тюремному заточению за участие в нелегальном учительском съезде, они-то уж знали, что сажают прежде всего поэта Якуба Коласа — поэта-обличителя, поэта-просветителя и поэта-будителя — за его революционное творчество. Ну, что ж, Колас разделил и эту участь народа: ведь в те годы тысячи, тысячи лучших его сыновей и дочерей шли или в тюрьму, или на каторгу.

Широко известна та высокая оценка, которую дал дооктябрьской поэзии Купалы и Коласа великий пролетарский писатель Максим Горький. «Нашим бы немножко сих качеств!.. Вот бы хорошо-то было!..» — писал он в одном из писем М. Коцюбинскому, имея в виду прежде всего правдивость, искренность и простоту письма белорусских поэтов. Безусловно, подлинный демократизм и глубокое человеколюбие творчества Купалы и Коласа весьма и весьма импонировали Горькому, были ему близки и дороги. Да и как было ему не почувствовать своего идейно-эстетического родства с этими молодыми тогда белорусами: ведь его же творчество служило для них образцом и примером! Якуб Колас не однажды признавал, что наряду с книгами Пушкина, Лермонтова и Некрасова в пору его гражданского и писательского становления исключительно плодотворное влияние оказали на него произведения Максима Горького.

Якуб Колас — крупнейший в белорусской литературе художник-живописец, создавший в стихах и прозе бессчетное множество непревзойденных по яркости картин и рисунков родной природы — белорусского лета, осени, зимы и весны, картин, одухотворенных живым человеческим чувством и беспокойной, пытливой мыслью, почти всегда соотнесенных с жизнью и судьбой автора, его края, его народа. Вряд ли кто может сравниться с ним и в точности описания белорусского деревенского быта и крестьянского труда, точно так же, как и в знании души белорусского мужика, его самых сокровенных чувств и мыслей. Рассказы и повести, стихи и поэмы Коласа, особенно же его великий поэтический эпос «Новая земля», работа над которым длилась с 1910 по 1923 год, дают удивительно полное представление о Белоруссии. Трудно назвать в белорусской литературе иное произведение, в котором бы так художественно убедительно было засвидетельствовано умение белорусского крестьянина работать, высокое мастерство его труда, как «Новая земля», где это воплощено в образах отца семейства лесника Михала, его брата-землепашца Антося и жены Михала, матери семерых детей, Ганны.

В другой крупнейшей поэме, «Сымон-музыкант», так же убедительно раскрыты заложенные в

душе народа способности к искусству, его неисчерпаемые силы и возможности в области художественного творчества. Создавая такие образы, как Михал, Антось, Ганна, Сымон-музыкант и другие, Якуб Колас стремился сказать: народ, который они представляют, трудолюбив и талантлив, и он имеет право на счастье, то есть на то, чтобы быть хозяином своей земли и жить радостью свободного труда, свободного духовного творчества.

Якуб Колас в своих разнородных и разножанровых произведениях охватил и мастерски воплотил в художественных образах и картинах несколько десятилетий жизни, борьбы и созидательной деятельности белорусского народа, начиная от конца прошлого столетия и кончая серединой нашего века. Ему одному из первых в белорусской литературе принадлежит честь создания образа нового человека, борца за победу Октябрьской революции и упрочение ее завоеваний, за утверждение в жизни новой, социалистической морали, нового типа человеческих взаимоотношений (рассказы 20-х годов, повести «Трясина», «На просторах жизни», «Отщепенец», поэма «На путях свободы», драма «Война войне» и др.). Им создано крупнейшее в нашей поэзии произведение о борьбе трудящихся Западной Белоруссии за воссоединение со своими единокровными братьями на востоке в одной социалистической державе (поэма «Хата рыбака»). Героический подвиг советского человека в борьбе с фашистскими захватчиками — тема его поэм «Возмездие» и «Суд в лесу», многих сильных своим публицистическим накалом стихотворений. Вершина созданного Коласом в жанре прозы — и одна из блистательных вершин белорусской литературы вообще — трилогия «На росстанях», обширное повествование о поисках белорусской народной интеллигенцией путей в революцию, о ее восхождении на большую и ясную дорогу активной общественно-революционной деятельности.

ДЬБЫ

Ровно полвека длилась его работа в литературе. Пятьдесят лет он служил народу своим вдохновенным словом при жизни. А потом начался новый отсчет времени этого высокого служения, которое не остановилось вместе с сердцем поэта — продолжается и будет продолжаться, приобретая все больше и больше благодарных читателей, переходя все дальше и дальше границы пространства и времени, охватывая все новые и новые поколения людей, края и земли.

Минск.

В ХЕРСОНЕ ГОВОРЯТ ПО-ИСПАНСКИ...

Владимир КОВАЛЕВ

Хлопчатобумажный комбинат в городе Херсоне по праву называют школой подготовки кадров для текстильной промышленности стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи. Сюда, на базовый учебно-курсовой комбинат, повышать свою квалификацию, но гораздо чаще получать новую профессию приезжают ежегодно молодые рабочие из стран социалистического содружества. Начало положили несколько лет назад болгары, вслед за ними приезжали группы из Венгрии и Румынии, Чехословакии и Вьетнама, теперь прибыли посланцы Кубы...

— Когда мы уезжали в Советский Союз, американские радиостанции, вещающие на Кубу, распространяли «вести», будто мы едем заполнять вакантные и низкооплачиваемые рабочие места на советских предприятиях. Нелепость и глупость подобного рода утверждений очевидны. Кем выдуман и муссируется миф об «эксплуатации иностранных рабочих в СССР»? Это хорошо всем известно.

Хуанита Ирис Эррера, руководитель группы кубинских рабочих, говорила страстно и убежденно. Моим собеседником был убежденный в своей правоте патриот.

— Мы сейчас в тысячах километров от родины, но как обстоят дела на Кубе — знаем из сообщений радио Москвы, газет. Снова неймется президенту Рейгану, он мечтает стереть Кубу с лица земли, уничтожить социалистическое государство на американском континенте. Но разве он первый в своем «начинании»? Разве не объявляли нам его предшественники экономическую блокаду, не вводили разного рода санкции? По этому поводу хочется сказать: «Вспомните, господин Рейган, Плая-Хирон. Родина или смерть! Мы победим!»

...Кубе нужны классные специалисты во всех отраслях народного хозяйства. Только за последние годы в стране выросли десятки новых фабрик и заводов. Гигантские комбинаты, одним из которых является хлопчатобумажный в Гаване, готовятся вступить в строй действующих. Но работа на крупном производстве требует высокой квалификации, и потому совсем недавно в цехах Херсонского хлопчатобумажного комбината появилось 27 кубинских рабочих.

— Эта группа с острова Свободы у нас уже вторая,— рассказывала мне директор учебно-курсового комбината Зинаида Васильевна Олейник.— Что касается «международного опыта», то он нами накоплен, и немалый. Поскольку азы своей специальности ребята изучали у себя на Кубе, то с карандашом за партой у нас им сидеть почти не пришлось. Многие сейчас работают самостоятельно. И как работают!

...Подъем у них с первыми лучами солнца. А трубят зорю корабельные гудки в порту — от него до гостиницы «Киев», один из этажей которой стал на время рабочим общежитием, всего две троллейбусные остановки.

А на проходной хлопчатобумажного комбината их то и дело окликают, приветливо улыбаются, пожимают руки...

— Привет, Энрике!

— Лоретта, заходи в перерыв к нам, домашнее угощение будет!

— Буэнос диас, амигос!

Они уже не удивляются, как бывало раньше, обращению на родном языке. Привычно отвечают с неизменной улыбкой по-русски и по-испански. Все в порядке вещей, и никакой экзотики.

— А я за всех отвечаю,— говорила Хуанита,— думаете, легко? Поначалу ребятам казалось, что русский язык выучить ни за что не удастся. Из всей группы его знали только я и Марлен Муньос — с ней мы учились в Ленинградском текстильном институте имени Кирова. Мы с Марлен решили стать учительницами русского, каждый день после работы проводим один урок.

Ах, как ее ребята мечтали сразу по приезде увидеть снежные сугробы! Настоящие, какие часто показывают по телевизору в передачах из Москвы. Но в Советском Союзе оказалось ненамного холоднее тех мест, откуда все родом и где лето круглый год. А что касается снега, то его обнаружили только в виде изморози в холодильнике.

Пабло Карлос и Амадо Иснага мечтают о том дне, когда первые очереди гаванского комбината войдут в строй действующих и они на практике применят знания, полученные в СССР. А Хуанита Ирис мечтает передовые методы организации труда перенести на кубинскую почву.

В один из дней моего пребывания в Херсоне пришлось наблюдать такую картину в городском сквере. Амадо Иснага Ласарваль, присев на корточки, что-то чертил веткой на земле. Я подошел к нему, но Амадо был настолько увлечен, что не замечал ничего вокруг. Рисовал какие-то шестерни, подобие зубчатых передач, потом все крест-накрест перечеркивал и начинал заново, беззвучно шевеля губами.

— Чем это ты был так увлечен? — поинтересовался я на следующий день.

— Знаешь, мне кажется, механизм машины, которая сматывает пряжу в нити, можно усовершенствовать. Вот только не знаю, как мою идею изобразить наглядно на бумаге. Попробую поговорить с мастерами-наставниками...

Ну если уж парень всерьез говорит об усовершенствовании механизма, к которому всего несколько месяцев назад подошел впервые, значит, смекалка и сообразительность еще сослужат Амадо в будущем неплохую службу.

— Откуда эта тяга к технике?

Амадо Иснага рассказал, что в школе, где он учился, остался с дореволюционного периода американский автомобиль. Такой старый, что даже определить марку было невозможно. Водитель охотно пускал ребят в гараж, когда там шел ремонт «ископаемого» грузовика. И никаких игрушек не надо было, кроме шестерен и болтов, гаек и разного рода деталей.

Куда после школы? Конечно, на завод! Специальность? Конечно, механик...

Развитие текстильной промышленности на Кубе с целью ликвидировать зависимость от иностранных поставщиков пряжи и тканей стало одним из пунктов долгосрочной программы в рамках СЭВ, куда молодая республика вступила в 1972 году. Гаванский комбинат, возводимый с советской помощью,— один из становящихся явью пунктов программы.

— Наша задача-максимум: с самого первого дня пуска комбината обеспечить бесперебойную работу всех его машин и агрегатов. Вот почему мы здесь, в Херсоне,— говорит Амадо Иснага.

**Татьяна Герус и Хуанита Ирис Эррера подружились в Херсоне. Вместе работают, вместе отдыхают.
Фото автора.**

Николай СКАТОВ,
доктор
филологических наук,
профессор.

ЛЮБИТЕЛЯМ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Эта серия с несколько старомодно, в духе прошлого века звучащим названием выходит в издательстве, которое прямо ориентировано на выпуск литературы нашего времени и действительно обильно такую литературу выпускает,— «Современник». Не парадокс ли? Что же это за серия? Почему ее издает «Современник»? И как он ее издает?

Думается, что названа серия точно. Она действительно рассчитана на любителей российской словесности, то есть на современных читателей и почитателей нашего литературного прошлого. Но нынешний общий интерес к этому прошлому таков, что сейчас его и читают очень многие, а почитают уже буквально все. И самый интерес

играла особую роль. Не так уж много в истории нового времени примеров, когда теория, критика успешно соперничали бы по своему значению, по вниманию к себе читателей с самой литературой, опережая ее и даже предрешая ее развитие. Лишь один пример. В начале тридцатых годов прошлого века в России появляется новый писатель — Гоголь. Издает первые повести. Литературная общественность (и совсем не только реакционеры) в признании этих «низких» произведений еще колеблется или даже прямо в таком признании отказывает. И вот двадцатичетырехлетний критик, чуть ли не первый год «работающий» в литературе, пишущий вторую в своей жизни большую статью, провозглашает автора главою всей русской литературы, «главою поэтов» и заявляет, что тот становится на место, оставленное Пушкиным. И все это, заметим, в 1835 году. И Пушкин жив-здоров и места своего вроде бы не оставил. И Гоголь еще не автор ни «Ревизора», ни «Мертвых душ». Вот каким критиком был Белинский! Действительно, как же нам и сегодня такую критику не знать, не изучать, не перечитывать.

Наша критика — прежде всего, конечно, революционно-демократическая — не только критика. И сама сила литературно-критических прозрений была не таинственным наитием, не внезапным эстетическим озарением. Она вы

учитель-словесник, только-только собирающий свою рабочую библиотеку, сможет избавить себя от постоянных обращений к академическому Белинскому (для нашей школы он по-прежнему критик номер один), да ведь и учителя (и не только сельского) самые условия труда, к сожалению, часто лишают возможности таких обращений. Тот же однотомник, снова включающий «всего» Белинского, сослужит здесь неоценимую службу. Книга озаглавлена «Взгляд на русскую литературу», по названию, которое обычно давал великий критик своим ежегодным обзорам. Сейчас она выходит вторым изданием. Следует сказать, что книги, посвященные классической критике революционных демократов, заматрицированы и будут постоянно переиздаваться.

Примечательной особенностью нашей литературы всегда было стремление выдающихся ее художников к отчетливому осознанию своего места в процессе развития общества. Наши великие писатели бывали и глубокими теоретиками, и острыми жур

«Любителям российской словесности» впервые у нас издан сборник двух представителей примечательного литературного семейства России: братья Константин и Иван Аксаковы — сыновья одного из давно признанных писателей-патриархов — Сергея Тимофеевича Аксакова.

Странно было бы заниматься подменами, подставляя на место Виссариона Белинского Аполлона Григорьева, а такие попытки делались еще в прошлом веке. Но без знания Ап. Григорьева, К. Аксакова и знание самого Белинского будет однобоким, куцым и рано или поздно обнаружит свою недостаточность. Было бы противоестественным ныне, если бы мы вдруг начали читать Некрасова или Салтыкова-Щедрина под углом зрения злых и несправедливых оценок, данных им Николаем Страховым. Но так же противоестественно не знать, что ближайший, по признанию самого Льва Толстого, на протяжении десятков лет его друг Николай Страхов первым в русской критике раскрыл смысл «Войны и мира» как великого произведения искусства и русской героической эпопеи. Эти статьи Страхова о Толстом (и не только о Толстом) любитель российской словесности найдет в тоже впервые у нас выходящем сборнике «Николай Страхов. Литературная критика». Дело совет

приобретает все более острый современный смысл. И, наверное, не случайно «Современник» с его чутьем на новое должен был тоже ощутить новизну, эту современность старого. Ведь с прошлым можно обращаться поразному: можно уходить в прошлое, а можно, так сказать, выводить его в настоящее.

Определилось ли лицо серии, и решает ли она насущные задачи?

Серия «Любителям российской словесности» выходит в двух вариантах.

Во-первых, исследования о русской классике, о литературном наследии: читатели сразу узнают их по традиционной белой суперобложке. В этом варианте выпущено уже довольно много хороших книг, о них в свое время писали, хвалили, в основном вполне заслуженно. Можно напомнить, что именно здесь увидели свет посвященная нашей древней литературе книга академика Д. С. Лихачева «Великое наследие» и книга академика А. С. Бушмина о М. Е. Салтыкове-Щедрине; вызвала споры отнюдь не ординарная книга Ю. Селезнева «В мире Достоевского» и всеми с удовлетворением была принята уже давно бесспорная работа И. Фейнберга «Незавершенные работы А. С. Пушкина».

Во-вторых, с 1981 года в серии издается само это литературное наследие, как правило, классическое.

Сейчас, это «во-вторых» все больше занимает место «во-первых» по объему издаваемых книг, что естественно: ведь это все же и есть сама основа, сам «базис». В этой — второй — части серии предмет один — теория, критика, публицистика выдающихся деятелей нашей словесности, то есть не столько сама литература, сколько ее осознание. У нас в России такая словесность всегда

растала на основе философских осмыслений, социальных анализов, неустанной политической борьбы. Вот почему как будто бы всего лишь критические рассуждения, художественные анализы, книжные оценки оказывались у Белинского, Чернышевского, Добролюбова такими аккумуляторами духовной жизни своей эпохи, что сохраняли все значение «учебников жизни» для следующих эпох. Потому-то и сейчас их изучает школьник, конспектирует студент, читает самый широкий читатель.

К ним и обращена серия «Любителям российской словесности». Даже внешне (габариты, оформление, все более унифицирующийся характер издания) эти однотомники являют уже как бы единое собрание, целую библиотеку. Тексты их опираются на предшествующие, наиболее авторитетные советские издания, там, где это возможно, на академические. Наконец, все однотомники открываются статьями исследователей, как правило, специально занимающихся соответствующим писателем, и закрываются комментирующим аппаратом, в последних изданиях появились и именные указатели.

Эти однотомники есть не просто сборники критических статей. Они, особенно когда дело касается уже не критиков, но вообще писателей, представляют как бы и целый автопортрет автора под углом зрения его эстетических взглядов. Так построена книга: Е. Баратынский «Разума великолепный пир». Сгусток общеэстетических воззрений А. И. Герцена, реализовавшихся и в его собственно литературно-критических оценках, заключен в книге, получившей в серии название «Письма издалека». То же можно сказать о сборнике Н. Г. Чернышевского, вышедшем под названием «Письма без адреса». В результате студент или начинающий

нальными критиками, и оперативными газетными рецензентами. Серия уже предложила любителям российской словесности сборники Л. Толстого и Н. Гоголя, И. Тургенева и Н. Некрасова. «На подходе» М. Салтыков-Щедрин.

Вообще последние десятилетия у нас особенно отмечены закономерным желанием освоить в литературе прошлого всю ее толщу. Из этого совсем не следует, что нужно издавать что попало. Но, сохраняя четкие идейные ориентиры, мы, безусловно, расширили наши представления об историко-литературном процессе. Многое вошло в оборот впервые, много получило более объективные и исторические оценки. Достаточно назвать А. Фета и Н. Лескова, Ф. Тютчева и Ф. Достоевского, взятых во всем объеме их творчества; литературное народничество. В большой мере это касается и общеэстетической мысли и литературной критики. Мы можем убедиться, сколь многоцветна была эта мысль, скажем, в те же тридцатые годы прошлого века, приобщаясь к творчеству выдающегося писателя, философа, музыковеда — В. Ф. Одоевского: сборник его работ «О литературе, искусстве» недавно вышел в рассматриваемой серии.

Полемические статьи Белинского 40-х годов о Гоголе обретают истинный смысл лишь в соотнесении с предметом полемики — статьями К. Аксакова. А кое-что в рассуждениях К. Аксакова о «Мертвых душах» в исторической перспективе и, конечно, с иных, отнюдь не славянофильских позиций, может и сегодня навести на уяснение позитивных начал гоголевского произведения, названного автором поэмой и часто толкуемого у нас только как социальный роман. Сейчас в серии

ских литературоведов — расставить точные акценты, дать исторические оценки, не наводя задним числом ретушь ни на К. Аксакова, ни на Н. Страхова, ни на А. Хомякова. Потому-то в созданную для наблюдения за изданием серии и участия в руководстве общественную редколлегию вошли директор Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР академик А. С. Бушмин, первый секретарь Московской писательской организации доктор филологических наук Ф. Ф. Кузнецов, известный литературовед доктор филологических наук Г. М. Фридлендер.

Перед серией стоит немало проблем. Например. Пока из поля зрения издателей практически выпал интереснейший пласт русской литературы — критика и публицистика писателей конца XIX—XX века. Правда, однотомники статей некоторых авторов (Блок, Брюсов) появились вне этой серии, но немало пользы широкому читателю могут принести сборники критики и публицистики А. Белого, С. Городецкого, И. Анненского, М. Волошина, М. Цветаевой, А. Ахматовой и других известных писателей. Российская словесность, без сомнения, должна быть представлена в серии во всей своей полноте и объеме.

Хотелось бы закончить эти заметки словами об одной из удачных работ серии. Недавно появился сборник «Часть общепролетарского дела». Сборник впервые с такой полнотой представляет литературно-критическую работу дореволюционных большевистских изданий на протяжении нескольких лет.

Серия «Любителям российской словесности» обретает свое лицо. Она еще в поиске, но многое уже найдено. Сейчас важно, опираясь на найденное, учитывая недостатки, идти вперед.

Ленинград.

СВЕТ БРАТСКОЙ ДРУЖБЫ

Сарвар АЗИМОВ

Начало см. на стр. 1.

«Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание,— приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана,— доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского для борьбы беззаветной с империализмом всемирным и с британским во главе его,— с величайшим доверием отнестись к нашей Туркестанской комиссии и строго соблюсти ее директивы, преподанные ей, в свою очередь, от ВЦИК именно в этом духе».

Это письмо В. И. Ленина стало программным документом в деятельности туркестанских коммунистов, оно легло краеугольным камнем в фундамент строительства социализма на Советском Востоке. И пусть до Великого Октября прошли целые караваны веков, а после него в строительной горячке и огне боев за честь и независимость Родины просто-таки космическими ракетами мелькнули шесть с половиной советских десятилетий,— великая энергия дружбы народов, направляемая партией Ленина, действительно сотворила чудеса.

До революции в Узбекистане вовсе не производились не только машины или механизмы, но и элементарные металлические предметы повседневной потребности — мотыги для обработки земли, серпы, гвозди. Теперь же дети и внуки дехкан-земледельцев своими руками изготавливают самолеты, тракторы, хлопкоуборочные и текстильные машины, электромостовые краны, лифты, экскаваторы, холодильники. Чтобы дать почувствовать мощь нашей республики, скажу, что за рабочие сутки здесь вырабатывается свыше 92 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

Откуда все это? Вот выдержка из воспоминаний прокатчика Узбекского металлургического завода имени В. И. Ленина, что в городе Бекабаде, Саида Нурутдинова, удостоенного звания Героя Социалистического Труда:

«Шла Великая Отечественная война. В числе нескольких десятков узбекских ребят я только что вернулся с Урала, где нас, посланцев комсомола Узбекистана, русские рабочие учили мастерству варить сталь и прокатывать металл. Помочь нам в создании новой отрасли индустрии приехали русские и таджики, белорусы и казахи, украинцы и киргизы... В день пуска на первой плавке рядом с русским старшим мастером с Урала Михаилом Шелованозым были его ученики — узбекские сталевары Хафиз Ганиев, Анвар Ташпулатов».

Широко известна в стране продукция объединения «Средазэлектроаппарат»: устройства для автоматического контроля технологических процессов в атомных реакторах, пакетные включатели и переключатели, реле разнообразных типов. Ныне в объединении пять заводов, пять филиалов, конструкторское бюро.

— А началось все с цеха харьковского завода «Электростанок», эвакуированного в Ташкент в годы войны,— подчеркнул в беседе генеральный директор объединения Анвар Садыкович Махмудов.— Специалисты из Харькова обучали первых узбекских мастеров.

Конечно же, это было не только обучение делу, но и нравственное воспитание — воспитание моральных качеств советского гражданина-интернационалиста.

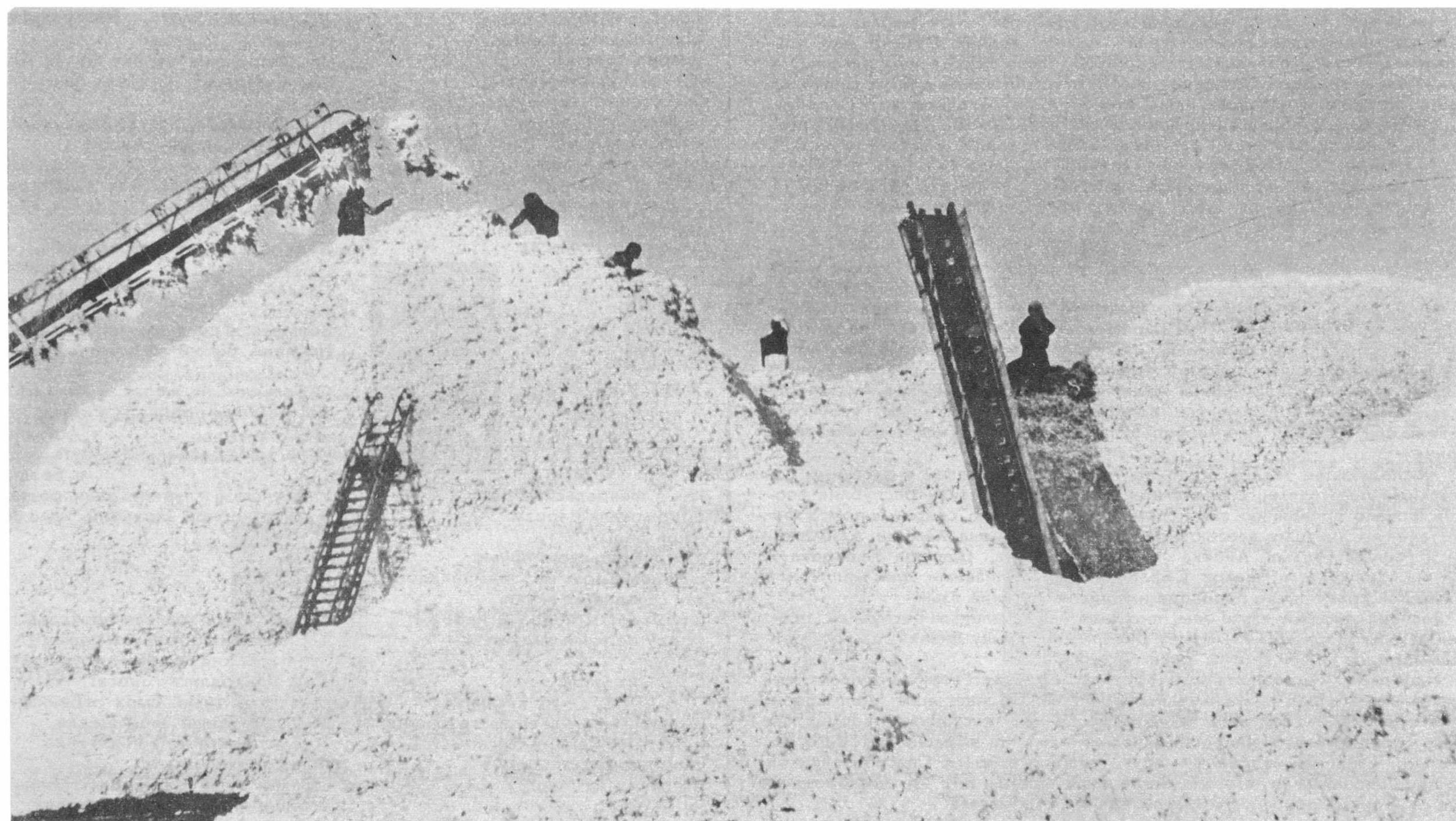
Если говорить о сегодняшнем дне, то узбекские специалисты — машиностроители, энергетики, химики, газовики и особенно ирригаторы и мелиораторы — имеют множество своих учеников, представляющих десятки национальностей. В том числе и зарубежных.

И как тут не вспомнить бытующую в Узбекистане и других среднеазиатских республиках притчу о мудреце, которого попросили ответить на нелегкий вопрос: кто ближе, милее, роднее — брат или друг? Мудрец сказал: «Ближе, милее, роднее брат... если он друг!»

Что ж, в отношениях между народами Советского Союза этот вопрос решается именно так. Практическая взаимовыручка, бескорыстие, морально-политическое единство стали законами нашей жизни, что не только создает благоприятные материальные условия роста, но и рождает социальный оптимизм, уверенность в завтрашнем дне, обеспечивая тем самым высокие темпы развития.

Самой природой, климатом определился главный материальный

Хлопок Узбекистана **Фото И. Гаврилова**

вклад Узбекской ССР в экономику Советского Союза. Теперь это стало стабильным—не менее шести миллионов тонн хлопка-сырца ежегодно. Наш народ называет этот вклад своим братским, интернациональным долгом. И с каким душевным старанием этот долг исполняется!

В нынешнем году, как известно, погода доставила хлопкоробам особенно много хлопот. В дело пошли все энерготехнические мощности. А сколько душевного горения было проявлено в самую ответственную пору — на уборке урожая! Первый секретарь Пскентского райкома партии Учкун Яхъяевич Бахадыров, например, рассказывая о все более совершенном применении индустриальной технологии на хлопковых плантациях, особо отметил высокий накал именно душевной тревоги рядовых земледельцев за судьбу юбилейного урожая.

— По сравнению с минувшим годом машинный сбор возрос и достиг 85 процентов,— сказал он.— Но вот что характерно: ветераны труда и войны, наши уважаемые аксакалы повели за собой молодежь, механизаторов, с самого начала страды!.. На счету ветеранов по району 150 тонн. Цены нет этому хлопку...

Такое отношение к труду, как и подлинный интернационализм,— великие победы советского строя. Они же—постоянный объект пристального творческого внимания тех, кто призван запечатлеть в произведениях искусства подвиг рядового советского человека. В частности, нас, узбекских писателей, глубоко волнует и вдохновляет каждый факт, характеризующий истинную суть современной действительности. Мы по-настоящему гордимся тем, что более тридцати стран мира покупают отличный советский хлопок, произведенный в Узбекистане, что в орбите взаимного сотрудничества нашей республики — и железнодорожный мост через реку Амударья, приблизивший к нам вырвавшийся из цепей империализма Афганистан, и горно-обогатительный комбинат «Эрдэнэт» в Монголии, и текстильные фабрики на Кубе, и многое другое. Ныне на знамени республики — три ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, Дружбы народов.

Выступая в марте нынешнего года на торжествах в Ташкенте в связи с вручением Узбекской ССР третьего ордена Ленина за выдающиеся трудовые достижения в десятой пятилетке, товарищ Леонид Ильич Брежнев подчеркнул, что успехи республики в коммунистическом строительстве покоятся на крепком фундаменте ленинской дружбы народов, братской взаимопомощи и тесного единения.

С чувством глубокой благодарности ко всем народам-побратимам хочется отметить такие вот убедительные своей контрастностью факты. Из ранее отсталой окраины царской России, Узбекистана, экспортируется ныне его продукция более чем в 70 государств мира. В бывшем краю почти поголовной неграмотности теперь обучаются самым современным специальностям юноши и девушки из 75 государств Европы, Азии, Африки и Латинской Америки. По количеству студентов на 10 тысяч населения республика обогнала такие развитые капиталистические страны, как ФРГ, Франция и Япония.

Высокий уровень народного образования в республике определил стремительный расцвет науки. В 1943 году была учреждена Академия наук Узбекской ССР. Ряд ее научных разработок получил широкое признание. В системе узбекской академии действуют институты ядерной физики, сейсмологии, кибернетики, биохимии, электроники, астрономии, археологии, комплексный институт естественных наук в Каракалпакском филиале академии и многие другие. А ведь началось это с «ленинского поезда науки», как называют у нас железнодорожный состав, отправленный вождем революции в Ташкент в 1920 году,— в нем ехали ученые из Москвы, Петрограда и других городов России, положившие начало советской науке в Узбекистане.

Как известно, за долгие века наш край дал миру многих замечательных мыслителей, просветителей, поэтов, зодчих. Однако все культурные ценности, созданные в прошлом, были достоянием небольшой кучки богачей. Лишь Советская власть открыла к ним доступ всему народу. Тогда-то и началось наше всенародное духовное возрождение.

Очень плодотворным оказался интенсивный обмен духовными ценностями между братскими народами нашей страны, и трудно в полной мере оценить выдающуюся роль великой русской культуры в формировании современных национальных культур. Например, благодаря ей узбекские писатели овладели такими жанрами, как роман, повесть, очерк. Так же возникли узбекский балет, опера, симфоническая музыка, кинематограф.

Демократическая направленность литератур среднеазиатских народов, в том числе узбекской, ярко проявилась уже в первые годы Советской власти. Выдающийся узбекский поэт-революционер пламенный Хамза Хаким-заде Ниязи выразил настроение народа в своих знаменитых стихах «Мы рабочие!», «Да здравствуют Советы!», «Не отдавай свободы!», «Проснись!». Тогда же зазвучали революционные марши таджика Садриддина Айни, песни киргиза Токтогула, импровизации туркмена Кёрмоллы. Как бы соревнуясь с ними, узбекский поэт-бахши Эргаш Джуманбульбуль-оглы создает поэму «Товарищ Ленин».

Последующее тесное общение узбекских писателей с русскими советскими писателями, с коллегами из других братских республик способствовало появлению все новых произведений о современном Узбекистане, получивших всесоюзное признание. Имена Хамида Алимджана и Гафура Гуляма, Айбека и Камиля Яшена, Шарафа Рашидова и Уйгуна, Зульфии и Назира Сафарова стали близкими для миллионов читателей сразу после перевода их книг на русский язык.

Великий русский язык! Мы, писатели национальных республик, особенно благодарны ему — языку революции, языку знаний, языку братства народов нашей страны и всего мира.

Народная мудрость гласит: «Время разрушает горы, иссушает моря, только мудрая книга ему неподвластна». И наш долг, долг советских писателей—создавать такие книги, книги, достойные творцов самого справедливого общества — коммунизма, на знамени которого начертано: «Человек человеку — друг, товарищ и брат». Спасибо великой партии Ленина за то, что она свела наши народы под это благородное знамя — знамя прочного мира, созидания, творчества!

СТИХИ УЗ

ЗУЛЬФИЯ

МЧИТСЯ ЖИЗНЬ

Мчится жизнь —
наша жизнь!
Человек — всегда в ожиданье,
и сильней, чем сегодняшний,
завтрашний день
нас влечет.
Слаще кажутся нам
предстоящих лет испытанья,
чем уже наступившее —
счастье, покой, почет...
Не ищи,
не ищи, человечество,
в жизни покоя:
красота и величье твое —
вечный поиск,
порыв и полет!
Не хочу,
чтобы сердце слепое
бездушно гордилось собою —
пусть от гнева пылает,
пророчит,
о правде поет!

ЧИНАРА

Чинара стройная
стояла на вершине,
где жарче зной палил,
где злее ветер дул...
То зелень пышная,
то серебристый иней
скрывали стан ее...
А ветер ветви гнул,
и гром над ней гремел...
Упорно, молча, стойко
боролась, гордая,
но час ее пришел:
опять, в который раз,
осенний вихрь жестокий
ударил яростно,
и — рухнул старый ствол...
Все крепнет ветер дней,
сильней его удары,
порывы осени
вокруг меня гудят.
Но если упаду
и я, как та чинара,
не опустеет
жизни мощный сад.

УЙГУН

НАШ ПУТЬ

Как в февральские дни
штурмовали царизм
наши деды,
как октябрьскою ночью
шли штурмом на Зимний дворец,
так сегодня их внуки
штурмуют и недра и небо —
всюду подвиги видим
их рук,
их умов,
их сердец.
Вместо хижин дворцы воздвигаем,
в пустыню садами шагаем,
скоро самых отважных
отправим на Марс,
на Сатурн!..
Мы не только стихии и космос —
штурмуем
неправду и косность,
ибо путь в коммунизм —
это труд,
это спор,
это штурм!

ТВОРЧЕСТВО

Положи на ладонь
эту косточку от абрикоса —
словно галька речная,
безмолвна, недвижна, кругла,
а могла б говорить —
на сложнейшие в мире вопросы
о рожденье и смерти
она бы ответ нам дала.
Плодоносная сила земли
в этой косточке скрыта,
между прошлым и новым
таит она мудрую связь,
но пока не разбужена солнцем,
дождем не омыта —
будет мертвой,
как песнь,
что с народной душой не слилась.
А в объятьях земли
пробудится —
в росток превратится,
встанет деревце юное,
вспыхнут на ветках цветы...
Так стихи со страницы
взлетают
пророческой птицей,
если жизнь им подарит
широкие крылья мечты.

Тураб ТУЛА

ВОЛНЫ ЖИЗНИ

Как Сырдарья, уходит жизнь моя,
Как Сырдарья, струятся дни
и годы,
Как Сырдарья, всегда волнуюсь я,
Деля с Отчизной счастье
и невзгоды.
Но если не могу, как Сырдарья,
Могучим поясом служить Отчизне,
Хотя бы, как одна ее струя,
Хочу помочь я полноводной
жизни.
Пускай хоть безымянным
ручейком
Вольюсь в ее широкие объятья,
Но лишь бы не заглохнуть под
песком,—
О большем не желаю и мечтать я.
Да, не хочу пропасть в глуши
степной
И не хочу бесцельно кануть
в бездну,
Уж лучше в глубине реки родной
Я животворной струйкою исчезну.

В ПОЛЯХ

Рассвет... Прозрачная прохлада...
Хлопчатник сбрызнула роса...
Чу! В робкий шорох листопада
Другие вкрались голоса:
То словно тихий смех ребенка,
То осторожный звон стекла,
То будто звякнет тонко-тонко
Фарфоровая пиала...
Взгляни туда, где вдоль тропинки
Хлопчатник выстроился в ряд:

БЕКСКИХ ПОЭТОВ

Как будто струны-невидимки,
Коробочки его звенят.
И раскрываются — и, словно
Пришел свиданья сладкий час,
На мир любуются безмолвно
Десятками счастливых глаз.
А на листочках, как живые,
Жемчужинки росы висят —
Точь-в-точь колечки золотые
В ушах у девушек блестят!

МИРМУХСИН

АКСАКАЛ

Отец мой, вы хрупкою старость назвали,
Сказали, что близок желанный покой,
Вздохнули, садовые ножницы взяли
Усталой, морщинистой, мудрой рукой.
Взглянул я на сад, где гранаты и вишни,
И вдруг позавидовал вашей судьбе:
Здесь каждое дерево — памятник пышный,
Что честным трудом вы воздвигли себе.

В ПОЛЕТ!

Человек будет вечно стремиться в полет,
Становиться не хочет он затхлым болотом.
Он упрямо глядит на ночной небосвод,
И зовут его звезды к лучистым высотам.
Но чем дальше уносится ввысь человек,
Тем острей вспоминает в просторах бездонных
О земной красоте — об излучинах рек,
Седоглавых хребтах и раздольях зеленых.
Пусть мещане подобны болотной воде —
Не живут, а гниют, в мелочах погрязая,
А героям стремиться к далекой звезде,
Ослепительной молнией высь прорезая...
Им все выше взлетать на ракете-стреле,
Все острей тосковать по далекой земле!

Рамз БАБАДЖАН

В МОРЕ ХЛОПКА

В море хлопка, будто мощная флотилия,
Снова гулкие машины закачались.
Неусыпные заботы и усилия
Снова щедрым урожаем увенчались.
Словно птицы, так и реют руки сборщицы,
На полях кипит работа спозаранок,
И от груза белоснежного топорщатся
Переполненные фартуки смуглянок.
Где-то гром гудит далекими раскатами,
Стылым ветром потянуло по низинам.
Шевелись! Руками ловкими, крылатыми
Помогай хлопкоуборочным машинам!
Наконец-то на полях страда закончена,
Ни одно не позабыто волоконце,
И, осеннею зарею позолочены,
Горы хлопка улыбаются на солнце.
А теперь плывите, тучи, каразанами,
Лейте дождь, несите бурю снеговую!..
На рассвете реют флаги над хирманами
И победу возвещают трудовую.

ВЕРШИНА

Лишь снизу близкой кажется вершина,
Но легкости обманчивой не верь:
Уж если рвешься к высоте орлиной,
Обдумай путь и силы соразмерь.
Средь острых скал твоя тропа змеится,
Обвалы, вихри, пропасти грозят...
Семь раз примерься, прежде чем решиться,
Когда ж решился — не гляди назад.

Джуманияз ДЖАББАРОВ

ПЕРВЫЙ МИГ

Увидел — и на миг блеснул волшебный свет:
Взглянули мне в глаза ее глаза газельи!
И с грустной нежностью я ей глядел вослед.
И в сердце чувствовал то горечь, то веселье.
Зарей весеннею душа моя зажглась,
Мечты нахлынули взволнованным приливом...
Не чудо ли, друзья, когда две пары глаз,
Совсем случайно встретившихся глаз,
Потом становятся созвездием счастливым?

К ВЕРШИНАМ

Как дышится легко! Как высоко над нами
Воздвиглись глыбы гор, целуясь с облаками!
Их снежная гряда сквозь голубой туман
Похожа издали на хлопковый хирман.
Стеклом расплавленным поток с горы несется —
В нем то луна блестит, то пламенеет солнце,
И гордо высится над гребнем острых скал
Гранитный богатырь — торжественный Чаткал.
О друг, нам не к лицу от бурь искать защиты,
К заветной высоте пути для всех открыты.
С уступа на уступ, стремясь упорно ввысь,
К своей большой мечте бесстрашно поднимись!

Мухаммад АЛИ

ИЗ ЦИКЛА «СОНЕТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ТЕБЕ»

Нет! Больше не на что надеяться, поверь!
Дороги разошлись... Болит душа, не скрою...
Но если встретишься случайно ты со мною,
То как с давно чужим, давно закрывшим дверь.
Разлука — наш удел. Ведь жизнь полна потерь.
А если счастье вдруг припомнится былое,
Когда могли сиять мы радугой одною,—
Не знаю, плакать ли, смеяться ли теперь!..
Так, вспоминая дни морозов и метелей,
С презреньем слушая негромкий звон капели,
Зима еще царит, горда и холодна.
Но, сладостно томясь, страдая, ожидая,
Слезами робкими стыдливо с крыш стекая,
То плача, то смеясь, уже идет весна.

Абдулла АРИПОВ

БЕЗБРЕЖНОСТЬ

Доказано, что нет пределов у вселенной:
Над небом наших звезд — миры других небес.
Ни мыслью, ни мечтой, пусть самой дерзновенной,
Не в силах мы объять величье всех чудес.
Все чаще в тьме ночной с моей планеты милой
Гляжу на небосвод — на многозвездный храм,
И сердцем, не умом, познав безбрежность мира,
Я тихо в дом иду — к столу, к моим стихам.

Барот БАЙКАБУЛОВ

В ДОМЕ ТАГОРА

Здесь все так просто, и так знаменито,
И так полно тишины и света!
На столике низком тетрадь раскрыта —
Ждет, чтоб коснулось перо поэта.
А вот и перо, и блестят чернила
В чашечке круглой из меди старинной,
Но время здесь навсегда застыло —
Висит неподвижно маятник длинный.
Так чисто, светло, словно все предметы
Хранят еще отблески глаз Тагора,
А в книжных шкафах — поэты, поэты,
Как будто начнут состязаться скоро.
И все в этих комнатах тихо и просто,
Отворена дверь для любого гостя,
Но сам Тагор неприступно-велик,
Словно седой Гималайский пик.

Гульчехра НУРУЛЛАЕВА

ДУМАЯ О ДЕТЯХ

Стремительный лайнер в лазури гудит,
Ребенок смеется, с восторгом глядит —
Ручонки раскинул, как смелые крылья,
Как будто летит в лучезарный зенит...
Пусть мирно гудят самолеты всегда,
Пусть гром не ударит,
Не грянет беда.
И то, что мы видели,
Пусть нашим детям
Не знать, не видать — никогда, никогда!

Перевел с узбекского С. СЕВЕРЦЕВ.

СИЛА НЕРУШИМОГО СОЮЗА

Вячеслав КОСТЫРЯ
Фото Игоря ГАВРИЛОВА

Хлопок... Для Узбекистана это не только экономическая мощь республики, орлиный взлет ее, но и большая душевная радость людей.

Тысячелетиями растут обычные горы. А рукотворные — из легчайших бело-золотых волоконцев?.. Стоило утвердиться Советской власти на древней земле, и белоснежные горы на хирманах стали расти с быстротой поистине сказочной. Какая же сила воздвигала и воздвигает их? Для исчерпывающего ответа лучше всего привести слова кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Шарафа Рашидовича Рашидова, сказанные им в пору, когда рубеж в шесть миллионов тонн был превзойден впервые и в кратчайший срок:

«Думаю, будет особенно доходчивым следующий пример. Одного известного поэта кинорежиссер попросил срочно, в течение суток, написать песню к кинофильму. Поэт позвонил на студию через несколько минут: «Текст готов!» «Как?— поразился режиссер.— Вам понадобилось всего четверть часа?» И поэт ответил: «Да, пятнадцать минут плюс вся моя жизнь»... Так вот, если говорить о «всей жизни» хлопкоробов, она ныне стоит на трех крепких опорах: гигантская энерготехническая вооруженность, современнейший научный уровень агротехники, всестороннее партийно-идеологическое обеспечение выращивания и сбора урожая. Всего шестьдесят дней понадобилось мастерам уборки, чтобы вывершить эту шестимиллионотонную белоснежную гряду. Шестьдесят дней плюс шестьдесят лет Советской власти, интернациональной помощи братских народов, организующей, вдохновляющей деятельности партии».

Вдохновляющая деятельность партии! Принципиальные советы и рекомендации Леонида Ильича Брежнева узбекским земледельцам на весенних торжествах нынешнего года в Ташкенте сейчас успешно воплощаются в жизнь: белоснежные миллионы тонн хлопка обязательно будут иметь Знак качества! В миллионах тонн узбекского хлопка — сотни тысяч тонн тонковолокнистого, именуемого самими текстильщиками «шелковым».

ПОТЕСНИМ БАРХАННЫЕ ПЕСКИ

Общеизвестно, что национальное блюдо узбеков — плов. Но рис, из которого он готовится, в первые советские десятилетия был в основном привозным. Ныне же он производится во всевозрастающих количествах не только в Хорезмской области, Ферганской долине, но и на севере республики — в Ташкентской области, Каракалпакской АССР.

В последние годы площади под рисом в совхозе имени Калинина Галабинского района расширились за счет неудобий почти на двести гектаров. Одновременно наращивалась и отдача каждого гектара, механизировались операции по уходу за этой исключительно трудоемкой культурой.

— Одной поливной воды рис требует в семь-восемь раз больше, чем хлопок!— рассказывает директор совхоза Жарылкасым Аманов.— Пятнадцать насосов гнали нынче на рисовые чеки уже однажды и дважды отработавшую на полях воду, из сбросных коллекторов. Людям вдвойне пришлось основательно поработать. И вот плоды их труда: при плане 43,5 центнера с гектара они дали по 60! Почти на восемь центнеров больше, чем в прошлом году. А плов из нашего сорта риса местной селекции получается не хуже, чем из знаменитого ферганского «девзра».

— Но для плова, кроме риса, нужно мясо...

— Оно тоже свое! Только крупного рогатого скота у нас около тысячи голов. И мяса мы сдаем государству не 76 тонн, как раньше, а 90, молока не 684 тонны, а 800. Дружно работают в нашем совхозе узбеки и корейцы, казахи и русские, украинцы и татары, таджики, немцы, китайцы. Семнадцать национальностей!— заулыбался Аманов.— Сам я казах, здесь в Узбекистане родился, вырос, получил специальное образование, стал членом партии и, как видите, директором крупного хозяйства.

Под напором рисовых полей потеснились барханные пески Каракалпакии. Здесь создано восемнадцать специализированных рисосеющих совхозов. Бригадир совхоза «Майяб» Чимбайского района, делегат XXVI съезда КПСС Райгул Жумамуратова говорит:

— Рис в семье каракалпака в прошлом был редкостью, и чтобы приготовить плов, надо было ехать на дальние базары. Теперь другое дело. В прошлом году наша бригада намолотила по 73 центнера с каждого гектара, а ныне, в честь юбилея СССР,— по 75. Будет и по восемьдесят!

ФОСФОР-32

В феврале 1980 года на имя президента АН Узбекской ССР академика А. Садыкова пришло из Москвы письмо от вице-президента АН СССР академика Ю. Овчинникова. В нем говорилось: «Недавно президент АН СССР А. П. Александров обсуждал с нами вопрос о фосфоре-32 предельно высокой удельной радиоактивности. Надо в кратчайшие сроки организовать в СССР его производство и меченных им соединений, качество которых соответствовало бы мировым стандартам. Мы с большим удовлетворением узнали, что предприятие «Радиопрепарат» Института ядерной физики вашей академии еще в 1979 году в рамках хоздоговора с Новосибирским институтом органической химии начало эту работу. Может быть, это и есть начало дела?»

Дело это оказалось не только чрезвычайно важным, но и срочным. До 1980 года изотоп фосфор-32 высокой радиоактивности производился только в США и Англии. Объявив эмбарго на поставку в СССР некоторых видов оборудования и товаров, администрация США внесла в список «запрещенных» и фосфор-32. Значит, надо было как можно быстрее освоить производство отечественного фосфора-32, столь нужного для широкого развития теоретических исследований по проблемам генной инженерии, значение которых подчеркнуто Продовольственной программой. Именно фосфор-32 особой чистоты и меченные им соединения подобно волшебным лучам приоткрыли окно в одно из самых сокрытых от глаз человека явлений микромира — гены и их группы, ведающие наследственной информацией. Это-то и дает возможность прикладного использования научных знаний для формирования того или иного признака организма. Нетрудно представить, какие выгоды сулят исследования с помощью фосфора-32, в частности растениеводам и животноводам!

К совместной работе Новосибирска и Ташкента подключились институты биоорганической химии имени М. М. Шемякина и молекулярной биологии АН СССР, Всесоюзный НИИ молекулярной биологии. В этом содружестве выделилась группа энтузиастов нового дела — заведующие лабораториями М. Грачев и А. Аммосов и младший научный сотрудник М. Гришаев из Новосибирска, старший научный сотрудник Р. Маслова из Москвы, заведующий лабораторией Института ядерной физики АН УзССР А. Муминов и директор предприятия «Радиопрепарат» того же института В. Кулыгин, аппаратчик В. Ларченко и технолог В. Сидоров. Я беседовал с одним из участников этой работы, узбекским ученым Ахатом Ибрагимовичем Аминовым. Он подчеркнул одну, с его точки зрения, особо важную, сторону «битвы» за фосфор-32.

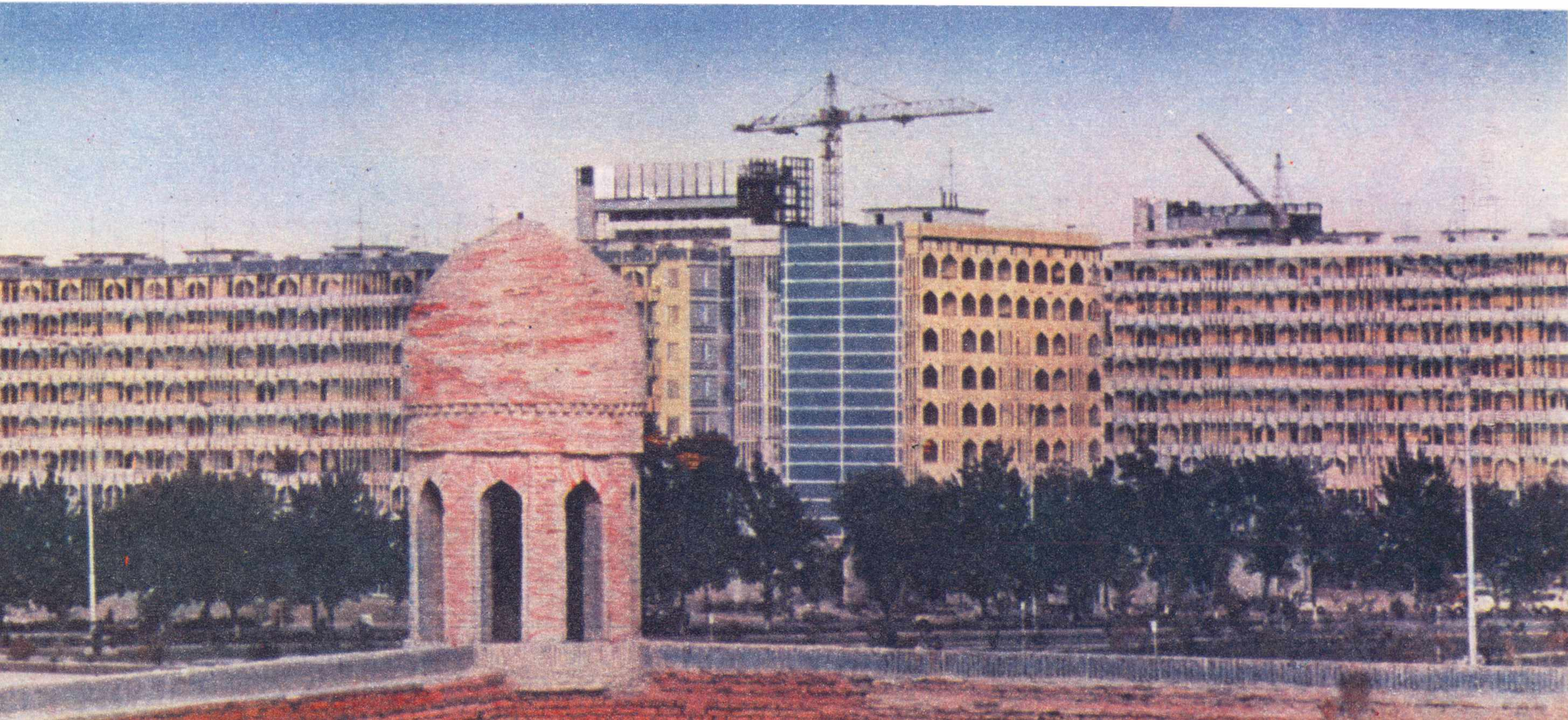
— Сейчас, когда этот ценнейший препарат потоком идет из Ташкента в десятки научных центров, с гордостью думаешь о силе великого братства — вот каких мировых высот достиг многонациональный советский народ.

ПО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ

...Вдоль асфальтированной улицы поселка колхоза «Ленинизм», что в Янгиюльском районе,— ровные ряды нарядных каменных домов с приусадебными участками и надворными постройками. Газовое отопление, водопровод, телефон, не говоря уж об электричестве. Все здесь создается по генеральному плану. Только зайдя в колхозный музей и увидев макеты глинобитной мазанки, сандала (очага, дым от которого шел в потолочную дыру), закопченный кумган (сосуд для воды), чирак (жировой светильник), можно представить, как жили прадеды и прабабушки нынешних творцов миллионов тонн «белого золота»! Теперь оно огромным колхозным полем подступает к передним домам поселка, этаким изумрудным озером в белых барашках, по которому плывут «голубые корабли» — хлопкоуборочные машины.

Счастье * Дары земли узбекской.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Электромонтажник Ташкентского электротехнического завода Кабулжан Базарбаев * Уборка хлопка * Студентка Ташкентского государственного медицинского института Мехрибан Ширинбаева.

По нескольку раз в день в этот пейзаж «вписываются» появляющиеся в густой синеве неба современные пассажирские лайнеры,— сделанные здесь же, на древней узбекской земле, в Ташкенте.

С нулевой отметки строит этот поселок интеллигентный молодой человек с дипломом Ташкентского политехнического института, начальник колхозного отдела капитального строительства Бахадыр Ташпулатов. Знаком он и с отечественными проектами сельских поселков, и с болгарскими, и с венгерскими.

— Мы отказались от многоэтажек,— говорит Ташпулатов.— Они отрывают человека от земли, лишают сельскую жизнь всех ее прелестей.

— Дорого обошелся ваш поселок?

— Около семи миллионов рублей. Кроме 115 коттеджей и 15 двухэтажек на две семьи — каждая квартира в них на двух уровнях,— построили школу, комбинат бытового обслуживания, больничный комплекс с поликлиникой, детский сад, центральную котельную, новое здание правления колхоза, музей трудовой славы, где регистрируются наши молодожены. А по генплану предстоит построить более трехсот жилых домов, столовую, стадион. Футбольная команда уже есть!

— Откуда же берете деньги на все это?

Ташпулатов улыбнулся.

— Источник один — земля: хлопок, зерно, мясо, молоко, овощи, картофель, фрукты, виноград!

— Главное — из года в год увеличивать отдачу поливного гектара,— вступил в разговор председатель колхоза «Ленинизм» Эркин Мирзаев.— Люди видят перспективу, потому и стараются. Убрали урожай, скажем, картофеля, и тут же посеяли кукурузу на силос совместно со свеклой! Кукурузу убрали — свекла кондиционный вес набирает. За сезон по нескольку урожаев люцерны берем. Вот и в кормах теперь недостатка не будет. За год поставки молока увеличим на пятнадцать процентов, мяса — на шестнадцать. А картофеля сдали более семи планов — вместо 42 тонн — 326!

Монумент Дружбы народов

ИМЕНЕМ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Есть в столице Узбекистана примечательное место, где и магистральная улица, и примыкающая к ней площадь, и беломраморный дворец, и станция метрополитена названы именем Дружбы народов СССР.

Недавно этот городской комплекс обрел выразительное скульптурно-архитектурное завершение: на площади высоко в небо поднялись пять стел, окаймленных сверху гербами союзных республик, а над ними символом нерушимого единства — Герб СССР. У подножия этого сооружения — сама жизнь, запечатленная в бронзе и граните: многодетная семья известного ташкентского кузнеца Шаахмеда Шамахмудова — он и его супруга Бахри в годы военного лихолетья заменили отца и мать пятнадцати сиротам разных национальностей, эвакуированным из западных областей страны.

Этот монумент Дружбы народов СССР, созданный скульптором Д. Рябичевым, архитекторами Л. Адамовым и С. Адыловым,— благодарная память всем узбекским семьям, давшим приют бездомным ребятам из Смоленска и Донецка, Минска и Харькова, Вильнюса и Кишинева, Новороссийска, Варшавы, Кракова... Тринадцать детей воспитал, например, вернувшийся после ранения в родной Каттакурган Хамид Саматов, столько же привела к себе в дом и поставила на ноги Бахрихон Аширходжаева из Орджоникидзевского района Ташкентской области, для десяти ребятишек стала матерью Фатима Касымова — колхозница из Самаркандской области...

А поблизости от монумента Дружбы народов стоят новые дома, раскинулись новые кварталы и целые микрорайоны столицы Узбекистана, построенные после землетрясения,— московские, украинские, белорусские, латышские, молдавские, литовские... О братской помощи народов-братьев напоминают в Узбекистане сотни заводов и фабрик, водохранилищ и электростанций, научных открытий и произведений искусства, появившихся в республике благодаря всесоюзной поддержке.

...На митинге, посвященном открытию монумента Дружбы народов, выступил один из воспитанников семьи Шамахмудовых, ныне инженер Федор Кульчиковский.

— Я не знаю,— сказал он,— где и когда я родился, откуда был вывезен, кто я по национальности. Но то, что со мною случилось, дает мне все основания заявить: я сын узбекской семьи, сын Узбекистана, я по национальности советский! Таких, как я, сирот, обездоленных войной, оказалось в республике сотни тысяч. И все они нашли здесь родной дом, тепло и заботу.

Таков один из многих подвигов великого братства.

Гид-переводчик Гульчехра Ирмухамедова * Древний и вечно молодой Ташкент.

К 40-ЛЕТИЮ
СТАЛИНГРАДСКОЙ
БИТВЫ

ОНИ СРАЖАЛИСЬ

Мы договорились встретиться ранним утром. Я был уверен, что к Мамаеву кургану приеду первым, но Мария Федоровна Лапина и Александр Михайлович Овчаров пришли еще раньше. Чуть позже появились Георгий Ильич Захаров, Василий Федорович Прохоренко, Николай Григорьевич Посохин, Николай Тарасович Мазница и Николай Петрович Красюков. От троллейбусной остановки они шли торопливо, но чем ближе к ступеням монумента, тем медленнее шаг, тем суровее лица, тем моложе и в то же время печальнее глаза. Поклониться праху своих товарищей шли люди, которые сорок лет назад насмерть стояли на сталинградской земле, которые пролили здесь свою кровь, были тяжело ранены, можно сказать, возвращены с того света, снова встали в строй и били врага из всех видов оружия. Не было своего — сражались трофейным. Кончались патроны — бросались врукопашную, дрались саперными лопатками, ножами и просто голыми руками. Н. Т. Мазница рассказывал: «У нас была норма: один против трех фашистов. Когда один на один — это не считалось серьезным боем. Но если оказывался против четырех или пяти гитлеровцев, такая накатывала злость, что расколошмачивали и этих».

...Мы медленно поднимались по ступеням. Тихо звенели медали, сияли ордена, поблескивали слезы. Почти невозможно было выжать эти слезы сорок лет назад, а теперь, вспоминая своих погибших товарищей и узнавая их высеченными в камне, недоумевая, каким чудом они сами остались в живых, герои-сталинградцы гладили оплавленные огнем камни и рассказывали, рассказывали, рассказывали...

На Мамаевом кургане В. Ф. Прохоренко, М. Ф. Лапина, Н. Т. Мазница и Н. Г. Посохин.

А. М. Овчарову и Г. И. Захарову салютуют юные.

Фото А. КОЗЬМИНА

Мария Федоровна ЛАПИНА. Гвардии старшина. Санинструктор и командир 45-мм орудия. Кавалер ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и медали «За отвагу».

Родом я из-под Сталинграда. Сперва жили в деревне, потом перебрались в город. Как поселились в Красноармейском районе, так я там и живу. Корни там держат крепкие. Кровь держит и могилы. А это — крепко. Что-что, а это я знаю точно. Бывало, тащишь на себе с ничейной земли раненого, живого места нет, а подбадривает: «Давай, давай, сестричка, волоки меня, кати. Даже умирать лучше дома, в своих окопах».

На фронт я попала с трудом. Когда началась война, мне было семнадцать — работала сварщицей на судоверфи. К военкомату и близко не подпускали. Но когда завод эвакуировали, я настояла на своем. Четыреста двадцать вторая стрелковая дивизия прибыла с Дальнего Востока. Двадцатипятилетних ветеранов почти не было. Все командиры взводов — мои ровесники, ротные и батальонные — на два-три года старше. Но здоровенные были парни! Никогда не забуду, как тащила на себе одного командира роты. Мы тогда стояли у реки Червленой. Рота пошла в атаку и попала под пулеметы. Многих покосило. А тех, кто залег, немцы начали добивать из минометов. Я — в воронке. Сижу, можно сказать, в безопасности, а ребята — в чистом поле. Стонут, иные от

В СТАЛИНГРАДЕ

беспомощности плачут и чуть ли не в один голос зовут: «Сестричка, помоги!» Надо вылезать, надо помогать, а боязно — кажется, весь воздух состоит из осколков и пуль. И вот, причитая: «Ой, мамонька, ой, родная»,— выбираешься из укрытия. А жить-то хочется. Ох, как хочется жить! Ведь восемнадцать девичьих годочков, и жизни-то еще не видела: всего два раза была на танцах, а до дома вообще ни разу не проводили. Четырнадцать солдат я все же перевязала и дотащила до наших окопов. Думала, все, передохну малость, и вдруг снова слышу стон. Поползла. Лежит командир роты. Детина под два метра и весь как решето: двенадцать ранений. Я перевязываю, а кровь фонтаном, я — туже, а кровь все равно хлещет. Поняла, что сама кровь не остановлю. Протиснулась я под него, уперлась в землю сапогами сорок третьего размера и двинулась к своим... Как же я радовалась, когда командира починили и вернули в строй!

Помню и своего самого первого раненого, им был... вражеский офицер. В тот день произошел встречный бой. Отошли и они и наши. Я поползла за своими ребятами. Слышу, кто-то стонет и просит помощи не по-русски. Смотрю — фашист. Ведь враг же, не исключено, что в бою убил когонибудь из наших. Но раненый есть раненый. Перевязала и метров шесть тащила к нашим окопам.

Однажды мне удалось в качестве тягловой силы использовать немцев. Перевязываю на нейтральной полосе Колю Корешкова, и вдруг прямо на меня идут два немца, закутанные в бабьи шали и одеяла. Я — за автомат, да как завизжу: «Руки вверх!» Они и сдались. Разоружила их, заставила положить на одеяла Колю и велела нести к нашим. Так и привела их в штаб.

А 21 января во время боя за элеватор задело и меня — сквозное ранение в живот. Мороз тогда был за сорок. Помню, что, когда меня нашли, не могли снять валенки: они примерзли к ногам. В госпитале пробыла совсем недолго, сбежала, узнав, что наша часть уходит из города. Долечивала себя сама. Потом была Курская дуга. Там я стала командиром «сорокапятки» и била по танкам. Эту пушку сдала лишь во время Ясско-Кишиневской операции и снова стала санинструктором.

Так я со своими артиллеристами прошла пешком от Сталинграда до Праги. За это время вынесла с передовой сто двенадцать раненых, форсировала, не умея плавать, множество рек и до сих пор ношу часы, которые 8 марта 1945 года вручил командующий нашим фронтом Р. Я. Малиновский. А бывая на Мамаевом кургане, я всегда приношу цветы моей подруге, высеченной из камня. Не знаю, кто был моделью для скульптора, но она действительно похожа на мою погибшую подругу. В жизни ей не преподнесли ни одного букета, зато теперь вы не увидите фронтовика, который бы не принес ей лучшие цветы.

Александр Михайлович ОВЧАРОВ. Герой Советского Союза. Генерал-майор танковых войск. Кавалер ордена Ленина, Кутузова II степени, ордена Красного Знамени, двух орденов Красной Звезды и многих медалей.

Военным я стал случайно. До войны успел окончить черниговский пединститут, мечтал о карьере литературоведа, но... стал пехотным лейтенантом. Участвовал в финской кампании. Война застала под Одессой. Мы были так уверены в своих силах, что и не думали отсиживаться в обороне: форсировали Дунай, разгромили румынскую дивизию, захватили много пленных и техники. Потом военная судьба бросала по самым разным фронтам, пока нашу бригаду не передали в 23-й танковый корпус. Так я стал танкистом, причем начальником разведки.

С 17 июля, то есть с самого начала Сталинградской битвы, я здесь. Получив новые танки, мы зарылись в землю на северо-западной окраине города. Однажды мне пришлось отправиться в разведку. А в это время прорвались немецкие танки. Встретили их девушки-зенитчицы. Никогда не забуду этого боя! Я видел его в бинокль. Сверху на батарею пикируют «мессеры», из укрытия бьет артиллерия, и прямо в лоб лезут танки. День был очень жаркий. Девчонки сбросили пилотки, а потом и гимнастерки. С развевающимися волосами, носились они между орудиями, таскали снаряды, ловили в прицелы то танки, то самолеты. Как же они были красивы, эти отчаянные зенитчицы! Они погибли. Все до одной. Но танки не прошли. Когда я рассказал об этом нашим ребятам, у них лица свело от ярости. В те дни мы сражались, можно сказать, вот на этих ступенях. Превосходство в технике у немцев было подавляющее, поэтому хоть и с огромными потерями, но они продвигались вперед. С Мамаева кургана мы отошли к вокзалу, перекошматили там еще множество фрицев, но нас оттеснили к драмтеатру. К этому времени в бригаде остался один танк с заклиненной башней и шестьдесят четыре солдата. Мы построили баррикаду и бились до последнего патрона.

Десятого октября нас отвели за Волгу для переформирования. Там я попал в 13-й танковый корпус. А через сорок дней мы начали наступление. Корпус вошел в прорыв и стремительно наступал, замыкая внутреннее кольцо окружения группировки Паулюса. Замкнули и... развернулись на сто восемьдесят градусов, встречая идущие на выручку войска Манштейна. В это время я был командиром бригады. Потери мы несли большие, но деблокировать Паулюса мы не дали.

Потери... Я часто перебираю фотографии тех лет. Мои боевые друзья с веселыми и какими-то просветленными лицами так и остались молодыми, такими молодыми, что просто диву даешься, как они могли в столь юном возрасте не просто воевать, а командовать батальонами и полками. Ответственность на танкистах лежала огромная: они были всегда впереди, и в обороне и в наступлении. К тому же все виды огня противника направлены в первую очередь на танки. Сгорали танки, превращались в пепел люди... Земля Мамаева кургана, та земля, по которой мы сейчас идем, на многие метры пропитана кровью и пеплом защитников Сталинграда.

Трудно здесь было, очень трудно. Но жизнь есть жизнь, и она брала свое. Мы были молоды, поэтому даже в этом аду ухитрялись влюбляться, ревновать, жениться. Со своей супругой я тоже познакомился в дни жесточайших боев. Лида была нашей телефонисткой. Отчаянная была девушка и красивая. Мы вместе сражались в Сталинграде, вместе форсировали Днепр, вместе дошли до Праги. Вернее, даже дальше Праги, почти до Пльзеня. И войну мы закончили не 9 мая, а 17-го: именно нам было приказано ликвидировать группировку немцев, которая отказалась признать капитуляцию.

В запас я ушел совсем недавно. Много работал с молодежью, был начальником суворовских училищ, военкомом. Но где бы я ни был, куда бы ни забрасывала судьба, самым святым и самым дорогим местом был и будет Мамаев курган.

Георгий Ильич ЗАХАРОВ. Капитан I ранга. Кавалер ордена Красного Знамени, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медали «За боевые заслуги».

Я прибыл в Сталинград совсем молодым флотским офицером ранней осенью сорок второго года. Города уже практически не было, шли жесточайшие уличные бои, в небе чуть ли не круглые сутки висели немецкие самолеты. А я на своем бронекатере должен был прикрывать переправу. Моряки Волжской военной флотилии работали бок о бок с речниками. Им было еще труднее: тихоходные и совершенно беззащитные гражданские суда часто становились легкой добычей для самолетов. Поэтому мы и занимались охраной этих судов.

Что такое волжские переправы, какова их роль в ходе Сталинградской битвы — общеизвестно. Но нам, морякам, особенно дорога оценка, которую дал нашей работе В. И. Чуйков. Он писал: «Кто работал на переправах, тот ежеминутно с глазу на глаз встречался со смертью. Нужно было исключительное самообладание и мужество, чтобы переплывать Волгу на видимости врага под его огнем. Такие рейсы приходилось делать не только ночью, но и днем, когда по обстановке необходимо было доставить изолированным группам боеприпасы или пополнение».

Бронекатер — суденышко маленькое, правда, вооружено отлично. У нас были «Катюша», пушка и несколько пулеметов. Так что свою прямую работу мы делали неплохо: сбивали пикировщиков, не давали с самолетов минировать фарватер, вели огонь из реактивных минометов по скоплениям врага. Но однажды мы выполнили беспримерную транспортную операцию. В ночь на 16 октября, когда обстановка в городе была критическая, два дивизиона бронекатеров перебросили в Сталинград 138-ю стрелковую дивизию Людникова.

Есть на Волге памятник — уникальный плавучий памятник речникам, погибшим на переправах. Ведь тогда здесь затонуло 335 судов и около тридцати военных катеров. Навсегда в историю Сталинградской битвы вошли подвиги капитанов И. С. Рачкова, Н. М. Богатова, Л. Д. Галашина, П. И. Колшенского, механика М. И. Тимохина, боцмана В. Ф. Кораблева. Это они и их товарищи перевезли через Волгу более полумиллиона людей, около тридцати тысяч автомобилей, восемьсот сорок орудий, сто пятьдесят тысяч тонн боеприпасов и других грузов.

В декабре ударили сильные морозы, и Волга стала. Мы латали пробоины и готовились к новым боям на других реках: все чувствовали, что произошел перелом и немцам из котла не выбраться. Позже наши катера погрузили на платформы и перебросили в Десну. Оттуда мы с боями прошли по Днепру, Припяти, Березине, Западному Бугу, Висле и Одеру прямо в канал Гогенцоллерн. Своим ходом — до Берлина!

Позже я служил на Северном и Тихоокеанском флоте, на грозных современных кораблях побывал почти во всех морях и океанах, но на всю жизнь сохранил любовь к маленьким речным бронекатерам, которые сказали свое веское слово на Волге, Висле и на Одере.

Николай Тарасович МАЗНИЦА. Гвардии капитан. Кавалер ордена Отечественной войны I степени, медалей «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда» и других.

Сперва я скажу, как оказался в Сталинграде — не во время войны, а сейчас. В сорок втором году мы, четыре двадцатилетних командира роты, дали клятву: «Во-первых, если во время боев страшно покалечат,— или застрелиться, или попросить, чтобы прикончил друг. Для этого держали специальный патрон. А во-вторых, если останемся живы, то после войны поселимся в Сталинграде». Так получилось, что все погибли, в живых остался только я, но клятву выполнил и при первой же возможности переехал в Сталинград.

А начинал я войну командиром взвода Первой Гвардейской дивизии Руссиянова. В дивизию прибыл вскоре после боев у Ельни. Досадовал, не пришлось, мол, принять участие в большом сражении. Но впереди был Смоленск, Орел и Щигры. Под Щиграми я в первый раз ходил в штыковую атаку. Обычно фашисты штыковой бой не принимали, а тут решились. Что творилось на том ржаном поле! Крики, стоны, команды, вопли. Короче говоря, мы их смяли!

Позже меня направили командиром пулеметной роты в 95-ю стрелковую дивизию. 17 сентября мы прибыли под Сталинград. За три дня до этого немцы взяли Мамаев курган, поэтому той же ночью нас переправили через Волгу. Мы с ходу бросились в бой. Ночной атаки немцы не выдержали и отступили, но утром пошли в контратаку. Я потерял половину роты, но устоял. К исходу дня дивизия очистила Мамаев курган. Моя рота окопалась вот на этом месте, где сейчас стоит грандиозная скульптура «Родина-мать», а тогда были железобетонные водонапорные баки. Вроде бы и хорошо — укрытие, но и плохо — хороший ориентир для самолетов. Ох, и бомбили нас! Особенно тяжело было с 22 по 24 сентября. Земля встала ды-

бом! Бомбили сверху, била артиллерия, накрывали минометы. Пыль до небес, дым, копоть, смрад. Лезут танки, в полный рост идут полупьяные немцы. Мы их косим, а они идут. Мы их косим, а они идут. По своим трупам идут. Батальон наступал в шесть шеренг. Последнюю мы остановили уже гранатами.

Схлынула эта лавина, показалась следующая. Мы поднялись в контратаку, схлестнулись глаза в глаза! О жизни мы тогда не думали. Остановить немцев, не дать пройти, не дать напиться из Волги — и больше ни одной мысли... Столкнули с кургана и эту лавину. Сесть бы, передохнуть. А сесть и негде — кругом одни трупы. Я присмотрелся: по склону течет река. Поднялся, чтобы напиться. Зачерпнул ладонями, а это кровь. Я не преувеличиваю — реки крови текли по этим склонам.

Новый воздушный налет. Около моего окопа ухнула бомба «пятисотка». Все думали, что прямое попадание. Решили откопать хотя бы документы, но вытащили меня. Мертвого. Привязали за ноги и поволокли к воронке, где лежали убитые. Пока тащили — новый налет. Санитары разбежались, а бомба попала как раз в ту воронку. От воздушной волны или от чего другого, но мои легкие сработали, и я вздохнул. Когда за мной пришли, я уже стоял на но-

гах. Никто ничему не удивился, на войне и не такое бывало. Дотащился до блиндажа, выпил кружку спирта и заснул. И вдруг слышу: в расположение моей роты просочились немцы. Сна как не бывало! Поднял ребят в контратаку. И тут левую руку как отсекло: перебило все нервы, сосуды и сухожилия.

Крови ушло так много, что меня решили переправить на левый берег. И надо же, в наш катер прямое попадание снаряда. Хоть я и был без сознания, в воде оклемался. Чую, кто-то тянет за шиворот. Это с соседнего катера меня вылавливали багром.

Не буду рассказывать, как хотели ампутировать руку, как я сопротивлялся, как делали множество операций. Короче говоря, из госпиталя я вышел в марте сорок третьего.

А в Сталинград смог приехать лишь через тринадцать лет. Тогда я жил под Новосибирском: семья, налаженный быт и все такое прочее. Но не давала покоя клятва, данная на Мамаевом кургане. Ни спать, ни есть, ни работать не мог — тянет в Сталинград, и все! Собрался — и махнул сюда. Так я стал сталинградцем, считаю, что коренным. Ведь мои корни, моя кровь — здесь, на Мамаевом кургане.

Николай Григорьевич ПОСОХИН. Подполковник. Герой Советского Союза. Кавалер ордена Ленина, Александра Невского, Отечественной войны I степени, Красного Знамени, Красной Звезды, «Знак Почета», медали «За боевые заслуги» и других. Фронтовых фотографий не сохранилось.

Говорят, что донской казак рождается под конем и умирает на коне. А вот я, хоть и коренной казак, всю жизнь в артиллерии. До войны, правда, успел поработать бригадиром полеводческой бригады, потом окончил зооветеринарный техникум, а когда призвали на действительную, вместо кавалерии направили в Киевское артиллерийское училище.

В августе сорок второго года меня назначили командиром дивизиона 152-миллиметровых гаубиц. Мы стояли чуть северо-западнее Сталинграда и без конца молотили по фашистам. Наша задача — вызвать огонь на себя, отвлечь как можно больше сил от 62-й и 64-й армий. Потом нас перебросили в район станицы Клетской для участия в прорыве. Страшной силы мы нанесли удар! Любо-дорого смотреть, как драпала самоуверенная фашистская солдатня. 23 ноября я был в хуторе Советском, где соединились Сталинградский и Юго-Западный фронты. Вот был денек! Никогда мы так не радовались, никогда так явственно не чувствовали, что отныне сила за нами и будем мы идти вперед и вперед до самого Берлина.

Но замкнуть кольцо — полдела. Надо не дать его прорвать и добить всех, что остались внутри. 26 января дивизион ворвался в Сталинград. У артиллеристов шло соревнование — кто первым ворвется в Сталинград. Так вот, из тяжелой артиллерии наш дивизион был первым. Когда получили приказ открыть огонь по универмагу, где засел штаб Паулюса, такие послали подарки, что последние сомнения покинули фельдмаршала довольно быстро.

Впереди было почти два с половиной года войны, впереди были Курская дуга, битва за Днепр, где я получил Золотую Звезду Героя, потом Сандомирский плацдарм, форсирование Одера и, наконец, штурм Берлина. В Берлине шли такие же яростные бои, как в Сталинграде. И снова в уличных боях впереди были наши гаубицы. Как пригодился тогда сталинградский опыт, как часто мы вспоминали, что заря победы занялась под Москвой, а ее истинный свет мы увидели в разрушенном дотла Сталинграде.

Василий Федорович ПРОХОРЕНКО. Гвардии сержант. Наводчик «Катюши». Кавалер ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и других.

Когда началась война, мне было всего семнадцать. Правда, я уже окончил ФЗО и работал на судоверфи, здесь же, в Сталинграде. С июня сорок первого переключились на танки — я занимался установкой моторов. И вдруг появляются какие-то диковинные машины: на первый взгляд обыкновенный грузовик, только с полозьями вместо кузова. Мы их ремонтировали, латали, приводили в порядок. И все — в обстановке строжайшей секретности. В конце концов дознались — это были знаменитые «Катюши».

Когда немцы подошли к Сталинграду, я сумел попасть в полк «Катюш». Через два месяца я стал наводчиком. Наш полк стоял в Кировском районе и защищал южные окраины города. В основном мы работали по ночам. Приходилось, правда, и днем, но это было рискованно: самолеты гонялись целыми стаями за каждой машиной. А когда началось наступление, нас выдвинули на самое опасное направление — надо было остановить танки Манштейна. Остановили. Так остановили, что этих танков просто не стало.

И тут меня ранило. То, что руку перебило, ладно. Ослеп я. Совсем ослеп. Даже медаль «За отвагу», которую мне вручили, не видел. Потрогал, погладил, и все... Трудно представить, что это значит — потерять глаза в восемнадцать лет. И тут врачи предложили какой-то новый способ лечения, но предупредили, что будет очень больно. Было действительно больно, но в обморок ни разу не упал. В конце концов привели в темную комнату и сказали, что сейчас снимут бинты. Вот тут-то я испугался по-настоящему: а вдруг все муки понапрасну?! Не успел опомниться — что-то как резанет по глазам. Вижу! Электрическая лампочка! Правда, оказалось, что видел я левым глазом, а правый омертвел. И все же я вернулся на фронт. С одним глазом и покалеченной рукой воевал на «Андрюше» — это младший, но более сильный брат «Катюши».

Брал Будапешт, Вену, Бухарест, освобождал Белград. Вернулся домой. В двадцать два года — инвалид без всякой профессии. О том, чтобы вернуться на завод, не могло быть и речи. Дело прошлое, но поначалу я растерялся. Жалеть себя начал. Потом, правда, собрался и стал учиться... на часового мастера. С сорок седьмого работаю в Кировском районе, в том самом, где воевал. За эти годы стал кавалером ордена Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени. А недавно присвоили звание «Заслуженный работник бытового обслуживания РСФСР».

В трудовой книжке у меня всего две записи: слесарь судоверфи и мастер-часовщик. Но самая главная запись та, которой больше всего горжусь, в сердце и военном билете — наводчик реактивных минометов.

Николай Петрович КРАСЮКОВ. Старшина. Сапер. Кавалер ордена Славы трех степеней, ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и других.

Я тоже сталинградец, тоже семнадцатилетним встретил войну, тоже работал на судоверфи, а с 16 июля сорок второго года — в строю. Сперва воевал в пехоте, а потом попал к саперам. К минам подпустили не сразу. Сначала заставили как следует изучить винтовку и автомат, в том числе и немецкий, потом стали брать на установку минных полей: опытные солдаты работали с минами, а я таскал им кашу. Впервые пошел без каши в ночь на 19 августа: мы устанавливали мины на танкоопасном направлении в районе реки Червленой. Утром на нас пошло сто танков. И как начали подрываться один за другим! Пришлось им свернуть в болото... Появилась румынская кавалерия. Ну, тут уж заговорили наши «Катюши» — накрыли и танки и кавалерию.

Потом нас перебросили на Лысую гору. В те дни 64-я армия непрерывно наступала, чтобы отвлечь как можно больше сил от 62-й армии, которой приходилось особенно туго. Саперам работы невпроворот. Мы снимали немецкие мины, ставили свои, подрывали доты и дзоты, чуть ли не подползали под танки... Но больше всего я любил сражаться в составе штурмовых групп. Ребят туда подбирали самых крепких, башковитых и отчаянных. Был даже разработан специальный устав штурмовой группы. Мне кажется, и язык и содержание устава говорят о многом:

«1. Вооружение бойца. Автомат, ручная граната и нож.

2. Поведение в бою. Смелость, быстрота, сметка и дерзость.

3. Действие. Врывайся в дом вдвоем — ты да граната. Граната впереди, ты — за ней. Гранату в угол, очередь по потолкам, по стенам — и иди дальше! Дверь заперта — подвесь гранату; граната вышибает дверь, ты вышибай врага.

Захватишь здание — не давай врагу опомниться, штурмуй следующее. Фашист засел в подвале — бутыль с горючим туда, струю огнемета — выскочит!»

Именно таким способом мы выкуривали фашистов из знаменитого опорного пункта «13 домиков».

А однажды к нам обратились товарищи, которые из агитмашины вели радиопередачи, призывая немцев сложить оружие. Как только динамики оживали, фашисты открывали ураганный огонь — хоть в небо, лишь бы заглушить передачу. Тогда мы сделали огромный портрет Гитлера, втащили в нейтральную зону и там во весь рост установили. Немцы, видно, обалдели от такого зрелища. Во всяком случае, агитмашина спокойно вела передачу под самым носом, расположив динамики у портрета. И лишь когда передача закончилась, немцы, как видно, получив разрешение высшего командования, открыли ураганный огонь по своему фюреру. Мы их только подбадривали и желали точных попаданий.

Говорят, сапер ошибается один раз в жизни. Я ошибался много раз — ведь у фашистов было много мин со всевозможными сюрпризами, но, к счастью, в самый последний момент успевал исправить свои ошибки. Поэтому мои ранения и контузии не оттого, что что-то взрывалось в руках, а от бомбежек и артналетов.

После войны, когда зажили раны и перестала кружиться голова, я крепко привязался к детям. Может быть, потому, что им, оставшимся без отцов, а то и без матерей, было труднее всех. Сколько их было в Сталинграде, маленьких старичков с остановившимися глазами! Ведь многие из них пережили ужасы уличных боев, у многих на глазах фашисты насиловали и расстреливали матерей, были ребятишки с татуировками концлагерей. Короче говоря, я взял этих ребят под свою опеку и двадцать пять лет был начальником пионерлагеря имени 81-й гвардейской дивизии. А потом стал помощником начальника штаба поста № 1. Кто бывал в Волгограде, конечно же, видел ладных, подтянутых мальчиков и девочек с автоматами на груди, которые в почетном карауле стоят у Вечного огня. Эти ребята — лучшие из лучших, попасть в их число для любого школьника — большая честь. Ну, а мы, участники Сталинградской битвы, делаем все возможное, чтобы юные волгоградцы знали и любили свой город не только таким, каким они видят его каждый день, но и таким, каким видели его мы, можно сказать, их ровесники.

* * *

Мы медленно спускались по ступеням Мамаева кургана. Я шел рядом с людьми, которые, не таясь и ничего не приукрашивая, рассказали о себе и своих товарищах, о том, что они вынесли на своих юных плечах, о том, как мужали в боях и с победой вернулись домой. Везде и всюду они были настоящими сталинградцами и пронесли это высокое звание через всю жизнь!

А навстречу — поток людей. Шли туристы, школьники, молодожены, шли взявшись за руки и поодиночке. И все они как один расступались, уступая дорогу ветеранам. А под ноги им вперемешку с пожелтевшими листьями падали живые цветы, привезенные из самых разных уголков России.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фарисеи

Цезарь СОЛОДАРЬ,
специальный корреспондент «Огонька»

УРОК ИСТОРИИ, КОТОРЫЙ ЗАБЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ

Важное место в учебной программе отведено так называемым «семинарам по Израилю». Их тематику, характер и направление можно определить по такому красноречивому признаку: единственный семинар о действующих в Израиле партиях (вернее было бы сказать — о разновидностях израильского сионизма) посвящен «Гуш-Эмуним», наиболее экстремистскому, реакционно-клерикальному сионистскому ответвлению, воинственно ратующему за безоговорочное присоединение всех оккупированных арабских земель к Израилю и полное изгнание из страны непокорных палестинцев. Руководит этим семинаром специально прилетающий на занятия из Израиля доктор Нахум Орланд. Впрочем, руководство всеми остальными семинарами по Израилю тоже доверено исключительно пропагандистам из этой страны.

Не последнее место в учебном плане отведено изучению иудаизма. Прежде всего слушателям преподносится «фундаментальный курс иудаистики». Ему сопутствуют специальные занятия по содержанию трех книг священной «Галахи». Проводятся они в форме «вопросов и ответов», которым руководитель курса раввин Эрнст Штейн посвящает один день в неделю.

Но этим не ограничивается перечень иудаистских дисциплин. Они входят и в цикл так называемых письменных занятий, проводящихся под руководством раввина Манфреда Люблинера. В программы включен также специальный «Библейский семинар».

За посещением занятий по религиозным дисциплинам ведется особенно строгое наблюдение. Если мой грустный собеседник, бывший студент, вынужден будет посетить все посвященные иудаизму занятия, ему придется в одном только третьем триместре потратить на это тринадцать вечеров! Не льстят ли себя надеждой преподаватели, что наиболее преуспевших своих питомцев они смогут впоследствии командировать в Израиль на традиционный конкурс молодых знатоков библейских книг.

Напрасные надежды!

— Больше всего мы филоним на занятиях по религиозным предметам,— признался мне бывший ташкентец, он же бывший строитель. Не так уж он молод, но смекнул, что и ему стоит пойти в еврейскую народную школу, иначе он не будет на виду у руководителей общины и местных сионистских заправил.— Никто не хочет забивать себе голову иудаистскими канонами, даже те, кто целый вечер шмыгает по школе с религиозными книгами в руках, чтобы администрация видела, какие, видите ли, они усердные иудаисты. Притворяются, что будто бы согласны с отождествлением понятий «еврей» и «иудей». Но это чистейшая липа!.. Что теперь скрывать — покидая Советский Союз, каждый из нас смаковал слова «частный», «собственный», «свой», «личный». Врач думал о своем частном кабинете с оплатой по им назначенной таксе, работник торговли — о собственном магазине. Я мечтал завести свою подрядную контору с подчиненными мне рабочими. Но о том, чтобы стать иудаистом, можете мне поверить, почти никто не думал. И когда бежали из Израиля, то говорили себе: наконец избавимся от контроля раввинов, наконец-то не надо будет притворяться верующими и кланяться доносчикам из министерства религии. А оказалось, и здесь, в Западном Берлине, легче живется тому из нас, кто сумел прослыть иудаистом. И здесь тоже считают, что верующий иудаист скорее станет сионистом на все сто и будет делать все, что от него требуют. Здесь отождествляют уже три понятия: «еврей», «иудей», «сионист». Перспективочка, нечего сказать!

Составители учебного плана стремятся максимально приблизить занятия к израильским интересам, к политическим задачам, осуществляемым сионистскими руководителями государства. Потому, видно, в учебном плане подробнейшим образом описан маршрут двухнедельного «студенческого путешествия» в Израиль. Полет туда и обратно плюс объезд двадцати шести городов влетает, конечно, в копеечку, но в группу путешественников включаются только наиболее старательные учащиеся, за которых охотно платят учреждения, находящиеся в доме № 13 на Иоахимсталлерштрассе. Действительно, на какие затраты не пойдешь, чтобы будущие сионистские функционеры (а именно таковых воспитывает западноберлинская еврейская народная высшая школа из самых усердных учащихся) своими глазами увидели, как палестинские города и деревни превращены правительством Бегина в израильские военные поселения.

Замыкает учебную программу курс изучения языков: иврита, немецкого, идиш. Львиную долю занимает иврит — государственный язык Израиля. Предусмотрен даже особый, интенсивный курс иврита, хотя в Западном Берлине, где проживают учащиеся, он, как известно, ровно никакого практического применения найти не может. Гораздо меньше внимания уделено самому распространенному среди пожилых евреев во всем мире, но мало знакомому молодежи языку идиш. Кстати, если бы сотрудники аппарата правления общины сами удосужились посещать занятия по идиш, они получили бы наконец хоть приблизительную возможность разговаривать с евреями из других стран на понятном там языке. Не хотят они, однако, приобрести такую возможность.

Итак, многие подопечные общине молодые «новоселы» посещают вечернюю высшую школу. Независимо от того, работают ли они днем, занимаются ли темными махинациями ночью, или постепенно становятся круглосуточными «цоовцами», то есть медленно, но верно втягиваются в шайки наркоманов и сутенеров. Надо учиться в сионистском духе — такова воля пригревших их в Западном Берлине попечителей. Не за красивые же глаза помогли они отобранным молодым фальшакам обосноваться в городе! Теперь остается превратить их в надежных служителей антисоветского форпоста сионизма. И пресловутая школа призвана реально этому содействовать.

Учеба в ней, как могли убедиться читатели, от начала до конца сдобрена густым националистическим соусом. Интересы сионизма — таков единственный критерий. И в политике, и в экономике, и в истории.

В истории?

Позвольте, как же я могу не порекомендовать составителям учебной программы преинтереснейшую историческую тему. Хотите — для лекции, хотите — для семинара. Тема эта неразрывно связана и с сионизмом и с сегодняшним Западным Берлином, точнее — с его американской зоной.

Кровавая карьера Курта Бехера. О нем я уже ранее писал. В годы войны нацист Бехер был видным офицером эсэсовской части, орудовавшей в Венгрии. Избрав своим помощником сионистского активиста Рудольфа-Реже Кастнера, он вошел в контакт с венгерским и международным сионизмом...

ПО КРОВАВЫМ СЛЕДАМ

Продолжить рассказ хочу словами западногерманского писателя Рейнхарда Юнге из интервью газете «Тат» во Франкфурте-на-Майне. Репортер беседовал с Рихардом Юнге о его публицистической книге «Кровавые следы». Как и предыдущая — «Неонацисты», она разоблачает избежавших справедливого возмездия нацистских военных преступников и поддерживает благородную борьбу против возрождения в ФРГ неонацизма.

— Эту книгу я написал,— говорит писатель,— совместно со своими коллегами — Поморином, Биманном и Бордиеном. Так же, как и я, они глубоко встревожены активностью неофашистов в ФРГ. Работая над книгой, мы обнаружили следы многих приспешников Гитлера, которые сегодня занимают ответственные посты в нашей стране и никогда не привлекались к судебной ответственности за совершенные ими страшные злодеяния.

— Кого вы имеете в виду? — спрашивает репортер.

— В Бремене, например, в наши дни пользуется огромным влиянием мультимиллионер Курт Бехер. Во времена Гитлера этот человек был доверенным лицом и сотрудником оберштурмбанфюрера СС Эйхмана. Но если Эйхман отправлял евреев на смерть в газовые камеры, то Бехер занимался тем, что за огромный выкуп переправлял граждан еврейской национальности, имевших богатых родственников за границей, в США, Англию или нейтральные страны. По поручению Гиммлера фашисты занимались торговлей людьми, наживая на этом колоссальные состояния.

К исключительно правдивым словам писателя Юнге хочу добавить выдержку из документа ЦК Коммунистической партии Израиля о предателе Кастнере, присвоившем себе по указанию Бехера титул руководителя венгерского «Комитета по спасению евреев». Сионистский функционер Кастнер гарантировал Эйхману и Бехеру «организованный и спокойный» вывоз венгерских евреев в лагеря смерти «без эксцессов», столь нежелательных тогда для Гиммлера, который в предвидении гитлеровского краха пытался изобразить себя в глазах человечества чуть ли не противником акций по истреблению евреев.

«Кастнер и его коллеги прекрасно знали,— говорится в документе,— что нацисты собираются отправить венгерских евреев в лагеря смерти, в газовые камеры, но предпочли скрыть это в обмен на обещание нацистского палача Эйхмана дать возможность нескольким сотням евреев, главным образом сионистам и просионистским богачам, эмигрировать в Палестину».

Вот на этом-то обмене и разбогател эйхмановский подручный, о котором Рейнхард Юнге далее рассказывает:

«После войны карьера Курта Бехера ознаменовалась новым взлетом. Неслыханно разбогатев, как и многие другие гитлеровцы, на рабском труде узников концлагерей и нещадном грабеже оккупированных стран (в том числе и Белоруссии.— **Ц. С.**), этот предприимчивый делец основал в Бремене настоящую промышленную империю, имевшую уже в 1960 году оборот в несколько сотен миллионов марок. Места руководителей отделов и директоров фирм заняли бывшие офицеры СС. Одним словом, Бехер обеспечил, прямо скажем, безбедное существование многим нацистам в нашей стране. И этого человека до сих пор никто и не подумал привлечь к ответственности за его преступную деятельность во времена Гитлера». Не думают делать этого и сионисты.

Я ознакомился с книгой «Кровавые следы». Беспощадно обличает она гнусные планы неонацистов, срывает маски с укрывшихся от заслуженного наказания фашистских каннибалов

Продолжение. См. «Огонек» №№ 40—43.

лов. Одно меня удивило: обнажая нацистское прошлое эсэсовца Бехера, западногерманские писатели сравнительно мало добавили к тому, что писал об этом я. Но я-то писал главным образом на основе документов из венгерских архивов, а Юнге и его соавторы имели, казалось, возможность ознакомиться с архивными документами постыдной биографии члена нацистской партии Бехера.

Увы, только казалось. Западногерманским писателям помешали американские офицеры. Вот что рассказывает Рейнхард Юнге:

— Американцы распоряжаются «Центральной картотекой членов национал-социалистской партии Германии», которая находится в Западном Берлине. Во время работы над книгой «Кровавые следы» нам было необходимо ознакомиться с документами, которые хранятся в этой картотеке, по делу Курта Бехера. Оказалось, что доступ к ним мы могли бы получить лишь в том случае, если бы сам Бехер милостиво дал на это согласие. Западногерманские власти упорно отказываются от передачи им этого архива, потому что демократические силы ФРГ могут потребовать свободного доступа к документам. Журналистам и историкам стало бы намного легче выяснить, кто из бывших нацистских преступников занимает сегодня ответственные посты. А это надо сделать во что бы то ни стало, чтобы помешать гитлеровцам замести следы своего кровавого прошлого.

Следы своего кровавого прошлого силятся замести не только гитлеровцы, но и те, кто с ними сотрудничал. Кастнер, вручавший Бехеру баснословные выкупы за переправленных из будапештского гетто за границу сионистских избранников, был совсем не одинок. Не все полностью еще известно о контактах с нацистами Райхерта и Хагена в Германии, Кошпара и Гере в Чехословакии, Вайнреба и Вайнштейна в Голландии, Штерна и Леви в Венгрии. А сколько имен контактировавших с фашизмом сионистов вообще еще не раскрыто! Не в интересах сионистского стана добиваться их раскрытия.

С интервью Рейнхарда Юнге франкфуртской газете «Тат» я собирался познакомить господина Галински, дай он согласие вторично встретиться со мной. И не только для того, чтобы председатель общины узнал о типичном для истории сионизма факте. Кому-кому, а председателю правления западноберлинской еврейской общины, пользующейся благосклонностью «чарли» (так по-дружески именуют здешние сионисты офицеров военной администрации американской зоны Западного Берлина), возможно, удалось бы все-таки выпросить у них документы из картотеки о палаческом прошлом процветающего в ФРГ Курта Бехера. Конечно, будь это угодно Хейнцу Галински!

СТРАННАЯ ЗАБЫВЧИВОСТЬ

Впрочем, господину Галински вряд ли будет угодно, чтобы правду о предательских связях сиониста Кастнера и эсэсовца Бехера (а это случай в истории сионизма далеко не единственный!) узнали слушатели пресловутой «народной» школы.

Не в его же, видимо, интересах, особенно сейчас, когда сионизм окончательно обнажил свое фашистское нутро, разоблачать и прочих укрывшихся от суда и весьма преуспевших гитлеровцев, чьи руки обильно обагрены кровью евреев. Не один Галински притворяется, что ничего не знает о благоденствующих в ФРГ и других западных странах нацистских палачах бехеровского «профиля». Не шибко активен и пресловутый Симон Визенталь, в прошлом гестаповский провокатор во Львове, ныне директор так называемого еврейского центра документации в Вене. А ведь сионистская пресса повсюду крикливо рекламирует его как «самого смелого» разоблачителя утаившихся от справедливого возмездия гитлеровцев.

То и дело в сионистской печати появляются сенсационные сообщения: вот-вот в руках Визенталя окажется освенцимский убийца врач Иозеф Менгеле, лично руководивший отбором 40 000 евреев для депортации в газовые камеры. Визенталь, названный канцлером Бруно Крайским вымогателем и провокатором с темным прошлым, бесконечно обещает: «Я очень близок к тому, чтобы схватить Менгеле!» Но хотя сионисты знают, что время от времени Менгеле появляется то в Чили, то в Парагвае, то в Боливии, ни одна сионистская спецслужба в Латинской Америке ровным счетом ничего не предпринимает для его поимки. Сионисты считают, что это «частное дело фирмы Визенталя». Невыгодно им предстать суду Менгеле — уж чересчур много знает он о контактах сионистских лидеров с гитлеровцами в пору второй мировой войны.

В латиноамериканских странах сионисты давно осведомлены, что в их краях подвизается бывший оберштурмбанфюрер СС Герман Рауффе, конструктор автомашины-душегубки. На этом отпетом преступнике лежит ответственность за гибель 90 000 евреев. Долго он переезжал из одной страны в другую, пока не нашел надежной поддержки в Чили, где ему доверили должность консультанта пиночетовской охранки. Израильские представители, приезжающие в Сантьяго для экономических, политических и, конечно, военных контактов с хунтой Пиночета, встречают на официальных приемах Германа Рауффе и недрогнувшей рукой... чокаются с убийцей их отцов и матерей, когда пиночетовские сообщники провозглашают заздравный тост.

Визенталь делает вид, что ему якобы неизвестно о пребывании Рауффе в Чили, и прикарманивает немало денег, идущих на «усиленные розыски» оберштурмбанфюрера СС. Тот же тем временем усердно передает гестаповский «опыт» пиночетовским карателям.

А местопребывание Герхарда Барча, бывшего начальника управления в пропагандистском ведомстве Геббельса, тоже неизвестно господину Визенталю? Что ж, можем подсказать «самому смелому» разоблачителю нацистов, где процветает Барч, отличавшийся в роли руководителя лекторской группы правления нацистской партии исступленными призывами к беспощадному истреблению «неполноценной иудейской расы». В австрийском же городе Зальцбурге Барч без всяких помех исполняет обязанности корреспондента шпрингеровских архиреакционных изданий.

Не очень-то далеко от резиденции Визенталя, в курортном городе Бад-Аусзе, на посту директора частной гимназии наслаждается безмятежной жизнью и Вильгельм Хёттль. Во время второй мировой войны Кальтенбруннер и Эйхман послали его, прошедшего выучку в гитлерюгендовском руководстве, представителем нацистской службы безопасности СД в Вену. Подобно Бехеру в Венгрии, он стал в Австрии доверенным лицом нацистского руководства по вывозу за изрядные денежные выкупы нужных сионизму богатейших евреев, владевших солидными вкладами в швейцарских банках. Как видите, и в этом случае речь тоже идет о влиятельном гитлеровце, сотруднике возглавлявшегося Эйхманом «подотдела по делам евреев». Такой подсудимый мог бы многое рассказать о секретных сделках между сионистами и нацистами, о кощунственной «купле-продаже».

Недавно американский раввин Шиндлер признал, что некоторым евреям в США известны многие укрывающиеся там нацисты, в частности, те, кто зверствовал в Белоруссии. «Но хоть и знают имена,— уточнил Шиндлер,— а молчат, так как их просили не называть имен». Нетрудно догадаться, что американским евреям затыкают рот американские же центры сионизма.

Израильская разведка долго гордилась тем, что ей удалось в 1960 году обнаружить скрывавшегося в Аргентине Эйхмана и доставить в Израиль, где его казнили. Однако после этого у многих политических обозревателей небезосновательно сложилось впечатление, что, усиленно афишируя справедливую казнь Эйхмана, сионисты под прикрытием этой акции стали все больше и больше «забывать» о сообщниках обер-преступника. А ведь не одним только Эйхманом ограничивается внушительный список укрывшихся от правосудия убийц, с иезуитским усердием выполнявших гитлеровский план истребления «неполноценной расы».

— Такая странная «забывчивость»,— говорил мне в Лондоне молодой журналист,— очевидно, одна из примет последовательной фашизации Израиля. Об угрозе нарастающей фашизации давно уже предостерегали прогрессивные силы Израиля во главе с коммунистической партией.

Мой собеседник, безуспешно искавший и не нашедший в Англии издательство, готовое опубликовать его изыскания о черных делах сионизма, с горечью продолжал:

— Не могу назвать хотя бы еще одного повинного в истреблении евреев крупного нациста, арестованного за последние годы с помощью сионистов. Боятся они невыгодных для себя новых разоблачений, еще как боятся! Многие, очень многие из их связей с нацистами до сих пор не раскрыты до конца. Приведу в пример сионистов, орудовавших в пору войны в Чехословакии. Пока опубликованы не все сведения об их циничном содействии гитлеровским оккупантам. А ведь в Чехословакии сионисты помогли депортировать в Освенцим и Майданек тысячи «обыкновенных» евреев в обмен на вывоз из оккупированной гитлеровцами страны десятков «ценных для сионизма» избранников. Не все еще обнародовано и о рабской угодливости, с какой сионисты помогли фашистам организовать и декорировать близ Праги, в Терезине, «образцовый оазис» для нескольких тысяч обманутых евреев на территории «протектората Чехия и Моравия». Ясное дело, после того как фальшивый «оазис» помпезно продемонстрировали представителям международного Красного Креста, всех евреев из Терезина отправили в газовые камеры. О нет, не всех! Фашисты позволили уехать в нейтральные страны и, конечно, в Палестину некоторым избранникам сионистов. Чудом сохранились обрывки записей жертв депортации в лагеря смерти о предательской роли сионизма в терезинской трагедии. Совсем, однако, не чудом эти разоблачающие сионизм документы очутились в Тель-Авиве. Сразу же после войны их выкрали агенты сионизма. Были, правда, попытки рассказать правду о гнусной сионистской деятельности в Терезине. Но стоило пражскому раввину Фехеру и писателю Норберту Фриду хоть слегка приоткрыть завесу над терезинской трагедией, как их причислили к «антисемитам» и обвинили в клевете на сионизм. Вы, наверное, это знаете?

Знаю.

И, перечитывая сейчас, в дни бейрутской трагедии, записи беседы с английским журналистом, могу убежденно сказать: если сионизм всегда опасался разоблачения связанных с ним нацистов, то ныне, когда израильские каратели сами творят нацистские преступления, ему тем более не хочется ворошить тайные осиные гнезда тех, чьим гнусным продолжателем он сегодня оказался. Да, сионизм смертельно боится вытащить на публичный суд замаскировавшихся убийц: своими показаниями они могли бы предать гласности постыдные деяния многих наставников нынешнего поколения сионистов. Поколения, на чьей совести геноцид и другие тягчайшие военные преступления. А за каждым военным преступлением стоят конкретные военные преступники. И каждого неизбежно ждет свой нюрнбергский трибунал.

В числе других советских военных корреспондентов мне посчастливилось в мае 1945 года присутствовать на принесшем всему миру несказанную радость подписании акта безоговорочной капитуляции гитлеровского военного командования. За этим неотвратимо последовал суд над главными фашистскими преступниками в Нюрнберге. И ныне, много лет спустя, именем моей матери, замученной в гитлеровском лагере смерти так же зверски, как израильские каратели убивали палестинских матерей в лагерях Сабра и Шатила, я говорю: верю, всем сердцем верю, что ответ перед справедливым судом народов придется держать и сионистским последователям фашистов, причем не только премьер-террористу Бегину, министру смерти Шарону и их ближайшим сообщникам. Весьма поучительно вспомнить, что после Нюрнбергского процесса среди главных военных преступников на скамье подсудимых заслуженно оказалось и немало «второстепенных».

Есть, наконец, еще суд совести, суд памяти, суд истории, чьи приговоры человечество вечно хранит в своем сознании. Этот высший суд строго спросит и с тех, кто хоть и не приказывал бомбить Бейрут, калечить палестинских ребятишек, топтать коваными сапогами беременных палестинок, но с молчаливой покорностью выполнял варварские приказы и так же молча, с жестокостью расиста и усердием палача творил геноцид. И не выручат тогда «молчальников» американские покровители, столь щедро снабжающие израильских вояк смертоносным оружием!..

«ВНЕШКОЛЬНЫЕ» ЗАНЯТИЯ ПО АНТИКОММУНИЗМУ

Вернемся в вечернюю высшую школу, где проводятся, оказывается, и не зафиксированные программой внешкольные занятия. Весьма своеобразные. Впрочем, скорее это даже не занятия, а короткие беседы, инструктажи. Их тематику можно без обиняков назвать антикоммунистической, проамериканской, империалистической. Безусловно, подтверждает это такой эпизод.

В один из последних августовских дней впервые после летних вакаций собралась в доме № 79/80 на Фазанерштрассе группа учащихся.

— Пришли мы ознакомиться с расписанием на новый триместр,— рассказывает мой молодой собеседник,— просто потолковать. Многим бросилось в глаза, как к нам приглядывается веселый на вид человек. И мы уже не удивились, когда через несколько минут он дружелюбно попросил наиболее молодых, человек так семь-восемь, выйти на улицу прогуляться, покалякать с ним. Вышли... Да, все советские... извините, бывшие советские. Повел он нас не к центру мимо известного ресторана «Кемпински», а в другую сторону, по малолюдной улице. Завел разговор о западноберлинских футболистах: вот здорово, если бы они утерли нос футболистам ФРГ. А потом вдруг спросил, знаем ли мы, что в Западный Берлин скоро нанесет визит аме-

риканский государственный секретарь Хейг. Осталось всего две недели. Мы ответили: знаем. «А знаете ли вы, что в городе есть организации, притом молодежные, которые протестуют против приезда такого видного деятеля американской администрации? Они собираются митинговать, бунтовать, выйти на демонстрацию. Во-первых, им не нравится нейтронная бомба, во-вторых, им не нравится сам Хейг, который сказал, что есть вещи поважнее мира, в-третьих, им не нравится, что он приезжает в город, который имеет свой статус и не входит в Федеративную Республику Германии, значит, Хейгу нечего у нас делать!» Тут выскочила одна из образцово-показательных девушек школы: «Мы не поддержим антиамериканских подпевал!» Господин буркнул: «Не хватает, чтобы поддержали! А вы сами не сообразили, что этим любителям мира надо помешать. Сомнительные элементы не смеют омрачить такое важное политическое событие, как приезд Хейга! Вы должны помочь полиции укоротить язык молодым социалистам. Понимаете?» Все молчали, даже образцово-показательная...

Замолчал и беседовавший со мной парень. Оборвал свой рассказ, побледнел, как-то съежился и, словно не замечая меня, стал испуганно озираться по сторонам.

Я и не просил его закончить рассказ о прогулке группы молодых «бывших» с веселым господинчиком из мрачного Сохнута. Не пытался уточнить, как предложил он своим молодым кадрам поступить, чтобы не дать возможности организации «Молодые социалисты», объединению «Молодежь против гонки вооружений», «Социалистическому союзу молодежи имени Карла Либкнехта» и другим «омрачить» визит Хейга.

Тем более, что в тот момент к нам присоединилась девушка. Нетрудно было догадаться, что она далеко не безразлична моему собеседнику. О пути, приведшем ее в Западный Берлин, не скажу ничего. Так тернист и трагичен этот путь, что даже по отрывочным деталям сохнутовцы без труда опознают ее.

Узнав, кто я, девушка вначале испуганно молчала. Но постепенно разговорилась. С грустью поведала, как западноберлинским сионистам уже удалось до предела катализировать антисоветские настроения некоторых ее сверстников-фальшаков.

Они, к примеру, открыто и вызывающе шумят о «вопиющей советской жестокости». Что же имеется в виду? Не более не менее, чем решительный отказ советских представителей обсуждать какие-либо проекты четырехстороннего решения о досрочном освобождении из тюрьмы... нацистского военного преступника Гесса... Да, Рудольфа Гесса, заместителя фюрера по нацистской партии, осужденного на Нюрнбергском процессе к пожизненному тюремному заключению.

Нашлись «сердобольные» политиканы, требующие, «по соображениям гуманности», выпустить на волю постаревшего фашистского зверя из находящейся на территории Западного Берлина тюрьмы Шпандау. Один из юных фальшаков до того уж «перевоспитался» в Западном Берлине, что в порядке протеста против «советской негуманности» демонстрирует всем встречным и поперечным медаль в честь Гесса, незаконно отчеканенную в ФРГ по заказу закоренелых неонацистов. И еще «гуманист» торжествующе сообщает, что в Сан-Франциско имеется книжный магазин под названием «Рудольф Гесс».

Девушка говорила тихо. Тем не менее в ее голосе явственно слышалось осуждение.

Затем она заговорила о знакомых ей молодых спекулянтах.

Замыслили они среди прочих бизнесов и такой. Попытались наладить проезд в столицу Германской Демократической Республики, чтобы закупать там по более дешевым, нежели в Западном Берлине, ценам ходовые продукты и, возвратившись, продавать их со спекулятивной надбавкой. Сорвалось. На мысль о другом подобном бизнесе натолкнуло новоиспеченных дельцов то, что в столице ГДР международные телефонные разговоры обходятся значительно дешевле, чем в Западном Берлине. Придумали такое: за соответствующую мзду будут по поручению бывших советских граждан звонить из столицы ГДР их родственникам в нашей стране. Тоже сорвалось.

Некоторые молодые люди промышляют клеветническими антисоветскими выдумками. Ловкач, который в Советском Союзе ни разу, как выразилась моя собеседница, мимо киностудии не проходил, бойко распространяет небылицы о посетившем Западный Берлин известном московском кинорежиссере. Дескать, в Москве с ходу запрещают каждый его новый фильм. Не имеет значения, что в одном только Западном Берлине уже демонстрировались два его новых фильма, что кинолюбителям разных стран широко известны его семьвосемь картин. Клеветник уверенно называет астрономическое число запрещенных фильмов «гонимого» режиссера — по такой арифметике получается, что он стал кинопостановщиком чуть ли не с десятилетнего возраста. Представьте, на гнусную выдумку кое-кто клюнул — для карьеры клеветника это главное.

Что, казалось бы, можно извлечь из подобных бредовых небылиц? Извлекают. Не случайно западногерманская реакционная пресса и радиостанции все чаще ссылаются на достоверные сообщения «очевидцев — изгнанников» из Советского Союза, обретших счастливый приют в Западном Берлине.

Более детально воспроизвести рассказ девушки об удачливых карьеристах из молодых фальшаков не решаюсь: они сразу узнают себя, а это грозит девушке жестокой расправой. Но вывод из ее немногословного повествования очевиден: отобранные сионистами для проживания в Западном Берлине молодые люди проходят основательную антисоветскую выучку — школьную и главным образом «внешкольную».

ДВОЙНАЯ ШОВИНИСТИЧЕСКАЯ ВЫУЧКА

Такой же двойной выучке подвергаются слушатели «народной» школы и в тех частых случаях, когда сионистская пропаганда считает насущно необходимым отравить их души новой порцией антиарабского яда, сделать им очередную прививку фанатической ненависти к палестинцам. Идут в ход все средства: от безудержной лжи по геббельсовскому «принципу» — чем чудовищней выдумка, тем легче с ее помощью оболванить массы, до «научно обоснованной» клеветы.

Готовя ливанскую бойню, сионисты с утроенным остервенением мобилизовали все неблаговидные средства своей антипалестинской лжи и клеветы. Им не в бровь, а в глаз угодил бывший американский сенатор от штата Южная Дакота (израильская пресса в гневе и раздражении даже не назвала его имя!), отметив: «Израиль одновременно с вторжением своих вооруженных сил в Ливане открыл в Соединенных Штатах второй, великолепно скоординированный фронт по обработке общественного мнения против палестинцев». И не только в Соединенных Штатах!

Сионисты ФРГ, например, поспешили смастерить и обнародовать «научно-историческую» концепцию о том, что многовековая, сложившаяся на основе глубокой общности территории, экономики и культуры палестинская нация—понятие... несуществующее. Срочно состряпан и опубликован махрово-расистский «труд» некоего Роксана «Сионизм, Израиль и палестинцы». Сионистский «исследователь» с наглой безапелляционностью утверждает, что нехорошим, мол, антисемитам удалось внедрить в сознание человечества «миф об исконном хозяине Палестины — палестинском народе», что не может идти речи о «палестинцах как особой национально-этнической группе: Палестина всегда была только географическим понятием».

Лидеры сионизма в Израиле и других западных странах немедленно взяли на вооружение бредовую писанину Роксана, она спешно переведена с немецкого на другие языки и чуть ли не насильно всучивается евреям, не разделяющим расистских убеждений бегиновской клики. Цель ясна: авось, этими псевдонаучными бреднями удастся хоть в малейшей мере сбить волну поистине мирового возмущения израильским геноцидом в отношении палестинцев. Ныне, когда израильская военщина пытается одновременно с установлением «нового порядка» в Ливане окончательно присвоить земли Западного берега Иордана, сектора Газа и Голанских высот, сионистские службы с пеной у рта безуспешно силятся внушить человечеству: палестинцы, дескать, к Палестине никакого отношения не имеют, ибо эта страна, по утверждению всяких роксанов, создана «исключительно усилиями энергичных и предприимчивых поселенцев-евреев». Но человечество видит, как «энергичные, предприимчивые», а главное, отъявленно жестокие и беспредельно шовинистичные сионисты творят геноцид на оккупированной земле, фарисейски объявленной ими «географическим понятием».

Нацистская эстафета продолжается. В свое время трактаты фашистских теоретиков типа параноидального антисемита Штрейхера «научно» подкрепляли людоедские рассуждения Гитлера о «недочеловеках-евреях», а ныне трактаты зоологического антиарабиста Роксана научно подкрепляют расистские рассуждения нациста еврейской национальности Бегина о «недочеловеках-палестинцах».

И по приказу премьер-террориста израильские каратели либо вывозят в Израиль, либо варварски уничтожают бесценные реликвии древней палестинской культуры — фашиствующие сионисты надеются, что получат таким путем большую возможность исступленно трубить об отсутствии культуры палестинского народа. Так утверждают не одни каратели, но даже наиболее реакционные израильские писатели, открыто поддерживающие фашизацию своего государства. Их возглавляет Яиль Даян, дочь печально знаменитого генерала Моше Даяна.

В своих расистских откровениях она превосходит отца. Он, обращаясь в конце 1969 года к жителям оккупированного Хальхуля, заявил: «Сегодня мы разрушили двадцать домов. Если этого недостаточно, мы разрушим весь город. Если вам не нравится такая политика, перед вами открыты мосты для того, чтобы уехать». Недостаточным это оказалось для дочери и последовательницы генерала-карателя, ей мало одного только изгнания палестинцев из отчего края, из родного дома. Не дожидаясь публикации своего романа, подобно предыдущим насквозь милитаристского и расистского, Яиль Даян в дни кровавого побоища в Бейруте недвусмысленно сказала в одном из своих интервью: «Не желающие капитулировать подлежат ликвидации». А ведь, на взгляд Бегина и его приближенных, любой палестинец, стремящийся сохранить свой очаг на оккупированной территории, считается «не желающим капитулировать».

Люди всего мира читают показания очевидцев израильского геноцида, с ужасом смотрят на фотоснимки и кинокадры, запечатлевшие зверства израильских интервентов и оккупантов. Эти зверства документированы международным Красным Крестом и многочисленными ассоциациями и конгрессами юристов, о бесчеловечности израильской солдатни рассказывают даже такие средства информации, какие никак не заподозришь в антисионизме. А сионистская пропаганда по примеру вора, который, удирая, кричит: «Держи вора!» — обвиняет в жестоком обращении с пленными... обороняющихся бойцов палестинского Сопротивления.

И это проделывается в то самое время, когда израильская пресса — хоть и скупо, хоть и весьма немногословно — признает гуманное отношение палестинцев к пленным израильтянам. Вот характерный эпизод, рассказанный, как говорится, сквозь зубы тель-авивской «Нашей страной» и другими израильскими газетами.

Израильский солдат Эфраим Талби в бою под Сайдой был взят в плен бойцами палестинского Сопротивления. Привыкший к тому, что израильская солдатня чаще всего безжалостно добивает раненых пленных, Талби был изумлен: командир роты палестинцев Абу-Ситале приказал немедленно оказать медицинскую помощь пленному, накормить его и укрыть в недоступном израильским бомбам и снарядам месте. Когда же Сайда была захвачена израильтянами, они взяли в плен Абу-Ситале и, раненного, изнывающего от жажды, обессиленного от потери крови, депортировали в концлагерь строгого режима, точнее, лагерь пыток в Адисаре. Там его, окончательно измученного нестерпимыми пытками, некоторое время спустя встретил назначенный в лагерную охрану Эфраим Талби. Не сумев сдержать нахлынувших на него чувств, израильский солдат отважился при всех обнять «жестокого» палестинца и воскликнуть: «Вы относились ко мне, как отец к сыну!» Израильские газеты, конечно, преподнесли этот эпизод как пример гуманного отношения... израильских военнослужащих к «неисправимому палестинскому террористу».

Стоит ли удивляться такому лицемерию, если сионистская печать выдвинула «на экспорт» уже совершенно бредовую, придуманную обозревателем Довом Бен-Меиром «теорию»: уничтожая палестинцев, израильская армия помогает тем самым избавиться от террора многим странам мира, в частности Италии, ФРГ, Англии, Франции, Японии. Потрясающее открытие! Оказывается, итальянская мафия, банды Баадер-Майнхоф в ФРГ, английские «истребители цветных» — все это дело рук палестинцев.

У меня есть все основания не сомневаться, что расистские «открытия» роксанов и бенмеиров нашли отражение в учебной программе высшей школы западноберлинских сионистов и тем более во «внешкольном» обучении молодого пополнения сионистской организации.

Продолжение следует в № 46.

Ф. Богородский. 1895—1959. СНИМАЮТСЯ У ФОТОГРАФА

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

Ю. Королев. Род. 1929. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Художественная выставка «50 лет МОСХ»

«ВАНЕМУЙНЕ» ЮБИЛЕЮ СТРАНЫ

А. ВЕНЕЦКИЙ

В искусстве взаимовлияние ведет не к утрате самобытности национальных культур, а к возникновению культур новых и своеобразных. Эта мысль, высказанная народным артистом СССР Каарелом Ирдом, художественным руководителем государственного академического театра «Ванемуйне», думается, стала девизом гастролей, прошедших в Москве.

Вот уже более ста лет имя Ванемуйне носит замечательный художественный коллектив в древнем эстонском городе Тарту.

Ванемуйне — так в своих легендах древние эсты называли бога песни, вечного и бессмертного, как бессмертна в жизни человеческой песня...

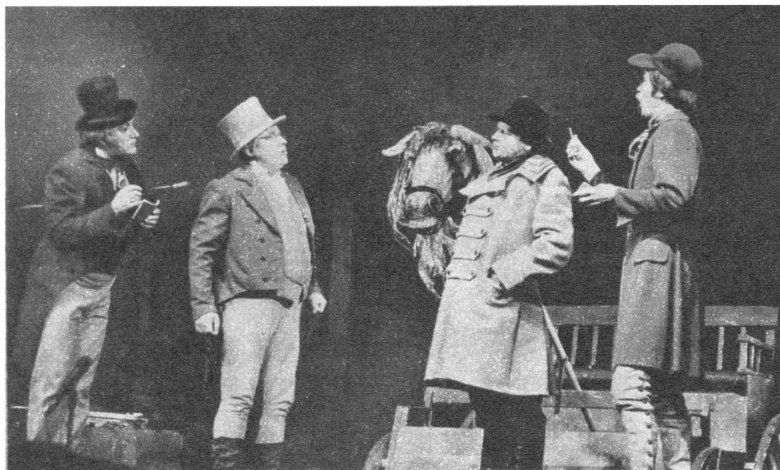
Неповторимость художественного облика, снискавшая театру широкую известность далеко за пределами Эстонии,— во многом заслуга Каарела Ирда. «Ванемуйне» — единственная в нашей стране сцена, где объединены все жанры: опера, драма, оперетта, балет, мюзикл... Многие актеры выступают и в музыкальных и в драматических спектаклях; критика не раз отмечала, что в мастерстве труппы "Ванемуйне" нашел свое воплощение тот идеал актера синтетического, о котором в свое время мечтали К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко.

Творческая, общественная деятельность столь же разнообразна.

Спектакли на открытом воздухе собирают тысячи зрителей. Трижды в год устраиваются грандиозные балы с театрализованными представлениями. В театре проходят симфонические, камерные и эстрадные концерты, проводятся всесоюзные семинары, конференции, симпозиумы по проблемам искусства.

Театр не раз одерживал немалые победы на международных фестивалях. А московские гастроли 1956 и 1975 годов стали событием в художественной жизни столицы; они не забыты и сегодня. Столь же ярким событием оказались и нынешние гастроли, посвященные 60-летию образования Советского Союза. В гастрольной афише наряду с пьесами эстонских драматургов А. Таммсааре, Э. Раннета, Ю. Смуула произведения М. Горького, Б. Брехта; среди музыкальных спектаклей — сочинения московского композитора Г. Шантыря и дагестанца Ш. Чалаева; музыку Эстонии представляли В. Тормис и Р. Ээспере; не забыта была и классическая опера.

Гастроли проходили в новом здании МХАТа, во время антрактов часто можно было видеть в фойе Каарела Ирда; в окружении своих московских друзей — деятелей театра, музыкантов, критиков — он, как всегда, оживлен, общителен, остроумен.

«Пиквикский клуб».

Во время нашей беседы он, лукаво улыбаясь, заметил: «Ведь наш театр провинциальный!»

Сказано это было, конечно, в шутку. Высокая культура, хороший вкус, универсальность и виртуозность мастерства, живая фантазия — вот чем отличается творческий облик коллектива, который уже многие годы известен не только в стране, но и за рубежом.

Гастроли открылись «Егором Булычовым». К этой пьесе театр обращается не впервые.

Представление пьесы на первом же гастрольном спектакле показало, сколь высок уровень исполнительского мастерства труппы, искренне преданной лучшим реалистическим традициям советского искусства. Подлинность сценического бытия, яркие характеры, слаженность актерского ансамбля — все это позволяет отнести постановку к числу больших творческих свершений театра. И нельзя не отметить работу уже знакомого москвичам по прошлым гастролям Яана Тооминга — талантливого актера, создавшего глубокий и темпераментный образ Егора Булычова.

В спектакле «Совесть» другой актер, тоже запомнившийся по предыдущему приезду в Москву, Эвальд Хермакюла, выступил одновременно и как исполнитель главной роли и как постановщик. Пьеса, написанная эстонским советским писателем Э. Раннетом (по его же роману «Камни и хлеб»), посвящена жизни тружеников эстонского села. Спектакль заинтересованно говорит о трудовых буднях колхоза. Сложные нравственные коллизии возникают во взаимоотношениях главного героя Кустаса Локка и окружающих его людей.

Еще одна постановка Эвальда Хермакюлы — «Господин Пунтила и его слуга Матти»... Известно, что Бертольт Брехт создал это произведение в сотрудничестве с писательницей Хеллой Вуолийоки, чья легендарная судьба была тесно связана с культурой Эстонии... Э. Хермакюла играет роль Пунтилы; запоминаются его выразительные монологи... Интересны здесь и другие актерские работы — Л. Орловой (Ева), Ю. Лумисте (Матти), Э. Ханго (Судья).

«Странствия Бахадура».

Хотелось бы упомянуть еще один драматический спектакль: это «Дикий капитан» Ю. Смуула в постановке Я. Тооминга, известного смелостью своих новаторских поисков. Ему близок образно-метафорический театр; в свои постановки он постоянно вводит народную музыку, песни, танцы. В таком духе осуществлен и гастрольный спектакль, получивший звучание эпическое. Первозданная чистота присуща простым, порой суровым отношениям «дикого капитана» (Л. Ээлмяэ) с его командой. В них мерилом становятся вечные понятия чести, совести и мужества.

«Ванемуйне» не раз был первооткрывателем новых сценических произведений. Два таких спектакля и на этот раз увидели москвичи: «Пиквикский клуб» Г. Шантыря и «Странствия Бахадура» Ш. Чалаева.

Свое музыкальное прочтение знаменитого романа Ч. Диккенса Г. Шантырь назвал «комической оперой в 3 действиях, 8 скандалах»! Светлый и добрый юмор, человечность, присущие литературному шедевру великого английского мастера, живут в спектакле вполне органично. Постановщики — режиссер К. Ирд и дирижер В. Виру создали его живым, искренним, пронизанным веселой шуткой.

Дагестанский композитор Ш. Чалаев — большой знаток музыкального фольклора. Не случайно в его музыке ощутима связь с первоисточниками, прежде всего с лакскими песнями и танцами... «Странствия Бахадура» получили свое первое сценическое воплощение, и театр вложил в постановку (режиссер — К. Ирд, дирижер — Т. Лейнатамм) свой энтузиазм, желание донести до зрителя колорит народной музыкальной комедии, передать ее своеобразие. Публика следит за забавными событиями жизни молодого мастера-златокузнеца Бахадура (А. Томмингас), отправляющегося в странствия, чтобы найти достойный подарок невесте. Обаятелен и образ невесты Бахадура Серминаз (С. Вестманн).

Высокой похвалы достойна постановка «Севильского цирюльника» Дж. Россини, радует отличный вкус в игре актеров, высокая музыкально-исполнительская культура (дирижер — Эндель Ныгене).

Хорошим исполнением порадовали балетные спектакли в постановке Юло Вилимаа на музыку Т. Когана: «Земфира» по поэме Пушкина «Цыганы» и «Суламифь» по одноименной повести Куприна.

Композитор считает, что оба балета объединяет одна мысль: прошлое человека остается с ним, от него не уйти!.. Отсюда решение — экспрессивное, эмоционально насыщенное.

Впереди — новые встречи с талантливым коллективом.

Лариса ВАСИЛЬЕВА

РОМАН-ВОСПОМИНАНИЕ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

КНИГА О

НИКОЛАЙ

(Продолжение)

Виктор был серый человек. Не то чтобы серый — неграмотный, необразованный: напротив, он хорошо учился в школе и в институте, неплохо определился на службе по танковой специальности, не без помощи и поддержки Отца, много читал, знал наизусть «Медного всадника». Последнего выучил, потому что они — Виктор и «всадник» — были земляками.

«Серый Виктор» — определение Инны, довольно безжалостное и точное, впрочем, самому Виктору неизвестное. У него было серое лицо, серенькие, мягкие, редкие волосы, серенькие маленькие глазки, серенькая ниточка губ, он любил серые пальто, костюмы и шапки.

«Серый Виктор» имел собственное мнение по самым разным вопросам, но он легко мог его ненадолго поменять, если рядом оказывался кто-нибудь сильный с мнением решительно противоположным. Впрочем, не всегда ненадолго — если противоположное мнение имело смысл, он запоминал его и при надобности мог выдать за свое или, напротив, раскритиковать, показав, что знает о его существовании. Умение использовать обстоятельства в своих интересах не такая уж плохая черта для человека, который сам должен пробивать себе дорогу в жизни. Конечно, тот факт, что Отец — ему подмога в делах, значил немало. Виктор привык надеяться на Отца, но Отец, какой ни есть хороший, все же не родной отец. Бывают, правда, родные отцы хуже дьявола, и лучше в детском доме вырасти, чем около какого-нибудь гадкого пьяницы.

Особенно теперь, когда вырос, Виктор понял преимущество своего сиротства: никому не нужно помогать, никому ничем не обязан. Детскому дому обязан? Бабке Рите? Так та умудряется еще ему и другим помочь. Отцу? Как ему эту обязанность выразишь — он вон какой гигант!

Долгие годы Виктор жил мнениями Отца. А тот, всегда остро ценя самостоятельность в людях и не переваривая подлипал и ассимилянтов, обожал в мальчишке именно эти черты. Он, видимо, толковал их по-своему, полагая, что мальчик от природы крайне деликатен и мягок, а также широк во взглядах и может понять другое мироощущение.

Если говорить честно, Отец любил Виктора больше всех других детей детского дома. Дол-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 41—43.

Б ОТЦЕ

гие годы никто этого не чувствовал, и лишь когда Виктор поступил в институт, он стал приезжать к Отцу и подолгу жить в семье. Почему Отец полюбил именно его, а не смелого, фанатичного фантазера Алешу или кого-нибудь еще — много было ярких детей,— ни он бы сказать не мог, не объяснил бы никто другой.

Катерина, «графиня» Таня, позднее Инна видели мальчика насквозь, но открыть глаза Отцу было совершенно невозможно. Сирота — язык не поворачивался. Иногда Катерине Власьевне казалось, что Отец понимает мальчишку не хуже их: они запирались вдвоем, и Отец «выдавал» ему. Что было говорено — никому не известно, парень выходил взъерошенный, редкие волосенки жалко топорщились на макушке, красный, расстроенный. И Отец, Отец — о слабость сильного человека! — начинал зализывать нанесенные им же раны — тащил его есть, задаривал, задабривал. Постепенно мальчик успокаивался, приходил в себя, и к нему возвращалось привычное состояние: и нашим и вашим. И тогда, казалось Катерине, он затаивал злобу на Отца.

Сегодня Виктор на себе ощутил, что Отца на вершине больше нет. Сотрудники Отца, конечно, не дали понять парню, что его светлые денечки прошли, у него больше нет покровителя и того, за чем он приехал и привык получать от других потому, что он сын Отца, он более не получит. Ничего такого не было. Все были искренне растеряны и расстроены, даже те немногие, кто не любил Отца. Новая метла, как известно... Какова-то она будет? С Отцом долгие годы все складывалось ясно, определенно, спокойно за его спиной, и с его талантом все брать на себя и волочь воз. Да к тому же человек с таким прекрасным прошлым, весь увешанный орденами и премиями, импонировал всем — его ходатайства выполнялись незамедлительно, отказать ему в просьбе за кого-то из подчиненных мог только... никто не мог. И все же Виктор — чуткое ухо — уловил перемену.

— Как же ты-то теперь будешь? — посочувствовала круглолицая секретарша.

— А что я? При чем я? — отгородился Виктор неизвестно от чего.— Я в провинции живу. Мне все равно какое начальство, лишь бы дело шло как надо.

Сегодня Виктору впервые за все годы работы никто ничего не смог пообещать определенно относительно того дела, по которому он приехал, потому что не нашлось на сей день человека, могущего взять на себя решение вопроса.

— Подожди, пока придет новое начальство,— сухо сказал ему заместитель Отца.

Теперь, сидя против Отца на неудобной кухонной табуретке, чуть захмелевший Виктор был переполнен неопределенными волнениями: что же будет, как будет и кто будет. Он осторожно и так и эдак наводил Отца на разговор о работе, но безуспешно. Еще Виктор думал, что Отец ушел неспроста и, возможно, за этим уходом скрыто нечто более важное, чем могло показаться.

Виктор, конечно, знал о главных проблемах Отца, о его принципиальном споре. Он понимал, что в ситуации, сложившейся на сегодня, Отцу трудно победить, но понимал также, что победа неизбежна, потому что Отец защищает новое, передовое, достойное того, чтобы рискнуть. Неужели Отец настолько потерпел поражение, что ему предложили уйти?

И главное, думал Виктор, крайне некстати уходит Отец на пенсию накануне Викторовой защиты кандидатской диссертации — прежде всего потому, что в его работе можно легко прочесть влияние Отца, а также, и это, может быть, самое существенное, желая свести счеты с Отцом, враги его могут завалить Виктора. Как пить дать. Отцу лишний щелчок.

Все эти благородные и еще несколько им подобных мыслей блуждали в захмелевшей голове отцовского любимца.

Отец глядел на него с умилением и гордостью. Он вспоминал, как впервые увидел мальчика.

В детский дом приехал фотограф — Кочерно пригласил его — снять детей. Это было полгода спустя после образования детского дома. Дети уже немного пришли в себя. Бабка Рита с персоналом отмыли их, немного откормили, приодели.

Детей собрали в зале. Худенький человек долго расставлял свою чудодейственную машину перед рассевшимся обществом — в центре Кочерно и бабка Рита, вокруг дети — сидят, стоят, лежат у ног.

— А ну-ка, детка, наклони головку вправо, нет, ниже, нет, выше, так, умница, чуть левее, нет, правее, нет, опять левее, так, молодец, умница, так оставайся, не шевелись, а ты, мальчик, руку убери за спину, нет, не так сильно, чуть выстави, а то без руки получишься, а ты, девочка с косичкой, чуть ко мне подвинься, так, нет, не так, так...

Дети замирали. Дядя Гриша отскакивал к своему аппарату, накрывался с головой черной материей, кричал:

— Стоп, спокойно, снимаю!

Но тут же сбрасывал с головы тряпку и, ударив себя по бокам, возмущался:

— Не так! Все сначала!

В один такой отчаянный для дяди Гриши момент дверь скрипнула, в зал вошел мальчик. У него был такой растерянный, смешной, испуганный взгляд, что уставшие от непосильного фотографирования дети дружно захохотали. Мальчик залился слезами.

Никто не знал, что плакал он не от их дурацкого смеха, а от своей обиды: на краю Пихтовой горы не обнаружил спрятанных в глубокой ямке съестных припасов. Он не любил есть в обществе — при других не было аппетита. Поэтому потихоньку прятал, что можно было, и уносил в ямку, которую тщательно зарывал и закладывал белым камешком. Там в лесу он с наслаждением съедал пахнущий землей хлеб и кусочек сахару, хрустя, чавкая, наслаждаясь.

Плачущий, беззащитный ребенок на фоне дружного здорового смеха вызвал целую бурю чувств в сердце Кочерно. Он прикрикнул на детей, взял мальчишку на руки, обнял его. Так она осталась во времени, эта фотография: Отец, бабка Рита, дети и Виктор на коленях у Отца.

Алеша приехал в Москву с идеей школы нового типа. Вот уже более двух лет работал он директором той самой школы, в которой выучился сам; сей факт — одна из сентиментальных сенсаций заводского поселка: об Алеше писали заводская, городская, областная газеты. Среди педагогов города Алексей Сеновалов слыл самым экстравагантным, смелым, передовым. Он подобрал великолепный штат и позволял им экспериментировать как угодно. После четвертого года обучения специальная комиссия из преподавателей проводила отбор учеников по принципу их склонностей и характерных особенностей каждой личности. Составляя пятый класс, Алексей Сеновалов и его комиссия руководствовались массой тончайших соображений — сочетания характеров, взаимоотношения детей между собой и еще многое, что по части психологии. Нет, нет, это не спецшкола — внутри одного коллектива дети могли развивать свои способности, переходить при надобности из класса с историческим уклоном в класс с уклоном в математику. Дети довольно рано получали возможность собственного поиска и собственного эксперимента. Всеми правдами и неправдами оборудовал одержимый директор плотницкую и столярную мастерские, завел грузовик и старый «Москвич» для обучения вождению автомобиля, оборудовал кухню и швейную мастерскую для девочек, и, что самое удивительное, все работало, шло, текло, кипело, как надо.

Само собой разумеется, не всем за стенами школы нравилось это экспериментаторство.

— Школа должна быть максимально консервативной — учитывая все без исключения требования времени, мы не должны забывать, что дети — живые люди, а не подопытные кролики, им выходить в очень сложную жизнь, им быть в окружении людей, получивших устоявшееся школьное образование. Эксперимент — вещь опасная, — последовало резюме свыше.

Сила Алексея оказалась в том, что он уважительно принял консервативный образ мысли, но настоял на том, чтобы его школу сделали экспериментальной.

В детдомовские времена оба — Виктор и Алексей — любили Аришу Кротову, да и кто ее тогда не любил — звезду детдома с ее льняными косичками, огромными пушистыми ресницами, карими глазами, с ее звездой, вырезанной фашистом на левой руке чуть пониже локтя. Ариша росла тихой, задумчивой, очень задумчивой, пугливой. Некоторое время она дружила с Алешей, посмеивалась над Виктором и обманула их обоих, уехав из города в неизвестном направлении с залетным лейтенантом очень кудрявой наружности. Отец, никогда не выдававший секретов своих детей их сверстникам, дабы сплетни не пошли кругами, рассказывал об Арише скупо: «Живет вдвоем с сыном, работает инженером под Москвой».

Сегодня она возникла в разговоре естественно, как возникает приятное, жгучее воспоминание невозвратных лет, как возникает необходимость высветить в своем прошлом самое нежное и трепетное впечатление.

— Ну, какая она? Модная дама? Красотка?

— Модная? Пожалуй, но не это главное. Она — особенная...

— Заинтриговали. Давай, Витя, съездим к ней.

Отец покачал головой:

— Мало ли что вы хотите видеть ее. Хочет ли она?

Алеша не был женат. Время от времени заводской поселок сотрясали слухи о новом увлечении чудака учителя...

Жизнь Виктора сложилась куда более ровно. Он женился на дочке полковника-отставника, такой же неяркой, как он сам. Ее родители приняли Виктора превосходно.

— Подумай, какое счастье, что у тебя нет свекрови. Некому ненавидеть тебя! — говорила жене Виктора ее мать. Семейная жизнь текла ровно. Рождение ребенка, рост Виктора по службе, покупка новой мебели — главные события в жизни добропорядочной молодой четы.

«Какие они у меня славные! — умилялся Отец на кухне.— Какие разные! Один другого лучше. Конечно, Алешка ярче, сильнее, интереснее Виктора, но тот зато, как первая любовь, дорог необычайно. Жаль, конечно, что я не усыновил его тогда. Жаль, а невозможно было. Выделить одного — ранить остальных. Как мы им тогда с Андреем на премию киноустановку приобрели. Сколько радости было — в детском доме свое кино! Андрей — золото. На столе указ о награждении премией первой степени — Ильи Матвеевича Векшина (посмертно), Андрея Андреевича Холодова, Николая Сергеевича Кочерно».

— Колька, тебе не стыдно?
— Стыдно.
— Чего тебе стыдно?
— Что только трое награждены.
— Верно. И мне.

— Раньше думать надо было. Поднимать вопрос.

— Да ведь не верилось, что дадут.

— Чего тебе не верилось? Такая машина! Что с деньгами делать будешь?

— Не решил.

— Слушай, неужели мы прожрем их? Вот у меня в детском доме...

— Понял. Батареи лопнули? Починим на премию?

— Да нет. Киноустановку хочу им купить. Растут дети, развиваются...

— Твоей доли не хватит, что ли?

— Не знаю...

— Врешь, знаешь.

— Немного не хватит.

— С того бы и начинал.

Никто никогда не видел Холодова разговорчивым, веселым, оживленным. Даже когда ему награды вручали — принимал без улыбки, понуро, словно не радовался. Никто не видел, кроме Кочерно. С Николаем Андрей был и разговорчив, и весел, и шутлив даже — представить невозможно, а был. Словно весь лимит отпущенного ему веселья расходовал лишь в обществе Кочерно.

Когда познакомились такие разные люди? Их дома разделял забор. Матери их — Кочерно был младше Холодова на три месяца — сходились, выкладывали малышей на матрасик, на солнышко и разговаривали. Кочерно, более подвижный, заваливал тихого Холодова, таскал его за волосенки, норовил пальцем попасть в глаз. Такая тесная связь могла в зрелости обернуться невесть чем — равнодушием, злобой, враждой...

Сколько радости было на Пихтовой горе, когда детское общество собралось на просмотр первого своего фильма. Андрей и Николай сидели не просто окруженные — дети висели на руках, на коленях, жались к гостям, отталкивали друг дружку. Андрей смущался. Он не любил открытых проявлений чувств, не умел отвечать на них. Вечер был для него мучением:

— Готов отдать еще столько же, чтобы ты меня не водил туда!

Они возвращались поздно, и Николай, счастливый оттого, что все удалось, не понимал нелепых переживаний друга:

— Ловлю на слове, сухарь.

«Как хорошо! — умиленно думал Отец, сидя с мальчиками на кухне.— Теперь смогу отдохнуть, оглядеться, подумать и, может быть, отойдя в сторону, помочь Андрею. Это судьба — в разное время почти одна ситуация: две машины, обе наши, отстаивать приходится лучшую. Тогда, перед войной, была наша победа. Сейчас — поражение? Поражение ли? Смотри, Николай, правде в глаза, ты разве ушел на «заслуженный отдых»? Желал ты отдыха? Твоей мечтой было жить и умереть в работе. Никто тебя не посылал на покой. Никто. Слепов? Он разве сказал что-нибудь? Нет. Сделал? Тоже нет.

Рыженький Митя Слепов любил играть в войну. Его родители удачно купили дом у разорившегося купца Пряникова, и там, на чердаке, Митя нашел богатство — огромную коробку с оловянными солдатиками. У Пряникова был единственный сын Мотя, больной таинственной болезнью, которую не могли постичь ни русские светила, ни заграничные. Куда только купец ни возил мальчика — и в Женеву, и в Веве, и в Остенде — ничего не помогало. Он засыпáл ребенка игрушками, сластями, развлечениями, но Мотя ко всему был безучастен. Вскоре после смерти мальчика умерла от горя его мать, которую суровый Пряников обвинял во всех бедах. Сам Пряников, похоронив близких, запил так, что пустил меж пальцев все дело, которое охотно разнесли по норам его приказчики. Продав последнее, что у него было,— дом, Пряников навечно исчез из городка.

Слеповы, купившие небольшой, но очень поместительный и удобный дом, радовались удаче. Были Слеповы мещане с понятиями и широкими взглядами на жизнь: обе дочери их учились играть на рояле, одевались, как барышни. Мать мечтала о роскошной жизни для них. Девочкам дала особенные имена — Жозефина и Цецилия. Сокращенно мать звала их Зизи и Мими и сердилась, когда слышала, что простенькие подружки кличут их Жозькой и Цилькой.

Девочки были умненькие, способные и очень разные — худенькая задумчивая Жозефина-Зизи рано уехала из городка, поступила на Бестужевские курсы, чем несколько обеспокоила мать. Долгое время Зизи работала начальницей в министерстве просвещения. Пышная светлоглазая Цецилия рано подцепила жениха — швейцарца-промышленника, которого привела в городок охота за сырьем. Пораженный серебристым смехом и крутыми боками Цецилии-Мими, швейцарец увез ее сначала в Париж, потом в Лондон, где она прожила всю жизнь. Живет и по сей день.

Митя был младшим ребенком в семье. Отец любил подшутить над матерью, грозно спрашивая, в кого мальчик уродился рыжим. Неизвестно почему, мать, женщина волевая, деловая и умная, заливалась краской и начинала оправдываться. Впрочем, хозяин быстро оставлял ее в покое.

Итак, Митя нашел на чердаке солдатиков. Сначала он расставлял их друг против друга длинными шеренгами и давал открытые бои. Потом, заметив разницу в одежде солдат, произвел их ревизию и сортировку. Мальчик, ничего не зная о родах и видах войск, выстроил две враждующие армии. Жизнь его обрела смысл. Он пользовался любой минутой, чтобы убежать в свой затаенный угол и повести войска. Одно время даже поостыл к дружкам Коле, Андрею и Степе, но быстро вернулся к ним, не сказав, однако, о солдатиках. Мать выследила мальчика, разумно решила, что в играх нет ничего вредного, и стала воображать Митю в форме генерала.

Началась революция. Шел девятнадцатый год — на чердаке ладно выстроенного пряниковского дома Митя Слепов вел войска в наступление. Мите иногда хотелось поделиться радостью, однажды пригласил он на чердак Николая, заранее взяв с него клятву, что тот никому не скажет. Войска были уже расставлены. Гость залюбовался их красотой:

— Ух ты! Какие! Позументы, эполеты — все есть. Это кто — русские и французы?

Николай быстро разобрался в обстановке: делить войска следовало не по цвету одежд, как делал Митя, а по многим другим признакам, включая галуны и эполеты. Дома у Николаева отца была книжка «Отечественная война 1812 года».

Мальчики сели на пол и выстроили войска по новому принципу. Битва началась. Через полчаса победитель определился. Митя смотрел удивленно:

— Ты раньше играл?

— У меня нет солдатиков.

— Ты раньше играл?

— Не играл.

— А ну, давай еще.

И снова Николай победил. На сей раз он по-новому выстроил своих солдат. Мите захотелось плакать. Сдержался — он был воспитанный мальчик,— в конце концов сам пригласил Николая. Вечером, прежде чем заснуть, Митя все вспоминал бой и придумывал новые положения своей армии. Еле дожил до утра, затащил Николая на чердак. Целую неделю Митя жестоко проигрывал. Наконец победитель сжалился и поддался. Не почуяв подвоха, Митя расцвел.

— Здорово играешь! — великодушно сказал он Николаю.

— Что я, вот Андрей в два счета меня обставит.

Поколебавшись, Митя согласился позвать Андрея. В первом же бою Андрей победил Николая. Поначалу Андрей обыгрывал Николая, зато Николай частенько проигрывал Мите. Это радовало простодушного Митю, он не замечал Николаевой хитрости: желая утвердить Андрюшу на чердаке, Коля ловко поддавался хозяину. Впрочем, вскоре все трое играли на равных. О том, чтобы позвать Степана, не могло быть речи — Шапошниковы враждовали со Слеповыми. Митя боялся, что мать рассердится, найдя Степу на чердаке своего дома, куда, впрочем, она никогда не поднималась. Степа был в курсе дела, но в гости не набивался. Хмуро поглядывал на Митю. Помалкивал.

Ариша сама никогда не подходит к Отцу — но если он позовет, на миг словно огонь вспыхивает в ней. Она любит Отца так сильно, как он даже представить себе не может. Засыпает — думает о нем. Просыпается — и первое, что перед ее еще не открытыми глазами,— его лицо.

Однажды, о, однажды...

Она спустилась с Пихтовой горы в поселок.

Кирпичных домов в поселке было немного. Их называли по номерам: четырнадцатый каменный, шестнадцатый каменный, пятый каменный. Один был окрашен желтым цветом, другой — фиолетовым, третий — зеленовато-серым. Особенно хорош фиолетовый — несколько окон третьего этажа в верхней своей части были полукруглы, между ними находился балкон с каменной решеткой. Арише казалось, что именно здесь должен жить Отец. Она узнала позднее, что именно здесь жил директор Маринин, а Отца с семьей поселили в серо-зеленом доме, который ей нравился меньше всех.

— Папа, я хочу толстую тетрадь в клетку! — сказал капризный голос за ее спиной.

Ариша повернула голову.

Отец шел поодаль с препротивной толстой девчонкой в уродливом байковом капоре. Из-под капора висели две белые толстенные косы, щеки были красные-пунцовые, губы пухлые, и лицом она очень походила на Отца. А он наклонялся к ней, как будто она была принцесса, улыбался и даже поцеловал в капор.

Сердце Ариши сильно билось, ей хотелось закричать, заплакать, замазать черной краской всю эту ужасную картину. Как он смотрел на нее, как смотрел! Никогда не смотрел он так на Аришу. Конечно, это была его родная дочь. Родная! Ариша давно знала о ней, но теперь она своими глазами видела все. Она не находила слов обвинения для Отца — он предал ее здесь, сейчас, сию минуту...

— Постой, это, кажется, Ариша Крогова,— вдруг сказал Отец,— Ариша.

Девочка бежала. Мелькали дома, дома, люди, люди, потом замелькали деревья. Дорога шла в гору, бежать было трудно, но она не чувствовала ничего, кроме разрывающей сердце боли. Она бежала и ненавидела всех: эту в капоре, бабку Риту, себя, а более всех Отца — изменника, изменника, изменника!!!

Виктор и Алексей храпели в комнате Инны, вдвоем на широченной тахте. Отец не спал. Одна мысль: Андрей! Все силы бросить на помощь Андрею. Но разве до сих пор они не были брошены?

Пенсионер. Как много самых разных людей сегодня весь день ломало голову над его поступком. Андрей, конечно, поймет все в первую же секунду. Силы прильют к нему. Андрей должен быть в силе. Страшно вспомнить последнюю встречу — сгорбленный, складки щек висят, кожа на лице серая, глаза потухшие — полумертвец.

— Нет, Андрей, нет, мы еще поживем. Повоюем.

Решение об уходе на пенсию пришло именно в связи с Андреем, а, ну, развяжу-ка я себе руки. Пенсионер может писать куда угодно.

Нелепая, а может быть, хитрая мысль медленно зарождалась в голове Отца. Потом, когда она сформируется окончательно, он скажет себе, что она давно жила в нем и все его оправданные и неоправданные поступки шли навстречу этой мысли. Да, уход на пенсию необходим, чтобы помочь Андрею...

А если подумать — сбудется мечта давних лет. С того времени, как он помогал отцу в хозяйстве, чувство земли не покидало его, разве что в войну отхлынуло. Люди говорили о его призвании, а он никому не признавался, что считал призванием соприкосновение руки с землей. Тогда, в тридцатых, его увлеченность танком была открытием неведомого острова. В войну, понятно, танк был его фронтом. После войны, здесь, в Москве, впервые ощутил Отец раздражение против своих созданий.

«Тебя бы в поле»,— подумывал он, обходя кругом только что законченную модель.

И вот наконец-то свободен.

Свобода нужна, чтобы помочь Андрею...

Продолжение следует.

Живой Куприн

Автор популярных исторических повествований о Суворове и Державине, Олег Михайлов обратился к жизни и творчеству Куприна не вдруг. В течение длительного времени занимался он литературой начала нашего века, составил и предпослал предисловиями сборники прозы Леонида Андреева, И. Шмелева, Арк. Аверченко, Н. А. Тэффи, А. Толстого, выпустил две книги об Иване Алексеевиче Бунине. И о самом Куприне он писал много и по разным поводам — и предисловия к его избранным произведениям, и послесловие к книге Кс. Куприной «Куприн мой отец», и литературоведческие статьи о мастерстве писателя.

Однако жанр документально-художественной биографии имеет свои особенности, отличные как от «чистой» беллетристики, так и от специфических литературоведческих исследований. Определяя особенности этого только складывающегося на наших глазах жанра, Михайлов в послесловии к своей книге «Державин» писал: «Зародившийся на границе многих смежных наук, он принадлежит все-таки к литературе художественной, хотя и имеет от нее принципиальное отличие, ибо реставрирует прошлое с помощью документа, точнее сказать, документального образа».

В известной книжке Е. Васильевой и И. Халифмана «Пчелы» рассказывается, в частности, о том, как рабочая пчела совершает сотни леток из улья в поле, всякий раз принося из полета капельку нектара, которая после сгущения превращается в два-три миллиграмма меда. Труд автора документально-художественного повествования сродни этой работе. Он кропотливо подбирает из множества мемуарных свидетельств, невыдуманных подробностей, автобиографических признаний — из пылинок времени мозаику отошедшей жизни. Портреты знаменитых людей, их речь, высказывания, особенности характера и поведения — все должно выдержать проверку, испытание документальной правдой. Все это должно «работать» на создание объемного и глубокого образа героя повествования.

В книге О. Михайлова мы видим, как документально убедительно, несколькими штрихами (собранными по частицам из разных источников и переплавленных в новую амальгаму) автор набрасывает портреты Горького и других современников Куприна — Чехова, Бунина, Шаляпина, Мамина-Сибиряка, Ф. Д. Батюшкова, критика Михайловского, Репина. И, конечно, в центре изображения — сам Куприн, «коренастый силач в мешковатом пальто — широкоплечий, стриженный каштановым ежом», с «мягким, сломанном в боксе носом» и «зоркими серо-синими глазками».

Олег Михайлов великолепно чувствует своего героя — его неукротимый, «бешеный» темперамент, его глубоко запрятанный душевный надлом, возникший в пору унизительно-бедного детства и насильственного казарменного заточения в продолжение полутора десятков лет. Мы видим Куприна и в его честной и гордой бедности, и за «адской» работой, следим, как он «выслеживает» очередную жертву при создании рассказа «Гранатовый браслет» или «Штабс-капитан Рыбников», становимся очевидцами глубоких любовных переживаний писателя.

О Куприне в пору его шумного успеха у читающей публики писалось и говорилось очень много, ходили легенды о его кутежах, о бурных проявлениях его безоглядно щедрой натуры. Но за этими фактами, подхватывавшимися бульварной прессой, крылась жизненная и писательская драма очень доброго и широкого душой человека.

Вот не лишенный трагических ноток монолог Куприна из книги О. Михайлова:

«— Ах, эта писательская судьба — чертовски сложная жизнь, когда за удачу приходится платить нервами, здоровьем, собою едва ли не больше, чем за неудачу, поражение,— сначала тихо, а затем все громче и громче заговорил он.— Как же, есть род окололитературной братии, которой извне, из их завистливой галерки все видится по-иному: Куприн получает бешеные гонорары, Куприн — пьяница, дебошир, гуляка, Куприн — грубиян, необразованный человек, бывший офицер...»

Нет точно таких слов в мемуарных свидетельствах о Куприне или в его собственных записях. Но монолог этот воссоздан с высокой степенью достоверности. Он мог быть именно таким в устах растерявшегося в столкновении с шумной столичной жизнью, переживающего острую личную драму и ошеломленного собственным литературным успехом человека.

Характер Куприна «промеряется» Олегом Михайловым в отношениях его героя к властной Марии Карловне Давыдовой и кроткой, терпеливой Елизавете Морицовне Гейнрих, к дочери «Кузьке» — Ксении, в благоговейном отношении к Льву Толстому и нежной любви к Чехову, в «дружбе-вражде» с Буниным и непростых связях с Горьким. Характер Куприна ярко проявляет себя в его тяге к простым людям — грузчикам, спортсменам, артистам цирка или рыбакам Балаклавы, в обостренном ощущении природы, в желании помочь нашим «меньшим братьям» — животным. Характер Куприна раскрывается, наконец, в бесконечной любви и преклонении писателя перед Россией, Родиной. Характерен приводимый О. Михайловым и документально подтвержденный эпизод. В Петрограде 1918 года в ответ на вопрос матроса-большевика, что такое Родина, Куприн говорит:

«— Родина?.. Родина — это первая испытанная ласка, первая сознательная мысль, осенившая голову, это запах воздуха, деревьев, цветов и полей, первые игры, песни и танцы. Родина — это прелесть и тайна родного языка. Это последовательные впечатления бытия: детства, отрочества, юности, молодости и зрелости. Родина как мать. Почему смертельно раненный солдат, умирая, шепчет слово «мама», то самое имя, которое он произнес впервые в жизни? А почему так радостно и гордо делается на душе, когда наблюдаешь, понимаешь и чувствуешь, как твоя родина постепенно здоровеет, богатеет и становится мощной? Нет. Я все-таки говорю не то, что нужно. Оно шестое чувство...»

Это «шестое чувство», как показывает Олег Михайлов, сопровождало писателя всю его жизнь. Оно не оставляло ни на час Куприна и за рубежом, в долгие годы его горькой эмиграции, и в конце концов позвало властно домой, в новую, уже Советскую Россию. «В Париже, на Северном вокзале перед тем, как сесть в московский поезд, Куприн сказал:

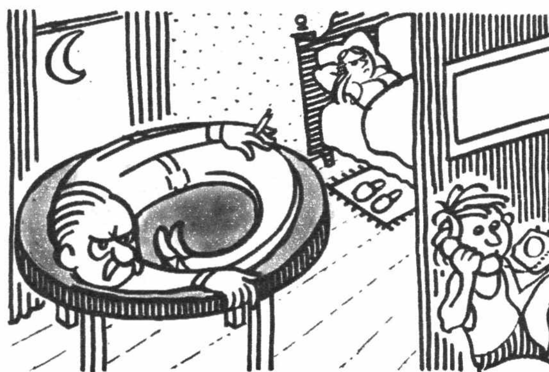
— Я готов пойти в Москву пешком...»

Этими глубоко знаменательными словами Куприна и заканчивается книга Олега Михайлова, посвященная одному из талантливейших художников слова в богатой русской литературе начала нашего столетия.

Анатолий СТРОГОНОВ

Олег Михайлов. Куприн. «Жизнь замечательных людей». М., «Молодая гвардия», 1981, 270 с.

Юмор

— Мои старики в ссоре. Папа занял круговую оборону.

Рисунки В. ВОЕВОДИНА

Рис. А. ДМИТРИЕВА

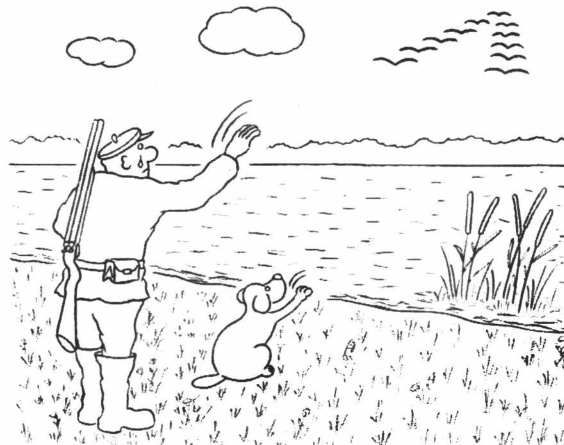

Рис. А. ОРЕХОВА

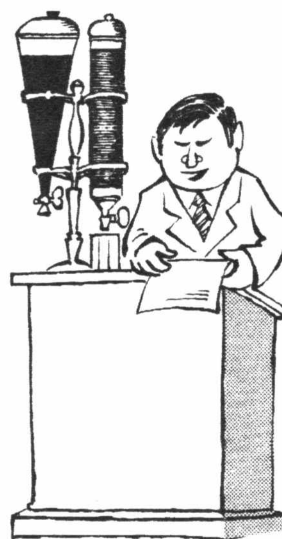

Рис. В. ТАМАЕВА

КАК ЗДОРОВЬЕ, СЛАВУТИЧ?..

Б. ПРОТОПОПОВ

ФЕЛЬЕТОН

«Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелохнет; ни прогремит»...

Эх, кабы так! Летом под Херсоном, например, еще за час до рассвета все трещит, воет, скрежещет на реке. Летят как оглашенные «Метеоры» и «Ракеты», хотя город рядом и можно было сбавить скорость. Снуют катера. Как киты среди малявок, плывут морские гиганты — лайнеры.

А в выходной день — «Що, боже ти мій, господе! Чого нема на тій ярмарці!» — сотни «Вихрей», «Нептунов», «Ветерков» и кто знает еще каких моторов буквально взрывают воду.

Бьются крутые волны, размывая берега, поднимаются с гнезд птицы и летят подальше с «тій ярмарці». А в период нереста рыбьи мальки всплывают кверху брюхом.

Конечно, катанье на моторах — большое удовольствие, но не пора ли в Херсоне подумать о том, что у реки и без частных скороходок спина болит!..

Я кровно обидел бы херсонцев, сказав, что они не любят свой Днепр. И «красавец» он у них, и «вольный», и «привольный». Нет недостатка здесь в восторженных виршах, посвященных великой реке, но каждый день — каждый день, читатель! — кроме всего прочего, в водную систему этого красавца только в Херсонской области всаживается 364 300 (триста шестьдесят четыре тысячи триста!) кубометров более или менее очищенных, полуочищенных, а 20 тысяч кубометров совсем грязных стоков. Это кроме частных моторок, каждая из которых сбрасывает в воду еще от двух до пяти килограммов нефтепродуктов в год.

Как же так? Все реку любят, а она отравляется!

Директор Херсонского консервного комбината Вячеслав Иванович Жураковский тоже обожает Днепр, а вместо очистной системы у него в халвично-овощном цехе, например, — три примитивных отстойника, корыта по 10—12 квадратных метров. По убогой идее, стоки, в которых только жира сверху на вершок, должны отстаиваться в первом корыте, дополнительно очищаться во втором и приобретать кристальную прозрачность в третьем. Все это в считанные часы. Но так как чудес не бывает, вода идет в Днепр с наваром, как у знаменитого украинского борща. В довершение сходства над выходной трубой, предусмотрительно запрятанной в реку, то и дело что-то булькает, в сальной пленке появляются горох и куски кабачков, иногда сдобренные еще и томатом, поступающим из других цехов.

И так из года в год. Шестнадцать с лишним тысяч кубометров в сутки! А в период массовой переработки овощей около 80 тысяч кубометров таких стоков «разбавляют» воды реки.

Попробуйте сказать председателю Белозерской «Межрайсельхозхимии» В. И. Дрибничу, что он враг реки! К барьеру позовет, в «вышестоящие» напишет! Посмотрите, каким благородным негодованием дышит его «Возражение Госрыбинспекции»:

«Гибель молоди рыбы произошла не по вине нашего хозяйства в целом. Аммиачная вода попала в озеро Белое случайно, вследствие поломки аммиаковоза вблизи к озеру. В. Дрибнич».

О том, что именно произошло «вблизи к озеру», подробнее рассказывают акты госрыбинспекторов.

Двадцать пятого февраля этого года водитель И. Красовский на неисправной машине пытался доставить аммиачную воду в совхоз. Из этого, конечно, ничего хорошего не вышло. Из шланга на дорогу заструился ручеек. Узнав об этом, заместитель Дрибнича, Н. Бугера, хоть и молвил, что «надо бы принять меры», но сейчас же об этом забыл. Водителю же Красовскому показалось утомительным ждать, когда упомянутый ручеек иссякнет, и он «принял меры» самостоятельно: подъехал к озеру и открыл вентиль на полную катушку.

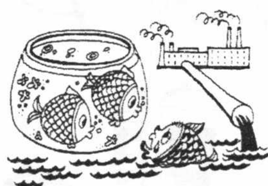
Это соломоново решение обошлось государству в 36 466 рублей 98 копеек. Такова сумма иска Госрыбинспекции за гибель 84 240 штук леща и тарани.

К ответственности привлечены конкретные виновники: водитель И. Красовский, зам. председателя Н. Бугера, начальник автобазы В. Сазонов и сам председатель.

Есть ли надежда, что они заплатят из своего кармана хотя бы 98 копеек? Не уверен.

Великолепетихский маслозавод, например, уже несколько лет травит своими отходами рыбу в Каховском водохранилище. Госрыбинспекция из года в год налагает за это штрафы на руководителей предприятия, а местный нарсуд с таким же постоянством их отменяет.

В том же феврале из-за неисправности трубопровода мазутохранилища предприятие выпустило в залив 100 килограммов нефтепродуктов. Думаете, руководители маслозавода схватились за голову, своевременно приняли меры, чтобы убрать мазут с берега и с прибрежного льда? Как бы не так! Некогда было. Все силы оказались брошенными на то, чтобы отбиться от Госрыбинспекции. И поначалу активная эта оборона принесла даже некоторый успех: удачно «отбрили» участкового ихтиолога Л. Улитенко, сердито «указав» ей, чтобы не раздувала дело, которое «выеденного яйца не стоит». Отказались подписывать акты и протоколы: «Что он, меченый, этот мазут? Докажите, что наш!» А тут еще очень кстати местный нарсуд отменил персональные штрафы.

— Гром победы раздавайся! А Славутич — он стерпит, не такое выдерживал!

Тем временем вонючее пятно расползлось по акватории.

Отрезвил руководителей предприятия только иск Нижнеднепровского бассейнового управления по регулированию, использованию и охране вод. Сумма иска оказалась впечатляющей: 18 тысяч рублей.

И вот арбитраж. Я записал прения сторон почти стенографически.

АРБИТР: Товарищ Тарасова, вы же признали, что в залив Каховского водохранилища сброшено до ста литров нефтепродуктов!

Н. ТАРАСОВА, главный инженер маслозавода, непосредственно отвечающая за охрану окружающей среды: Это я на их уговоры поддалась. Но акт не подписала. Если и попало в залив, то несколько килограммов. Остальное — фантазия. Премии себе зарабатывают!

А. МЕЛЬНИЧЕНКО, старший инженер Херсонской гидрохимлаборатории: Площадь нефтяного пятна на поверхности водохранилища — тысяча квадратных метров. От нескольких килограммов такого не бывает!

Н. ТАРАСОВА: А откуда вы знаете, что это наш мазут?!

П. ОРЛОВА, руководитель группы санитарной охраны Госрыбинспекции: Разрешите предъявить фотоснимки с места происшествия. (С разрешения арбитра все осматривают снимки.)

Н. ТАРАСОВА: Непонятно... Чернота какая-то... Может, это и не мазут!

Е. ГРИГОРЬЕВ, главный механик Херсонского областного объединения молочной промышленности: Я что-то тоже сомневаюсь... Может, это земля, солнышком пригретая?

Вот так. В таком аспекте. Какая уж тут любовь к природе, сознание своей вины перед ней! Главное — любыми путями отбиться от тех, кто стоит на страже природы!

Существует множество строгих предписаний, постановлений, инструкций, циркуляров по охране окружающей среды. Есть, наконец, постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей», а грязные стоки все равно попадают в Днепр и его водную систему.

Конечно, нельзя во всем винить руководителей промышленных и сельскохозяйственных предприятий. В Херсонской области 555 объектов, которые пользуются рыбоохранными водоемами. В большинстве из них, как и на консервном комбинате, вместо очистных сооружений те же корыта с перегородками. Обновляются и реконструируются они здесь недопустимо медленно. Многие руководители предприятий обеспокоены этим не меньше, чем Госрыбинспекция. Но ведь «пока солнце взойдет, роса очи выест»,— надо же и им самим что-то предпринимать!

Разве не мог тот же товарищ Жураковский заткнуть трубу, из которой, минуя отстойники, выливается мутный поток? Разве трудно заделать дыры в половых решетках халвично-овощного цеха, через которые отбросы овощей попадают в реку! Или ликвидировать помойку, образовавшуюся на берегу, в двух шагах от плаката «Берегите воду — источник жизни»?

Товарищи Тарасова и Григорьев не считают себя виновными в аварии трубопровода. Но разве не их обязанность была предусмотреть возможность такой аварии? А потом своевременно принять меры к ликвидации ее последствий?

К сожалению, мне не пришлось встретиться с председателем Белозерской «Межрайсельхозхимии» товарищем Дрибничем. Однако не сомневаюсь, что и он сошлется на некие «объективные причины».

Только за текущий год работниками Госрыбинспекции составлено почти две сотни протоколов на должностных лиц. Протоколов могло быть значительно больше, но, как уже сказано, объектов 555, а в группе Полины Ивановны Орловой вместе с нею... три человека.

Знаете, как они работают?

Я провел в этом отделе четыре дня, и только в автомашине, которая то и дело мчала Орлову по вызовам и куда я вскакивал вслед за ней, выпадало несколько минут для интервью.

В кабинете для этого возможности не было.

Что такое выходной день, Орлова знает только понаслышке.

Полину Ивановну уважают и... побаиваются. Утаить причину нарушения, скрыть размеры нарушения от Орловой нелегко. Уже через несколько минут после разговора с Орловой выражение оскорбленной невинности сползало с лица «загрязнителей», а независимый тон сменялся лепетом оправданий.

Так было не всегда. За двадцать два года работы в инспекции случалось всякое. Слышала и высокомерное: «Не суйтесь, куда вас не просят!..» Испытала и вызовы в «вышестоящие», иногда и просто обманывали: «Какое загрязнение? Вас ввели в заблуждение!»

— Сейчас на такое осмеливаются все реже,— говорит Полина Ивановна.— Зато стали изворотливее, когда надо скрыть свое преступление.

— А как здоровье Днепра в общем? Не грозит ему серьезное заболевание?

— Трудно еще, конечно, приходится. Однако со скрипом, но дело улучшается. Как уж мы, например, с комбайновым заводом имени Петровского сражались, но своего все же добились. Теперь у нас с дирекцией разговоры только самые дружеские: очистные сооружения приведены там в порядок, все источники загрязнения учтены и обезврежены. За охраной природы следят люди не на словах, а на деле. Наша работа, так сказать, и на глаз видна: еще недавно на реку Кошевую людей не пускали, отравиться можно было водой, до того была загрязнена. А теперь там рыбу ловят. Нет, мы своего Славутича в обиду не дадим!..

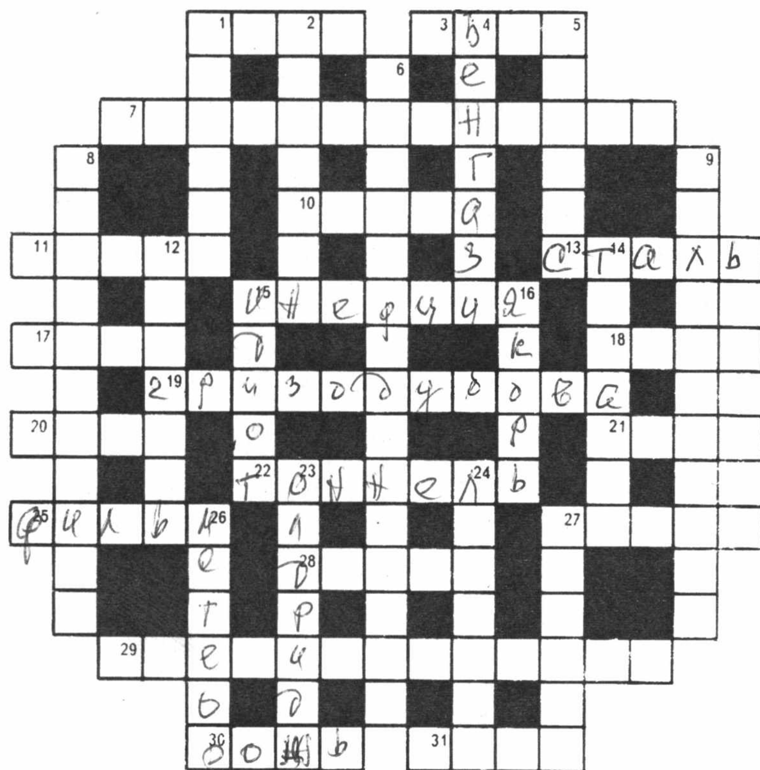
Начальника областной Госрыбинспекции С. Т. Артющика мне удалось застать в кабинете лишь перед самым отъездом. Степан Трофимович только что вернулся с рыбопитомника — любимого своего детища: переселял мальков в естественное водохранилище.

— Как здоровье Днепра?— переспросил он.— Улучшается здоровье. Но сколько еще предстоит сделать! В первую очередь нужно создать серию рыбоводных заводов. Будет зарыблена вся низовая часть реки. Такая сырьевая база должна быть, чтобы брать здесь не менее 250 тысяч центнеров рыбы в год. Весомый вклад в продовольственную программу области? То-то! Только скорее бы, скорее поняли все, что вода — наша радость, здоровье, кормилица наша. Причинять ей вред — преступление против самих же себя!

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Роман Л. М. Леонова. 3. Слоновая пальма. 7. Вид занятия в пределах одной профессии. 10. Бахчевая культура. 11. Областной центр в РСФСР. 13. Сплав железа с углеродом. 15. Свойство тела сохранять состояние движения или покоя. 17. Французский график XIX века. 18. Плотная хлопчатобумажная ткань. 19. Летчица, Герой Советского Союза. 20. Остров в Индонезии. 21. Крупное соединение боевых кораблей. 22. Подземное сооружение для движения транспорта. 25. Произведение киноискусства. 27. Старинная единица аптекарского веса. 28. Советский летчик-космонавт. 29. Русский поэт, филолог, академик XVIII века. 30. Картина И. И. Шишкина. 31. Главное действующее лицо романа Д. Лондона.

По вертикали: 1. Разновидность корюшки. 2. Насыщенный углеводород. 4. Порт в Ливии. 5. Дирижер, народный артист СССР. 6. Раздел физики. 8. Наука о растительном покрове Земли. 9. Эстрадно-цирковой артист, фокусник. 12. Лесная певчая птица. 14. Ударный музыкальный инструмент. 15. Роман Ф. М. Достоевского. 16. Вращающаяся часть электромашины. 23. Английский писатель, лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». 24. Специалист в сельском хозяйстве. 26. Марка судна на подводных крыльях. 27. Горный хребет в Забайкалье.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 43

По горизонтали: 4. Анонс. 5. Наровля. 8. Виндсерфинг. 9. Шпак. 12. Кемь. 14. Шонин. 15. Поярков. 16. Стилист. 17. «Декабристы» 18. Свиристель. 20. Гранула. 21. Гвардия. 22. Плятт. 24. Снов. 25. Трак. 26. Силосование. 27. Бакулев. 28. Кокос.

По вертикали: 1. Карандаш. 2. Молодежная. 3. Ксилофон. 6. Микробиология. 7. Анкетирование. 10. Проскурин. 11. Карабанов. 12. «Калистрат». 13. Масленица. 19. Трясогузка. 22. Прокатка. 23. Траверса.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Молодой хлопкороб Зулхумар Хайдарова. (См. в номере материал «Сила нерушимого союза».)

Фото И. Гаврилова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мемориальная усадьба Я. Коласа в Альбути. * Неман на родине поэта. * Литературный музей Я. Коласа в Смольне. * Памятник Я. Коласу в Минске. Скульптор З. Азгур.
(См. в номере материал «Летописец народной судьбы».)

Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.10.82. Подписано к печати 26.10.82. А 00420. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18.20. Тираж 1 780 000 экз. Изд. № 2574. Заказ № 3186.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Крутится лотерейный барабан.

ТЕЛКА В ЛОТЕРЕЮ

Георгий РОЗОВ,

фото автора

— Разыгрывается телка! — гремят над площадью слова ведущего. Девочка крутит лотерейный барабан и поднимает над головой билетик:

— Номер триста двадцать пять.

На трибуну поднимается пожилой мужчина. Ведущий объявляет:

— Главный выигрыш нашей лотереи достался пенсионеру, бывшему механизатору Алексею Андреевичу Кобыкину! — Площадь гудит, аплодирует, поздравляет счастливчика.

Директор школы А. В. Петренко выиграла поросенка.

Эта необычная лотерея состоялась в селе Иргаклы, Степновского района, Ставропольского края, в День работников сельского хозяйства. Здесь живут четыре тысячи человек, и билетов было продано тоже четыре тысячи: по одному на душу. Каждый билет стоил два рубля. Разыгрывали триста выигрышей — дары колхозных полей и ферм: козы, овцы, поросята, куры, мешки пшеницы, муки, лука, вязанки бубликов, арбузы в обе руки... Но гвоздем этой обширной программы была молоденькая телка, которая готовилась вот-вот принести новым хозяевам приплод.

Главный организатор лотереи, председатель колхоза «Путь к коммунизму», Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР Николай Дмитриевич Терещенко как раз в те минуты, когда разыгрывались последние поросята, арбузы и прочие дары колхозных полей и ферм, заканчивал сеанс одновременной игры. Из двадцати шахматных партий он выиграл девятнадцать, но в одной все-таки зевнул ферзя и вынужден был сдаться. Огорчился, конечно. Человек он азартный и в округе слывет выдумщиком. Всегда его колхоз на две головы впереди соседних. Вот и в этом году урожайность пшеницы здесь двадцать восемь центнеров с гектара — это в два с половиной раза выше, чем по району в среднем. И овцы в колхозе у Николая Дмитриевича вдвое плодовитее, и в банке свободных денег четыре миллиона рублей.

— Вы же понимаете,— говорит Николай Дмитриевич,— с неба такие показатели не падают. Это все труд, и труд нелегкий. Причем у нас в колхозе летом работают все. Даже пенсионеры и школьники. Ученические бригады, например, вырастили двести ягнят, у ребят своя ферма на девять коров, куры, кролики. На уборке два старшеклассника были комбайнерами, а восемнадцать — штурвальными. Вот поэтому мы, затевая лотерею, решили, что билеты будем продавать всем жителям села без исключения. Все работали — для всех и праздник. Выигрыши лотереи — это продукция колхоза. И при этом мы никакой выгоды не искали. Все деньги, которые выручили от продажи билетов, обеспечены стоимостью выигрышей. Цены колхозные, а они значительно ниже рыночных.

Шумно и весело было на площади перед Дворцом культуры. Силачи состязались в поднятии тяжестей. Любители поесть льнули к палаткам девяти колхозных столовых, где бесплатно кормили всех желающих блинами, сдобными булочками, пирожками, поили кофе и чаем.

Праздник закончился, когда уже близился вечер. В лотерее особенно везло школьникам: ученик девятого класса Сергей Завражин выиграл козу. А семье директора школы Антонины Васильевны Петренко достались овца и поросенок.

Долго в селе Иргаклы будут вспоминать этот день, перипетии и подробности лотерейного действа, а заодно строить предположения: что придумает правление колхоза к следующему Дню урожая?

Весело!

Фото на память.

Телку выиграл пенсионер А. А. Кобыкин.

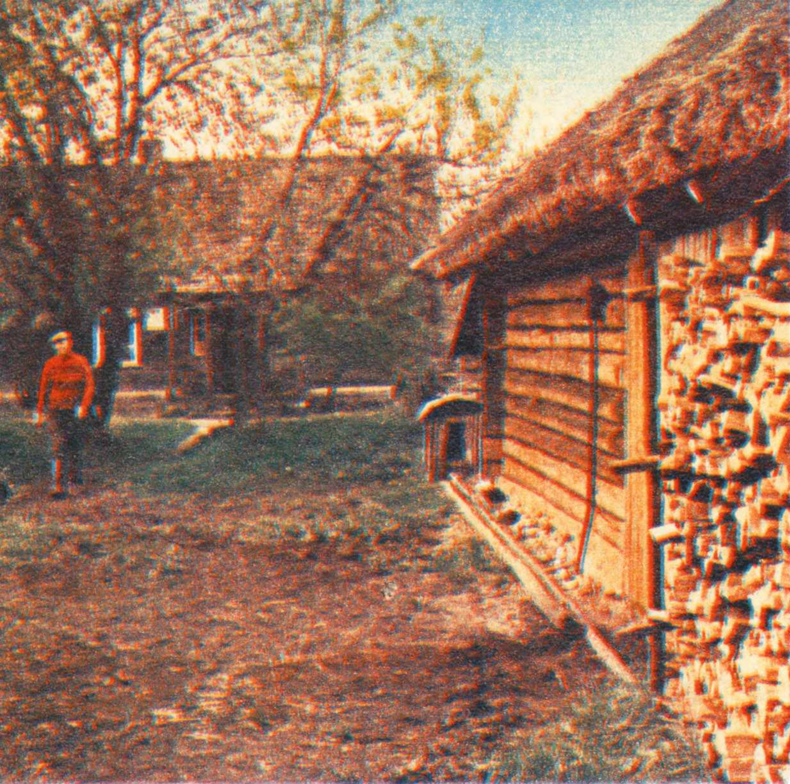
Хлеб-соль председателю колхоза Н. Д. Терещенко.

А тем временем идут шахматные баталии.

Арбузы в обе руки.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663